

В. И. ПОСТОВАЛОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ФОНОЛОГИЯ
И
ЕЕ ОСНОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В.И. ПОСТОВАЛОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ И ЕЕ ОСНОВАНИЯ

ОПЫТ ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА

Издательство "Наука"
Москва 1978

В монографии рассматриваются исходные принципы, допущения, категории, понятия исторической фонологии; дается логическая характеристика единиц описания и экспланаторных теоретических средств. Анализируется проблема автономности исторической фонологии и целесообразности создания дисциплины, синтезирующей структурно-функциональное и генетическое представления фонологической системы.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Б.А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей работы — проведение логико-методологического анализа исторической фонологии, сравнительно молодой лингвистической дисциплины, переживающей период своего становления и интенсивного развития.

Очевидно, что задачи, объем, средства и техника методологического анализа находятся в прямой зависимости от того, какое содержание вкладывается в понятия "методология" и "методологический", которые понимаются далеко не всегда однозначно. Существует несколько трактовок методологии в зависимости от того, что считается исходной категорией, лежащей в основе определения этого понятия, — знание, действие или знание и действие одновременно.

Согласно первому толкованию, методология понимается как знание особого рода (методологическое), противопоставляемое объекту своего знания, в качестве которого могут рассматриваться такие феномены, как метод или деятельность. Методология в таком понимании представляет собой частное учение о методах как объектах особого рода, наряду с такими объектами, как научные концепции, виды мышления и т.д., или же как теория действия, "учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности" (Спиркин, Юдин 1974, 478).

Согласно второму толкованию, приоритет в определении природы методологии отдается действию, а не знанию, и сама методология при этом задается не как знание (логия), а как действие или особый тип (сфера, организованность) деятельности (в частности, деятельности познания и мышления).

При третьей трактовке методология понимается и как знание и как действие, ср., например, одно из определений методологии (ФЭ 1964, 420) как учения о "методах познания и преобразования действительности" и применения "принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному творчеству вообще и к практике".

Очевидно, в каждом из рассматриваемых случаев понятие методология противопоставляется различному концептуальному окружению. Так, в первом подходе, вытекающем из противопоставлений метода и методологии понятию теории или онтологии, возникают оппозиции типа: методология/теория или методология/онтология. В рамках второго подхода, по крайней мере внутри некоторых из его направлений, в качестве исходного расчленения пред-

лагается противопоставление метода и методологии понятию практической деятельности, в качестве которой может рассматриваться любая деятельность, включая и научное исследование любой степени сложности (ПИСН 1967, 107).

Очевидно, что наиболее широкое понимание методологии и соответственно методологического анализа (рефлексии) будет при трактовке методологии как особого рода деятельности, а наиболее узкое — при толковании ее как учения о методе.

Как нам представляется, наиболее расчлененные представления и средства для достаточно адекватного описания научного предмета выработаны в рамках понимания методологии как определенной сферы и организованности деятельности. Именно на это понимание мы и будем опираться в нашей работе в трактовке методологического анализа науки, определяя его как характеристику деятельности исследователей в рамках научного предмета и ее определенных результатов.

Процесс исследования деятельности и норм научного мышления обычно входит в круг задач логического анализа¹. Если принять широкое понимание методологии как сферы и организованности деятельности, то при таком понимании логический анализ может рассматриваться как составная часть методологического анализа и можно говорить о методологическом анализе в широком смысле слова². Однако, поскольку в качестве основных средств методологической рефлексии обычно используются логические средства, то можно говорить о логико-методологическом анализе (рефлексии).

В отличие от предметных исследований, ориентированных на непосредственное изучение объекта, при методологическом анализе (при любом его понимании) имеют дело как с исследуемым объектом, заданным методологии косвенно, так и с деятельностью его исследования в рамках научного предмета³.

Исходная целостность, с которой в рамках своей аналитической деятельности имеет дело методолог, занимающийся проблемами научного познания, является научная дисциплина (научный предмет, предмет науки). Соответственно для осуществления различного рода работ в области методологии научно-исследовательской деятельности в качестве средства анализа необходима модель научной дисциплины. В настоящей работе в качестве средства методологического анализа используется модель научного предмета, построенная в соответствии с идеями системного подхода, теории деятельности и содержательно-генетической логики (в более поздней версии — теории мышления).

¹ О различных традициях и возможностях трактовки "логики" и "логического" см., например: Щедровицкий 1975а, 43. О трактовке логики как части методологии см., например: ЭПФ 1976, 7.

² См. квалификацию методологического анализа как исследования, "где вскрываются те элементы познавательного процесса, которые выступают в качестве средств и условий получения знания данного типа" (ФМН 1972, 10).

³ "Предметник ... принимает за объект исследования тот или иной фрагмент внешнего мира, методолог исследует фрагмент деятельности предметника по изучению некоторого фрагмента внешнего мира" (Алексеев 1968, 91, 92).

Данная модель, вытекающая из гипотезы о "логической первичности категории деятельности" при методологическом моделировании процесса познания (Алексеев 1968, 95)⁴, трактует научный предмет как сложную систему естественно-искусственного типа⁵ двойной природы — натуральной и деятельностной, включающую ряд подсистем (проблемы, задачи, онтологию, модели, теорию, эмпирический материал, средства, процедуры), а также метаслой, в состав которого входят основания научного предмета. Не останавливаясь подробно на характеристике этой модели (ее описание приводится далее), ограничимся несколькими замечаниями относительно оснований научного предмета.

Прежде всего следует подчеркнуть, что понятие основания не является синонимом понятия основы, под которым понимают обычно опорную часть, остов или каркас предмета — его базисные положения, законы, идеи, на которых он строится. Основания научного предмета включают совокупность логически исходных, руководящих принципов, базисных смысловых структур (концепций), лежащих в основе всех его построений, обосновывающих эти построения, но внутри самого предмета обоснования не имеющих. Существует и более широкое понимание оснований, встречающееся, например, при определении оснований математики как совокупности "понятий, концепций и методов, с помощью которых строятся различные математические дисциплины, а также комплекс математических и философских теорий и направлений, посвященных исследованию этих понятий, концепций и методов" (ОМ 1974, 566)⁶.

В отличие от основ, содержащих наиболее существенные смыслы, генерируемые непосредственно в рамках научного предмета и закрепленные обычно в его специфических понятиях, основания представляют собой смысловые структуры, восходящие к идеям концепций, "внешних" по отношению к рассматриваемому предмету (ср. понятие системы вообще и понятие фонологической системы).

Особенностью принципов, управляющих построением научного предмета, является то, что они подобно категориям в нем теоретически не доказываются. Такие принципы могут эксплицитно не формулироваться и даже не обязательно осознаваться исследователями, работающими в данной дисциплине. Выявление их из ткани научного предмета, построенного в соответствии с этими принципами, требует специального анализа⁷.

Поскольку в качестве нормативного образования принцип не может быть доказан, пока не построен соответствующий предмет, то постановка

⁴ О внутренней противоречивости модели познавательного процесса "субъект-объект" (где процесс познания трактуется как взаимодействие субъекта и объекта), требующей логической вторичности понятия деятельности по отношению к понятиям субъект и объект, а также о недостаточности этой модели для анализа конкретных познавательных актов вследствие ее слишком общего характера см.: Алексеев 1968, 94, 95.

⁵ О классе систем, в которых наблюдаются феномены естественного и искусственного см.: СВЯ 1967, 48–56; Генисаретский 1970б.

⁶ О принципах научного мышления см.: Ракитов 1975; Зотов 1973, 118–130.

⁷ Ср. замечание Ф. Франка (1960, 102) о том, что непосредственная проверка "интеллигибельных принципов" с помощью научных методов невозможна.

вопроса о его основаниях на некотором начальном этапе его формирования, пока он хотя бы в первом приближении не построен, может быть вообще некорректной и незакономерной. «Наука весьма сложным путем приходит к осознанию своих теоретических оснований и тех принципов, которыми она фактически руководствуется, — пишет Т.И. Ойзерман (1972, 96). — Вопреки обыденным представлениям, принцип — не исходный пункт исследования, а его конечный результат⁸. Вернее: прежде чем принципы становятся методологическими "директивами..." они должны быть получены путем теоретического осмысления предшествующего развития науки... Принципы всегда нуждаются в дальнейшей теоретической разработке, конкретизации, а иной раз... и в пересмотре».

Целью настоящей работы является проведение логико-методологического анализа строения, функционирования и генезиса исторической (в другой терминологии, диахронической, или генетико-диахронической⁹) фонологии и ее оснований. В качестве объекта исследования был выбран классический вариант исторической фонологии (работы Р. Якобсона, А. Мартине и выполняемые в этом же русле исследования М.И. Стеблина-Каменского, В.К. Журавлева, Я.Б. Крупаткина и др.), исходящий из идеи автономности (относительной независимости) фонологического уровня описания и базирующийся на принципах системности и историзма.

Центральную часть в работе занимает глава, посвященная изложению логико-методологического анализа исторической фонологии и ее оснований, опирающаяся на две предыдущие главы, которые выполняют по отношению к ней в известном смысле роль методологического введения. В первой главе излагаются идеи, понятия и принципы системного подхода, используемые в качестве средств построения избранной в работе модели научного предмета, служащие в качестве точки отсчета для типологического сопоставления различных концепций в рамках исторической фонологии, а также являющиеся источником базисных принципов исторической фонологии — принципов системности и историзма. Во второй главе содержится изложение основных задач, принципов и процедур логико-методологического анализа научного предмета, а также описывается модель научного предмета, в терминах которой производится анализ исторической фонологии. В заключении ставится вопрос о целесообразности рассмотрения исторической фонологии в качестве автономной дисциплины и дискутируется проблема создания синтетической дисциплины, исследующей глобальный процесс существования фонологической системы во времени.

⁸ "В отличие от других архитекторов, — пишет К. Маркс (Маркс, Энгельс 1959, 43), — наука ...возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент".

⁹ О соотношении категорий история и развитие см.: Бодуэн де Куртене 1963а, 222–254.

КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЕ СРЕДСТВА, ПРИНЦИПЫ И ПРОЦЕДУРЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Одним из ведущих направлений современной интеллектуально-практической деятельности является так называемое системное движение, реализующееся в таких формах, как: (см. подробнее: Генисаретский 1975, 430; Садовский 1975, 26) "системопрактика", "системотехника", "системология" (общая теория систем), методология системного движения, философские вопросы системного подхода¹.

Несмотря на многовариантность своего воплощения, системное движение имеет некоторые общие черты, свойственные всем его проявлениям. К ним относится прежде всего наличие единой категориальной парадигмы (точнее сказать, нескольких), а также базирующихся на ней принципов и техники системных описаний. Категориальная парадигма, появляющаяся в результате специальной методологической рефлексии над практикой системного движения (Генисаретский 1975, 429), представляет собой известную идеализацию, позволяющую "схватить" инвариантные черты исследуемого явления². Для того чтобы понять более конкретные черты системного движения и их эксплицитно выразить, можно воспользоваться обратным методическим приемом — спецификацией, позволяющей представить конкретный облик определенных форм системного движения как своего рода интерпретацию (переосмысление) категориальной парадигмы и принципов системного подхода. Отвлечемся от того, что такие общие представления (категориальная парадигма и общие принципы) генетически были сами вычленены ("экстрагированы") из реальности системного движения в особом акте методологической рефлексии.

В рамках системного движения находятся и лингвистическая дисциплина историческая фонология — предмет логики-методологической рефлексии настоящей работы, и методологическая дисциплина "структура науки", в которой разрабатывается модель научного предмета, используемая для анализа исторической фонологии. Обе дисциплины строятся соответственно в средствах (онтологии) системного подхода.

¹ О методологической природе системного подхода см.: Блауберг, Юдин 1973; Юдин 1973; Шедровицкий 1964б; 1974б.

² Ср. трактовку понятия "направление" в философии как "известной общей ориентации" и "идейной стилистики мышления", реализующейся « лишь как суммарная тенденция, лишь через "неосуществление" в каждом отдельном случае, в каждом "при мере" » (Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1972, 29).

Поэтому представляется целесообразным в настоящей работе описать категориальную парадигму (точнее парадигмы) системного подхода и базирующиеся на ней принципы и приемы описания, а также дать наиболее распространенную предметную спецификацию основных категорий, проводимую в системологии (общей теории систем) и более конкретных научных дисциплинах (типа лингвистики), квалифицирующих свои объекты исследования как системы определенного рода.

Рассмотрим в самых общих чертах логические возможности системного подхода, часть из которых реализована в практике научно-исследовательской деятельности и отрефлектирована в методологических описаниях, часть сформулирована как возможность анализа (спроектирована в методологии) и, наконец, часть допустима лишь теоретически. Характерная для современного состояния системного движения многовариантность в реализации основных идей и принципов системного мышления касается как особенностей "видения" объектов на уровне категориальных парадигм, задающих самое общее представление объекта, так и особенностей техники проведения основных процедур. Соответственно варианты системного подхода могут различаться: 1) по типу используемой категориальной парадигмы, 2) по процедурной базе, 3) по онтологической картине, выражающей основные процедуры. В наиболее распространенном элементарном варианте системного анализа (вариант 1), основными категориями, в соответствии с которыми осуществляется анализ, являются система, элемент, связь, структура. В более сложных формах системного подхода предлагаются более развернутые системы категорий, включающие, например, такие категориальные связки, как структура, процесс, элемент, функция, связь, взаимодействие (вариант 2, его описание см.: Генисаретский 1970а; 1975, 433, 434), или процесс, материал, структура, элемент, организованность, форма, механизм, конструкция (вариант 3, его описание см.: Щедровицкий 1975б, 96—109).

В системе категорий выделяют обычно базисные (предельные) категории и производные. Предельными категориями, в соответствии с которыми осуществляется анализ в варианте 2, являются процесс и структура (результат первичного разложения категории система). Остальные категории (производные) рассматриваются как их сложения или разложения (развертки). Разложение категории структура дает категориальную связку элемент—связь, сложение категорий элемент и процесс — категорию функция; сложение категорий процесс и связь — категорию взаимодействие, которое интерпретируется, таким образом, как процессуальное "видение" связи (процессуальный эквивалент связи как компонента структуры).

Исходным категориальным противопоставлением, на основе которого происходит порождение основных категорий и осуществляется затем системный анализ, в варианте 3 является категориальная оппозиция процесс—материал. Остальные категории, образующие три группы — структура и организованность, форма, механизм и конструкция — вводятся далее в ходе системного анализа в связи с задачей соединения категорий процесса и материала.

Поскольку термин "система" применяется априорно лишь к классу "целостных" систем (Генисаретский 1975, 432; СИ 1977, 5–28), то предельной категорией системного подхода, наличествующей во всех вариантах категориальных парадигм, является категория целостности, имеющая своей функцией "рефлексивное замыкание" категориальной парадигмы³.

В генетическом плане в понимании системы в рамках системного движения выявляются два этапа. На первом из них дискуссионным был вопрос о том, включать ли в систему материал или только структуру, на втором этапе — включать ли в систему процесс. Соответственно имеются различные категориальные парадигмы, отражающие эти понимания.

Одна из основных функций категорий в рамках мыслительной деятельности — регулятивная. Поэтому каждой базисной категории из категориальной парадигмы системного подхода может быть поставлен в соответствие определенный принцип.

Центральный принцип системного подхода, это принцип, согласно которому объект научного исследования теоретически может быть рассмотрен как система, выступающая в виде определенной целостности⁴.

Принцип системности конкретизируется в своих более частных разновидностях — принципах целостности, иерархичности, необходимости учета процесса и материала и т.д.

Согласно принципу целостности, в системном анализе постулируется "первичность" системы как целого над своими элементами (Садовский 1974, 18, 19, 31, 84, 104, 233). Это означает, что свойства системы как целого не сводятся к сумме свойств элементов, составляющих систему, а определяются интегративными свойствами структуры системы, порождаемыми в свою очередь наличием специфических связей и отношений между элементами системы. Поскольку каждый элемент в системе связан с другими элементами, то его свойства не могут быть поняты без учета связей с другими элементами системы как целого.

Следствием такого понимания принципа целостности является требование многосторонности охвата объекта изучения в рамках системного анализа, а также требование исследования объекта как неразрывно связанного со своей средой (окружением), во взаимодействии с которой происходит формирование свойств системы как относительно обособленной целостности.

Согласно системно-структурному принципу иерархичности (Садовский 1974, 84–85, 104–105, 233; Рассел 1957, 286; ПИСС 1965, 128, 129), любая система рассматривается как сложное иерархическое образование, в котором выделяются различные взаимосвязанные, соподчиненные, но не сводимые друг к другу уровни. Это означает, что каждый компонент системы (например, имеющийся в ней процесс) может рас-

³ О категории целостности см.: Блауберг 1964; Юдин 1970; СИ 1977, 5–28, 61–85.

⁴ Экспликацию понятия "система", а также критический анализ трактовки системы как множества и отношений см.: Садовский 1974, 5, 10, 18, 103–105, 184; Генисаретский 1975; а также у С.Б. Крымского (МСЛН 1966, 128, 134).

смагиваться как самостоятельная система, а сама исследуемая система в зависимости от различных задач — как один из компонентов другой, объемлющей ее системы⁵.

Следствием принципа иерархичности является требование многоуровневости описаний и многослойности (многоплоскостности) представлений системы, где ни одно из представлений не считается превалирующим, а рассматривается лишь как частичное и подчиненное остальным. Принятие принципа иерархичности позволяет осуществлять анализ систем с помощью категорий внешнее/внутреннее, производя различение у объекта его внешних и внутренних структур, процессов, элементов, связей и т.д.

В число принципов системного анализа входит также принцип относительности любого описания системы и связанный с ним принцип множественности описания любой системы внутри различных уровней и слоев, согласно которому адекватное знание о системе может быть получено путем построения класса описаний, каждое из которых отображает лишь определенные аспекты системы⁶.

Рассмотрим спецификацию категориальной парадигмы системного подхода в рамках общей теории систем (системологии) и некоторых конкретных научных дисциплин, представляющих свои объекты исследования как системы определенного рода.

Понятийная интерпретация системных категорий имеет своим предназначением выявление поля возможных смыслов, развертываемых в рамках системного движения, с тем чтобы нагляднее представить специфику понятийной интерпретации категорий и базирующихся на них принципов в исторической фонологии.

При проведении понятийной интерпретации категорий отвлечемся от того факта, что рассматриваемые категории входят в состав разных вариантов категориальных парадигм системного подхода и что одноименные категории из разных вариантов парадигм не являются в строгом смысле тождественными (или даже сопоставимыми). Будем тем не менее считать, что все эти категории как категории системного подхода входят в единое смысловое поле, задаваемое категорией целостности.

Проведение понятийной интерпретации категорий предполагает два момента: выявление содержания категории в понятии, а также исчисление понятий, созданных на основе дифференциации (расщепления, уточнения и т.д.) основного значения этой категории. При понятийной интерпретации категорий будем стремиться к следующей последовательности изложения: 1) фиксирование ситуации системного анализа, 2) определение внутренних возможностей ее дифференциации с помощью введения ряда различий, 3) констатирование этих различий в виде определенных понятий.

⁵ О возможности рассмотрения процесса, протекающего во времени, как элемента "более общей системы, в которой имеются устойчивые (точнее более устойчивые) связи и отношения" см.: Л.Н. Любинская (ПИСС 1965, 128, 129).

⁶ О целесообразности исследования двух последовательных во времени целостных систем "более чем одним способом" см.: Hoenigswald 1960, V.

Рассмотрим в самом общем виде понятийную интерпретацию категорий элемент, связь, структура, процесс, функция, развитие.

Понятийная интерпретация элемента как компонента категориальной парадигмы системного подхода связывается обычно с обсуждением того, обладает ли он свойством делимости/неделимости, с одной стороны, а также материальности/нематериальности — с другой.

Проблема делимости/неделимости элемента сводится к выявлению релятивного или абсолютного характера элемента в категориальной парадигме, т.е. того факта, что один и тот же предмет, трактуемый в одних контекстах как элемент, в других контекстах может (или соответственно не может в случае отрицания релятивного характера элемента) трактоваться как система. В таком определении характера элемента нетрудно уловить связь с системно-структурным принципом иерархичности, следствием которого явится признание за элементом способности и к делимости, и к неделимости⁷.

Что же касается трактовки элемента в плане материальности/нематериальности, то это связано со специфическим положением его в структуре системы, где он охвачен множеством связей с другими элементами этой структуры. В рассматриваемой ситуации имеется возможность двух различий: во-первых, пучка связей, в которые поставлен исходный объект, во-вторых, самого объекта, помещенного в этот пучок связей и окруженного им. Если множество (набор) связей, в которых находится исходный объект, вслед за О.И. Генисаретским (1970а, 29; ПИСС 1965, 33), обозначать термином "место", а соответственно сам объект, занимающий это место, — термином "наполнение" (материалом), то с учетом проведенных расчленений элемент в структуре системы можно трактовать трояко. Его можно рассматривать: 1) как "наполнение, актуально включенное в связи своего места", 2) как "место, связи которого актуально охватывают наполнение" и 3) как "место" и его "наполнение" одновременно.

Структуру относят обычно к числу предельных категорий системного подхода. Она трактуется как сущность, занимающая промежуточное положение между рядом других сущностей, выбор которых определяется типом категориальной парадигмы и ее понятийной интерпретацией. В одних концепциях такими сущностями являются целостность системы (по отношению к которой структура выступает как сущность, обеспечивающая системе такое ее свойство), а также элементы и связи (по отношению к которым структура трактуется как нечто, включающее элементы и связи). В других концепциях структура занимает промежуточное положение между процессом, по отношению к которому она, будучи ему непосредственно противопоставлена, трактуется как его "остановленное изображение" ("статическое представление"), и материалом системы, по отношению к которому структура выступает как осо-

⁷ О двух вариантах определения элемента — в обобщенной системной концепции и в частном теоретико-множественном варианте, — различающихся тем, допускается ли в них возможность как делимости, так и неделимости элемента, см.: Садовский 1974, 38, 136, 137.

бый "знаниевый" конструкт, которому не приписывается материального существования⁸ (Щедровицкий 1975б, 111, 112).

Обычно структура определяется как сеть отношений или связей между элементами системы⁹.

Связь трактуется в разных вариантах системного анализа двояко. Во-первых, она может рассматриваться как реальное, естественное основание, обеспечивающее взаимоотношение свойств элементов или их количественных параметров. В этом случае под связью понимают обычно наличие отношений между элементами¹⁰. Во-вторых, связь может рассматриваться лишь как компонент знаний о системах, форма представления, а не реалья. « Говоря о существовании "связей" в объектах, — пишет Г.П. Щедровицкий (1964б, 41), — мы должны понимать, что реально они существуют только либо в эмпирически выявленных зависимостях свойств, либо в тех внутренних механизмах, которые лежат в основе этих зависимостей и специфичны для изучаемого объекта ».

Среди различных типов связей в системе наиболее значимы для анализа строения, функционирования и развития системы так называемые прямые (явным образом заданные) связи и косвенные связи между парами элементов, существование которых постулируется с точки зрения системы в целом. Для анализа класса органических объектов особо значимы также связи функционирования (структурно-функциональные) и генезиса (генетические) (Садовский 1974, 128; Грушин 1961, 71).

Инвариантной чертой всякого процесса является "сознательность" со временем, являющимся необходимым условием его развертывания¹¹. Зависимость процесса от времени имеет относительный характер. Это находит свое проявление в том, что процесс предполагает время и вместе с тем независим от него; другими словами, что процесс не есть функция времени, а суть производное каких-то других сил (Грушин 1961, 59; Щедровицкий 1963, 6).

К числу характерных признаков процесса относят также "длительность"¹² или "кинематичность" — наличие непрерывной последователь-

⁸ Ср. определение структуры как способа внутренней организации объекта, т.е. связи его элементов в определенную целостность, у Е.П. Никитина (1970, 103). Ср. также определение структуры у В.Н. Сагатовского (ПИСС 1965, 218, 219) как отношения, рассматриваемого "как ставшее, в абстракции от изменения, как бы с выключенным временем", в отличие от генезиса, трактуемого как явление (отношение, а не связь), "имевшее место в прошлом и обусловившее данное отношение как результат".

⁹ Об определении понятия "структура" в контексте понятий упорядоченность и организация см.: Садовский 1974, 85.

¹⁰ Критику подобной позиции и выдвижение более узкого толкования связи как отношения определенного типа см.: Садовский 1974, 121, 124, 146. О трактовке связи как момента отношения, а не отношения в целом см. у В.Н. Сагатовского (ПИСС 1965, 218). О логической структуре понятия связи и различении отношений и связей см.: Щедровицкий 1964б, 32, 45; 1966б, 41–49; 1958; Швырев 1959.

¹¹ О понятии процесса как предметно-временной последовательности см.: Генска-ретский 1975, 455.

¹² О длительности как универсальном свойстве процессов см. у Л.Н. Любинской (ПИСС 1965, 126).

ности смены состояний моментов, стадий процесса, образующей единое движение.

Имеются признаки процесса, специфические для определенных классов процессов: 1) существование временных различий в объекте, 2) способность вносить изменения в исходную структуру, 3) качественная обратимость/необратимость, 4) взаимозависимость состояний процесса, 5) телеологичность (направленность)¹³, 6) элементарность/неэлементарность, 7) естественный/искусственный характер, 8) наличие "снятия одного предмета другим" (Столяров 1966, 23), 9) дискретность (прерывность)/континуумность (непрерывность), 10) прогрессивный/регрессивный характер и т.д.

Логически исходным процессом при классификации является процесс изменения. Его существенная черта — способность вносить временные различия в изменяющийся объект¹⁴.

Изменение (в частном случае развитие) объекта трактуется обычно как нетождественность в разные моменты его качественно-количественных характеристик (Никитин 1970, 85). Категория изменения считается самой абстрактной из категорий, отражающих объективные процессы в мире (Грушин 1961, 59). Это связано с тем, что в ней как бы "стерто" (снято) представление о многообразии форм реально протекающих процессов, отражаемом в других категориях и прежде всего в категориях функционирования и развития.

Категории функционирование и развитие определяются обычно относительно тех изменений, которые они оказывают на исходное состояние системы, представляемой на определенном этапе анализа в виде особой структуры. При этом функционирование трактуется как процесс, в ходе которого исходная структура остается неизменной, а развитие — как обратный процесс, приводящий к ее изменению.

Дальнейшей конкретизацией процессов функционирования и развития можно считать восстанавливающие и трансформирующие процессы, выделяемые относительно так называемого полного состояния системы (Генисаретский 1970а, 107, 108)¹⁵. Восстанавливающие процессы, протекая в пределах структурной устойчивости системы, имеют своим предназначением поддержание ее полного состояния, из которого она может выводиться посредством внешних и внутренних воздействий. Трансформирующие процессы, напротив, модифицируют полное состояние системы и переводят ее из одного состояния в другое, выходя за рамки области структурной устойчивости системы и производя структурные изменения в системе. Возможно, эти процессы могут быть зафиксирова-

¹³ Иногда обращается внимание на то, что при характеристике процессов следует избегать пространственных ассоциаций и говорить о наличии границ и направленности процессов лишь в топологическом, а не метрическом смысле.

¹⁴ О видах процессов изменения см.: Никитин 1970, 85; Столяров 1966. Анализ объективного содержания категории изменения см.: Столяров 1975, 150–151; Косериу 1963, 33.

¹⁵ О трех видах процессов — движении, сдвигах, скачках — см.: Генисаретский 1975, 456.

ны в рамках процессуального описания, не расчлененного на функционирование и генезис.

Понятия функционирования и функции возникают логически на том этапе введения системных понятий, когда уже определены понятия структуры, элементов и связей между ними, а также понятие процесса. Исходная ситуация для их введения — это ситуация взаимодействия, или процессуальной связанности, элементов в системе. В этой ситуации, производя предметные расчленения, можно обращать внимание как на поведение элементов в структуре системы ("увидеть" ситуацию с точки зрения элементов), так и на характер формирующих ее связей ("увидеть" ситуацию с точки зрения связей).

В первом случае можно вычленивать свойства, позволяющие элементу участвовать во взаимодействии с каким-либо другим элементом, а также — сам процесс участия элемента во взаимодействии. Для обозначения первой возможности вводится понятие функции, под которой в этом смысловом контексте понимается свойство элемента, позволяющее ему участвовать во взаимодействии элементов; для наименования второй — понятие функционирования, под которым понимается процесс участия элемента во взаимодействии с другим элементом.

Во втором случае, когда при введении понятий функции и функционирования внимание акцентируется на связях между элементами внутри структуры, можно говорить, во-первых, о формах проявления связи и во-вторых, о процессе реализации связью своей специфической природы. Для фиксирования первой возможности используется термин "функция", для фиксирования второй — "функционирование".

Категории функции и функционирования специфицируются в рамках системного анализа в ряде понятий, конкретизирующих их смысловое наполнение. Один из вариантов спецификации (см.: Генисаретский 1970а, 39—43, 81, 99, 137) включает такие понятия:

подфункции (различаемые в зависимости от отношения функции к внешнему окружению системы или же к одной из ее подсистем);

организованность (функциональная структура с однородной системой связей);

функциональный акт (момент, в ходе которого система переходит из одного состояния в другое);

полифункциональный объект (объект, охваченный связями различного типа, имеющий за счет этого в одном и том же времени несколько функционирований), в другой терминологии, объект, существующий в нескольких организованностях;

сигнатура (в рамках систем, способных выполнять несколько функций), под которой понимается подсистема (подструктура плюс подпроцесс), обслуживающая функцию и ответственная за ее выполнение;

функционал процесса (набор функций в системе).

Вторая категория, помимо функции, конкретизирующая категорию процесса, — это категория развития¹⁶.

¹⁶ О логической характеристике категорий развития см.: Грушин 1962; Штейман 1974; Герасимов 1964; Столяров 1966; Мамардашвили 1968, 175—178; Лосев 1977, 3—7.

Многие философы и исследователи отмечают известную ограниченность данной категории, связанную с ее неприменимостью к некоторым видам систем (механическим, искусственным и т.д.), а также невозможностью применения в отношении всех составляющих органической системы (Грушин 1961, 67).

В отличие от категории изменения, разновидностью которой является развитие, категория развития фиксирует не любые временные различия в объектах, а различия вполне определенного типа.

Среди семантических компонентов категории развития отмечают обычно следующие признаки (Столяров 1966, 92; ПЛ 1968, 150–161), часть из которых являются взаимоисключающими в рамках каких-либо концепций, а часть — находятся в отношении выводимости по отношению к другим:

1) наличие внутреннего органического единства составных элементов в противоположность их механическому равновесию у объектов, не относящихся к числу развивающихся;

2) способность этого процесса вносить качественные изменения во внутреннее строение объекта¹⁷, в том числе структурные усложнения в последующее состояние по сравнению с предыдущим при сохранении целостности системы; соответственно признается, что развиваться не могут так называемые бесструктурные объекты и объекты с неподвижной, неизменяющейся структурой (Грушин 1961, 63–68);

3) известная зависимость друг от друга отдельных звеньев в цепи изменений, в частности, обусловленность последующего состояния предыдущим (в случае развития исходный изменяющийся предмет и результат его изменения находятся в связи отрицания);

4) необратимость процесса и связанная с этим невозможность отнесения к числу процессов развития системы структурных изменений циклического типа, возвращающих ее через некоторое время и через ряд промежуточных положений в прежнее состояние;

5) имманентность (определяющий характер внутренних механизмов процесса, с точки зрения которых развитие определяется как самодвижение в условиях борьбы противоположностей);

6) наличие диалектического взаимодействия прогресса и регресса. Иногда в число признаков развития при определении его механизма вводят телеологичность — движение процесса к определенной цели. В отличие от простого становления и движения, — отмечает А.Ф. Лосев (1977, 5), — развитие обладает "определенной направленностью, а именно направленностью постепенно развертывать то, что в самом начале дано в неразвернутом виде".

Категории изменение, функционирование и развитие специфицируются в общей теории систем и в научных предметах в ряде понятий, конкре-

¹⁷ Ср. отмечаемую Б.А. Грушиным (1961, 62) невозможность включения в число процессов развития так называемого преобразования связи, при котором не происходит никаких качественных изменений, хотя возникающая при этом связь и отличается от предшествующей связи определенным числом новых функциональных характеристик.

тизирующих их смысловое наполнение (Садовский 1974, 87, 206—208; Столяров 1966, 76): генезис, становление, эволюция, модификация, варьирование (вариация), мутация, движение, преобразование, переход, превращение, развертывание, история, трансформация, динамика, кинетика, статика, активность, деятельность, взаимодействие, перемещение, притяжение, отталкивание, поведение, звуковой поток, субституция, замена, смена, аккомодация, адаптация, усиление (интенсификация), ослабление, энергия¹⁸, интеграция, дифференциация, централизация (децентрализация) и т.д.

Базисные категориальные противопоставления системного подхода могут быть проинтерпретированы с помощью противопоставлений, не принадлежащих к онтологии системного подхода, но имеющих с ними общие значения. Среди таких эквивалентов интерпретируемых категориальных противоположностей могут оказаться противопоставления из других категориальных парадигм, а также некоторые предметные понятия. Так, к числу эмпирических эквивалентов категориального противопоставления структура/процесс могут быть отнесены (Генисаретский 1970а, 28) оппозиции: пространство/время¹⁹, логическое/историческое, покой/движение, статика/динамика, постоянная/переменная, инвариант/вариант²⁰.

По видимому, частичную эквивалентность понятий процесс/структура и динамика/статика можно рассматривать как следствие отождествления пар категорий процесс/структура и движение/покой. Отметим, что отождествление пар противопоставлений процесс/структура и динамика/статика весьма характерно для лингвистических работ (см., например: Косериу 1963, 58, 147—149, 171—172, 214; Иванова 1963; Плоткин 1967; Тринив 1972; Bever, Langendoen 1971).

Часто значения интерпретируемого противопоставления и одного из его эмпирических эквивалентов считаются настолько близкими, что термины этих противопоставлений употребляются как синонимы. Отсюда — возможность образований типа "процессуальное, или динамическое рассмотрение систем"²¹. Иногда при последующей понятийной интерпретации противопоставления используют весь набор понятий, применяемых при описании эквивалентных противопоставлений.

¹⁸ Ср. энергетическую концепцию языка В. Гумбольдта с его противопоставлением энергии (деятельности) эргону (продукту). См. подробнее: Ramischwili 1967.

¹⁹ О трактовке структурного подхода как пространственного, а генетического — как временного см. у В.Н. Сагатовского (ПИСС 1965, 219).

²⁰ В лингвистических работах термины "инвариант" и "вариант" употребляются обычно для наименования противопоставления единицы системы и единицы текста, находящихся в отношении воплощения (реализации). По словам В.Н. Сагатовского (ПИСС 1965, 219), категории "структура" и "генезис" позволяют как бы "стянуть" в противоположные "узлы" (группы) достаточно широкий класс категорий. При этом в состав первой группы войдут: структура, связь, пространство, сохранность, покой, ставшее, общее, тождество; в состав другой соответственно — генезис, ограниченность, движение, изменение, развитие, становление, время, особенное, различие, возможность.

²¹ Ср., однако, возможность образований типа "динамический процесс" или "статическая структура".

Остановимся кратко на характеристике процедурной базы различных вариантов системного подхода, а также стоящих за ней онтологических картин (подробнее см.: Щедровицкий 1975б, 96—119). В элементарной форме системного подхода результатом разложения объекта на части являются элементы, интерпретируемые после этой процедуры как простые, нерасчлененные единицы. Основными категориями, в соответствии с которыми строится онтологическая картина и организуются процедуры системного анализа этого типа, являются категории элемента и структуры (связи). Онтологическая картина элементарной формы системного подхода принципиально одноплоскостна: объект, квалифицируемый как система, видится как некое сложное единство своих составных частей — элементов и связей (отношений) между ними, именуемых структурой.

В более сложном варианте системного подхода, опирающемся на разветвленную сеть категорий, результатом разложения объекта являются не элементы, а слои представлений²². Такие слои, получаемые путем "категориального отчленения" или "категориальной идеализации" какой-либо стороны системы как целостного образования (Генисаретский 1975, 434, 436) — структуры, процесса (функционирования и развития), организованности (структурированного, оформленного материала) — интерпретируются после разложения объекта, согласно системно-структурному принципу иерархичности, как самостоятельные системы.

Можно говорить о нескольких типах неэлементарной формы системного подхода в зависимости:

- 1) от соотношения и связи основных категорий, в соответствии с которыми осуществляются представления объекта как системы,
- 2) от числа выделяемых слоев представлений и соотношений между ними,
- 3) последовательности этапов проводимых процедур анализа и синтеза.

Онтологическая картина, стоящая за процедурной базой этого подхода в отличие от "плоской" картины элементарной формы системного подхода, принципиально многоплоскостна. Объект при этом видится как синтетическое единство своих частных представлений.

В практике системных исследований весьма распространены редуцированные варианты анализа, отказывающиеся от попытки осуществления глобального представления системы как синтетической суммы частных представлений и получения тем самым многоаспектного целостного изображения объекта. При таких подходах описание системы сводится к реализации какого-либо одного из ее частных аналитических представлений (структурного, функционального, генетико-диахронического)

²² Иногда делается попытка вывести требование принципиальной многоплоскостности онтологической картины при системном анализе из системно-структурного принципа иерархичности (иерархической организации системы); см.: Генисаретский 1970а, 52.

или нескольких, но не всех (структурно-функционального²³, структурно-морфологического). В рамках таких подходов вся целостность объекта берется лишь с какой-либо определенной стороны безотносительно к другим сторонам и отождествляется с ней. Отраженная сквозь призму такого частного представления система и объявляется объектом изучения, совпадающим с рассматриваемым объектом. Так, при структурном представлении объект предстает как некая статическая структура (не содержащая, например, никаких материальных характеристик), как это имеет место в некоторых течениях структурализма. При функциональном представлении объекта все процессуальные акты системы сводятся к актам функционирования.

Иногда функциональное представление системы квалифицируют не как разновидность процессуального, а как представление, занимающее промежуточное положение между структурным и процессуальным. При функциональном описании систем, по словам О.И. Генисаретского (1975, 436), и структурные и процессуальные характеристики системы описываются в терминах, определенных категорией функция, которая, будучи посредником между структурой и процессом, нейтрализует противопоставление структура/процесс. Функционализм, в трактовке Генисаретского (1970а, 35), есть своего рода "статическая динамика" ("динамика — как — статика"), поскольку такой подход позволяет рассматривать системные объекты, относящиеся к категории процесс, элиминируя при этом непосредственное использование понятий этой категории.

Идеи генетико-диахронического представления системы реализуются частично в сравнительно-генетическом языкознании, базирующемся на гипотезе о происхождении родственных языков из генетически единого источника и имеющем два плана исследования: синхронно-сопоставительный, занимающийся фиксацией соответствий, и собственно генетический, восстанавливающий генетические пути исследуемого объекта. Полная реализация идей генетического представления предполагает, чтобы предметом анализа становился генезис системы в целом, а не только отдельных ее элементов.

Возможно представить себе реализацию особого варианта процессуального представления системы — процессуально-эссенциалистского, т.е. такого представления глобального процесса существования системы во времени, при котором имеется в виду единый неразложимый процесс существования объекта, где развитие и функционирование слиты (точнее не расчлняются и не различаются) и при котором не уточняется, идет ли речь о процессуальности в пределах функционирования или развития. Хотя системы связей — функционирования и генезиса, — существующие в исторически развивающихся объектах, — пишет Г.П. Щедровицкий

²³ Многие исследователи обращают внимание на известную несимметричность отношений между структурой и функцией объектов, проявляющуюся в более жестком характере зависимости функции от структуры; см.: Никитин 1970, 107. Иногда (см.: ПИСС 1965, 36) необходимость специального описания "жизни", "функционирования" структуры связывают с тем, что специфика организации структуры (т.е. способа объединения ее элементов связями) приводит к проявлениям, не следующим непосредственно из данных описания ее строения.

(1963, 7), — "существенно различны и должны быть различены", они не могут быть "отделены друг от друга", поскольку "в объекте функционирование и генезис едины, точнее там нет ни того, ни другого", например, в языке "единичные акты речи не функционируют и не развиваются, они просто осуществляются".

Если хотя бы приблизительно верны смысловые пропорции функционирование/генезис и синхрония/диахрония в лингвистике, то, по-видимому, процессуальный план, нерасчлененный на функционирование и развитие, можно считать приблизительно тождественным в определенном аспекте панхронии. При допущении такого отождествления возникает вопрос, что в таком случае изображает нерасчлененное процессуальное представление: абстрактные процессы, панхронические вариации или какого-либо типа трансформации. Неясно, какие методы моделирования процессов в рамках такого представления допустимы: сопоставление по синхронным срезам, восхождение от абстрактного к конкретному (см. сн. 9 заключения), генерирование в смысле процедур порождающей грамматики или какие-либо другие процедуры.

Редуцированные варианты системного анализа подвергаются критике как со стороны исследователей, работающих в определенных научных предметах, так и со стороны философов и методологов. Обращается внимание на неполноту таких односторонних представлений системы и необходимость их дополнения другими подходами, например, функционального подхода структурным и генетическим (см.: Никитин 1970, 102).

Аналитические представления системы осуществляются в форме построения соответствующих типов моделей, которые позднее подвергаются теоретическому исследованию. Соответственно тому, как различали глобальные и частные представления, можно различать глобальные модели, осуществляющие глобальное представление системы, и частные модели, осуществляющие частные представления — структурные, процессуальные (с их разновидностями — функциональными и генетическими), а также структурно-функциональные и структурно-морфологические.

При реализации процессуального представления системы возникает ряд методологических проблем, из которых наиболее дискуссионными являются следующие:

средства и способы изображения процессов, возможность изображения процесса в статической форме, доступной для описания;

соотношение принципов членения и структуризации процесса с принципами деления времени (учитывая, что процессуальное представление объекта есть его временное представление);

установление механизмов процесса, позволяющих связывать состояния процесса в единое непрерывное движение;

выявление того, представлен ли объект в определенный момент времени в определенном состоянии процесса целиком или только какой-либо своей частью (как это имеет место в случае элементарных одновременных и сукцессивных процессов в сложных системах-полиструктурах; см.: Щедровицкий 1975б, 82);

роль связей и прежде всего связей функционирования и развития при моделировании процесса, возможность выражения процессуальности путем описания реализации связей (ср., например, один из видов моделей функционирования, где считается, что по связям "течет" процесс);

пути реализации предметными средствами диалектической идеи о противоречивости движения, заключающейся в неразрывном единстве изменчивости и устойчивости, движения и покоя (в частности, тезисов о том, что "понятие изменения имеет смысл лишь в связи с понятием относительно устойчивого, пребывающего в определенном состоянии"²⁴ и что "само это изменение в то же время есть также определенное состояние, которое пребывает, сохраняется, т.е. также обладает моментом устойчивости"²⁵ (Свидерский 1972);

соотношение вариантов процессуального представления системы, исходящих из категориального противопоставления процесс/материал или процесс/структура, где категория процесс противостоит различному смысловому содержанию²⁶; обсуждение достижимости для второго случая получения чисто процессуальной системы;

взаимоотношения процессуального и структурного представлений; соотношение вариантов процессуального представления в случае, если логически исходной считается категория процесса (когда структура трактуется как остановленный процесс и точкой отсчета в описании структуры выступает процесс), и в ситуации, когда логически исходной категорией считается структура (процесс фиксируется относительно структурного изображения)²⁷.

В заключение сделаем несколько замечаний о генетическом представлении системы. Поскольку при процессуальном представлении система, согласно логике системного анализа, отождествляется с процессом, говорят о состояниях системы наряду с состояниями (моментами) процесса. В ходе процессуального представления объект, квалифицируемый как система, предстает как последовательность своих состояний.

В соответствии с общими идеями и принципами методологии исследования исторически развивающихся объектов при реализации генетического представления системы, по словам Б.А. Грушина (1961, 18), необходимо учитывать следующие моменты²⁸. В ходе такого представления

²⁴ Отметим, что тезис о связи изменения и относительной устойчивости реализуется в практике анализа в исторических дисциплинах, где установление изменений, движения, процессуальности совершается относительно устойчивости, инерционности, неизменности определенного состояния системы, представляемого в виде "статичной" структуры.

²⁵ Очевидно, что одним из вариантов такой реализации является выдвигание упоминаемой трактовки структуры как остановленного изображения процесса.

²⁶ Во втором случае структурное представление войдет как составная часть в процессуальное представление.

²⁷ О трактовке процесса как "ключевой" категории в сфере социально-культурных и исторических явлений и о вторичности по отношению к нему категорий структуры и материала см.: Генисаретский 1975, 434.

²⁸ О логико-методологических проблемах исторического исследования процессов изменения см.: Столяров 1966; Французова 1972.

воспроизводится процесс развития объекта именно как системы, т.е. как сложного органического, внутренне связанного и функционирующего целого во всей совокупности его функционально-генетических состояний. Далее, учитывая, что речь идет об исследовании исторически развивающегося объекта, воспроизведение такого строения объекта осуществляется многократно для каждого фиксированного во времени исторического состояния объекта. Поскольку речь идет о воспроизведении именно процесса, осуществляется раскрытие и воспроизведение всей совокупности исторических связей между составляющими объекта, последовательно расположенными во времени и внешне друг с другом не связанными. Наконец, поскольку речь идет именно о процессе развития, то воспроизводится не просто процесс изменения объекта во времени, а качественные изменения в структуре системы в целом. Учитывая, что речь идет о воспроизведении закономерного процесса, при генетическом представлении не просто перечисляются качественно различные состояния объекта, а раскрываются законы перехода от одного исторического состояния к другому, выявляется механизм процесса развития объекта.

СОДЕРЖАНИЕ, ПРИНЦИПЫ И ТЕХНИКА ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНОГО ПРЕДМЕТА

ИСХОДНЫЕ ИДЕИ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ МОДЕЛИ НАУЧНОГО ПРЕДМЕТА

В качестве логико-методологического инструмента анализа исторической фонологии была выбрана одна из моделей научного предмета¹, разрабатываемая в методологической дисциплине "структура науки" с помощью средств системного подхода, теории деятельности и содержательно-генетической логики с учетом описаний отдельных компонентов научного предмета, которые были сделаны в других дисциплинах – семиотике, науковедении, философии².

Различные "видения" научного предмета, получаемые через призмы дисциплин, в средствах которых производится его описание, совмещаясь в рамках целостного онтологического представления научного предмета, образуют как бы различные слои такого представления. Максимально абстрактное "видение" научного предмета дает системный подход, квалифицируя предмет науки как систему определенного рода³. Поскольку средства системного подхода в силу своего определенного статуса являются лишь формальным методологическим инструментом, который сам по себе не может порождать содержательных смыслов, модель, выполненная в таких средствах, должна быть далее специфицирована. Это осуществляется с помощью средств теории деятельности (методологической дисциплины, описывающей процессы деятельности и их механизмы) и содержательно-генетической логики (варианта диалектической логики,

¹ В основу этой модели были положены идеи, развиваемые в исследованиях О.И. Генисаретского (1970а), В.М. Розина (ПИСН 1967, 146–164), Г.П. Щедровицкого (1975б, 90–96); И.С. Алексеева (1968), Л.С. Сычевой (1970) и других авторов, работающих в данной традиции (см., например: ПИСН 1967, 165–197). О проблемах строения научного знания, выполненных в других логико-методологических традициях, см., например: Тарский 1948; Ракитов 1969; 1971; 1977; Рачков 1974; Зотов 1973; Левин 1974; об ограниченности традиционного-логического подхода к изучению науки, сводящем науку к теории, а теорию – к системе высказываний, см.: ПИСН 1967, 191.

² О современной науке как объекте исследования логики научного исследования, истории и социологии науки, психологии научного творчества, семиотики см.: Швырев 1972, 209.

³ Проблема возможности представления научного предмета в средствах системно-структурной онтологии дискутируется в работах: ПИСН 1967, 190; Алексеев 1968, 98; Садовский 1974, 5; Горохов 1973.

ориентирующего на изучение мыслительных процессов, а также развития знаний и способов организации их в сложные системы).

С точки зрения теории деятельности, предоставляющей эмпирическим дисциплинам универсальную конструктивную систему для построения моделей социальных явлений, научный предмет предстает как форма организации научно-познавательной деятельности.

С точки зрения совокупных средств системного подхода и теории деятельности научный предмет предстает как система деятельности или организованность деятельности (где под организованностью понимается оформленный, структурированный материал после процессов и под процесс определенного рода).

Логика, уточняя образ научного предмета, начертанный с помощью средств теории деятельности, квалифицирует субстанцию научного предмета как знаково-знаниевую и рассматривает его как единицу организации знания в рамках познавательной деятельности⁴.

В соответствии с системно-структурным принципом иерархичности, исследуемый объект может быть рассмотрен и как сложная система и как простое целое (элемент другой объемлющей системы). В качестве нерасчлененного целого предмет предстает с внешнепредметной точки зрения в особом акте абстракции, противопоставляясь объекту изучения и другим предметам; в качестве интегративного целого, включающего компоненты, организованные сложными предметными связями, — с внутрипредметной точки зрения.

Специфической чертой познавательной деятельности является принятие допущения о существовании объекта изучения, конкретный облик которого уточняется в ходе последующего исследования. Между объектом и предметом науки в познавательном акте устанавливаются сложные отношения (Шедровицкий 1964б, 14–19, 22–29)⁵. Предмет формируется наукой в результате объективирования знания об объективно существующем. Это реализуется в ходе познавательного акта, когда объект или его какая-либо относительно однородная часть берется с одной или нескольких сторон в особом "повороте" (ракурсе) с определенной ограниченной точки зрения и когда стороны, выделенные в ходе исследования, начинают замещать собой весь объект.

Очевидно, что предмет науки как организованность мыслительной деятельности, подчиняющейся специфическим закономерностям, отличающимся от закономерностей объекта, не будет тождественен объекту науки. Вследствие того, что облик предмета зависит не только от типа отражаемого им объекта, но и от характера задач, для решения которых он сформирован, а также от имеющихся у исследователя средств, для изучения одного и того же объекта может быть создано несколько различных предметов науки.

⁴ С точки зрения концепции деятельности всякое научное знание трактуется как "продукт, в котором опредмечена вся предшествующая его получению деятельность" (Алексеев 1968, 98).

⁵ Об опосредованности объекта познания "наукой как общественным образованием, ее историей и опытом", см.: Мамардашвили 1968, 21.

Если с внешнепредметной точки зрения объект и предмет противостоят друг другу как сущности различной природы, то с внутрипредметной точки зрения объект, отраженный в предмете с помощью специальных знаковых средств в виде особой конструкции, есть часть предмета, — компонент его подсистемы онтологии.

С внутрипредметной точки зрения научный предмет в своем развитии, согласно принятой в работе гипотезе, предстает как сложная система функционирующих в мышлении исследователя логических единиц⁶, организованных в иерархически упорядоченные подсистемы. В состав таких подсистем входят:

1. Онтология, из материала которой конструируются объекты изучения, каждому из которых в предмете соответствует его онтологическая схема,

2. Предметные модели объектов изучения, репрезентирующие частные объекты исследования.

3. Эмпирический материал, элементы которого — факты — представляют собой результаты эмпирических констатаций.

4. Проблемы и задачи.

5. Теория, в которой объединяются и систематизируются с точки зрения определенных принципов знания об объектах, заданных предварительно посредством их предметных моделей.

6. Средства выражения, предназначенные для конструирования предметных моделей объекта, а также для задания наполнений других подсистем предмета.

7. Способы деятельности (методические предписания или методики), фиксирующие процедуры исследовательской работы и направленные на получение и преобразование элементов остальных подсистем предмета.

Помимо элементарных логических единиц, в научном предмете выделяют несколько типов сложных единиц, представляющих собой комбинации исходных единиц. К числу их относится прежде всего метод, квалифицируемый как сложная логическая единица, включающая разнородные компоненты: онтологическую, телеологическую, операциональную.

Выбор логических единиц в качестве основания для выделения подсистем научного предмета равносильно признанию, что система предмета при такой интерпретации имеет открытую структуру⁷. Это связано с тем, что число логических единиц, не являясь константным, может постоянно наращиваться за счет открытия все новых логических образова-

Естественно, что в различных традициях исследования выделяются разные группы таких логических единиц, ср. суждение в формальной логике, высказывание — в математической логике, факты, обобщенные знания, алгоритмы-предписания, модели, онтологические картины и схемы, не оформленные в виде понятий, понятия, проблемы, задачи, способы решения — в содержательно-генетической логике.

О принципиальной незамкнутости и относительной самостоятельности подсистем в составе научного предмета, а также об относительном характере самостоятельности и замкнутости "всей системы знаний, формирующих науку", см.: Алексеев 1968, 98—99

ний, которые долгое время не могли быть "схвачены" в качестве особых единиц ни в одном из вариантов логик и многие из которых начали интенсивно разрабатываться лишь в последние десятилетия (ПИСН 1967, 165). При моделировании научного предмета можно было бы пойти и по обратному пути — от "функциональных мест" в научном предмете, описывая, какие функции должны выполняться, чтобы предмет мог существовать, и отмечая далее, какие подструктуры и организованности материала за них ответственны.

В научном предмете, репрезентируемом в описываемой модели, имеются неоднородные элементы, которые с учетом их соотношений можно разбить на несколько групп. Опираясь на оппозицию действие/знание об объекте (в теоретико-деятельностной версии "живое" действие/"застывшее", опредмеченное), подсистемы научного предмета можно подразделить на две группы: задачи, средства выражения, способы деятельности, с одной стороны, и онтология, эмпирический материал, предметные модели, теория, с другой.

Можно разделить компоненты научного предмета, сделав водоразделом подсистему теории, продуцирующую теоретические знания, рассматривая ее как ядро предмета, противопоставленное всем другим подсистемам, содержащим знания иного типа.

К такому членению несколько приближается разбиение науки на два предметных слоя — эмпирический и теоретический — в рамках логики, философии и методологии, или, другими словами, на уровне эмпирических объектов и сводимых друг к другу идеальных объектов (теоретических конструкций)⁸. Деление науки на эмпирический и теоретический уровни в рассматриваемой модели научного предмета выражается в противопоставлении подсистем эмпирического материала и моделей подсистеме теории.

Одна из возможных группировок подсистем внутри предмета связывается с идеями содержательно-генетической логики о том, что во всяком научном предмете как единице организации знания могут быть выделены два неоднородных компонента — объективные конструкции и фиксирующие их знания.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДСИСТЕМ НАУЧНОГО ПРЕДМЕТА

Согласно системно-структурному принципу иерархичности, каждая из подсистем научного предмета, рассматриваемого как система, может быть представлена в свою очередь как относительно самостоятельная система, к которой возможно применить всю понятийно-категориальную парадигму системного подхода. Это означает, что по отношению к каждой подсистеме научного предмета можно говорить о ее структуре, протекающих в ней внешних и внутренних процессах функционирования и развития, а также о материале, образующем ее наполнение.

⁸ Критический анализ противопоставления эмпирического и теоретического знания см., например: Алексеев 1974, 207–209; Швырев 1966; МСЛН 1966, 87–97.

Иногда при достаточно дифференцированном анализе проводят различие (Генисаретский 1975, 462) между функциональной структурой объекта (или системой "мест", связей), определяемой независимо от материала элементов системы, и морфологической структурой объекта (исходной функциональной структурой объекта с "полностью определенным материальным составом"). Однако для задач настоящей работы это различие не является существенным и поэтому описание структурно-функциональных и морфологических свойств подсистем научного предмета будем проводить одновременно⁹.

Поскольку при внешнефункциональной характеристике подсистемы рассматриваются как противопоставленные по своим функциям другим подсистемам в рамках целостного научного предмета, то для задания функциональной характеристики любой абстрактной идеализированной методологической конструкции, существующей внутри научного предмета в составе определенной подсистемы, необходимо отмечать релевантные для нее единицы (подсистемы), связь между которыми явно и наиболее полно функционирует в ходе развертывания мыслительного процесса в рамках данного предмета.

Центральное положение в научном предмете занимает так называемая онтология, функция, которой состоит в том, чтобы быть средством изображения объекта как такового¹⁰ в отличие от данности его в определенной форме знания. Она описывается обычно в логико-методологических работах в таких выражениях, как функция заместить собой действительность, репрезентировать ее, выразить, изобразить, дать общее представление о ней, быть целостностью ее изображения. Частным случаем онтологической функции является функция абстрактного задания объекта изучения в категориальной форме. Реализация этой функции способствует определению места объекта в пространстве объектов исследования других научных предметов и соответственно в развивающейся "философской картине мира", наличие которой составляет одно из необходимых условий существования предмета исследования.

Онтология, выступающая в роли средства, при помощи которого исследователь "видит" мир как некоторую определенным образом расчлененную целостность, данную ему в определенной системе философских категорий (ФЭ 1967, 141), представляет собой объективную подсистему предмета науки. Специфику этой подсистемы составляет то, что ее наполнение, существуя в виде особого содержания сознания у исследователя-предметника, непосредственно чистому предметному мышлению не дано. Часто исследователь не может даже ответить на вопрос, к какого типа относительно автономному объекту принадлежит зафиксированное им явление. Содержание онтологии предмета раскрывается в ходе особого логи-

⁹ О функциональной и морфологической характеристике объектов см.: Розов 1977, 61–64. О средствах, задающих "функциональное расчленение объектной области" и описывающих "морфологическую структуру внутреннего наполнения функционально выделенных элементов", см.: МСЛН 1966, 248.

¹⁰ Ср. определение онтологии в философских системах как той части концепции, в которой содержится учение о "бытии как таковом независимо от субъекта и его деятельности" (ФЭ 1967, 140).

ко-методологического анализа, при котором вводятся онтологические конструкции для объяснения процессов познания на основе обобщения и синтеза познавательных актов, осуществленных исследователями.

В зависимости от техники выявления содержания онтологии различают категориальную онтологию, строящуюся как связка категорий, и онтологию объектированного типа с дополнительным условием наглядности к построению.

К внутренним базисным функциям подсистемы онтологии относится задание общего представления той идеальной действительности, которая создается научным предметом и исследуется в нем, а также задание функционального замещения этой действительности, репрезентирования ее как таковой в отличие от выражения, изображения и фиксирования, производимого остальными подсистемами предмета.

К производным функциям-следствиям подсистемы онтологии относятся: поставление материала для конструирования объектов изучения и других подсистем предмета, задание категориальных характеристик объекта изучения;

контроль за наполнениями подсистем научного предмета и частичное их обоснование;

включение и ассимиляция объективного содержания знаний остальных подсистем предмета, отображающих свое содержание на онтологической картине, т.е. всех объективных знаний о реальном мире, исследуемом в данном предмете, отделенных от аппарата исследования, с помощью которого эти знания были получены¹¹.

К частным функциям онтологии, реализуемым при помощи категорий, относится также производимая с определенных позиций структуризация наполнений подсистем предмета и управление мыслительными движениями внутри систем наполнения предмета, в том числе переходами от одних подсистем к другим в рамках общей структуры предмета.

Таким образом, подсистема онтологии в предмете как бы "замыкает" собой все реализующееся в нем познавательное движение, будучи его и логически первым шагом, задавая категориальное видение объекта изучения, и логически последним шагом, включая в себя результаты схематизаций других подсистем научного предмета.

Состав подсистемы онтологии неоднороден, включая компоненты различной степени общности и сложности: собственно онтологию, онтологические представления, онтологические картины и схемы. В конструктивном плане собственно онтология мыслится как набор средств для построения онтологических представлений, картин и схем, задаваемых в избранном

¹¹ По словам Г.П. Щедровицкого (1964б, 18, 19), знаковые конструкции, выражающие онтологические представления содержания знания, должны, таким образом представлять объект, чтобы обеспечивать его "связь с вновь полученными знаниями... Онтологическое представление дает вторую форму существования предмету знания: оно как бы сплюсчивает его многоплоскостную структуру в одном изображении". О функции объединения эмпирических знаний, имеющейся у так называемых онтологических знаний и о сведении всего многообразия знаний об эмпирических явлениях к их онтологическому единству см.: МСЛН 1966, 100.

для схематизации языке онтологии. Из материала онтологии конструируется множество создаваемых в научном предмете идеальных объектов и их "моделей" — онтологических картин, выступающих в роли формально-го эквивалента видения объекта изучения.

Онтологическая схема (например, чертеж или рисунок планетной системы), репрезентирующая объект изучения, представляет собой графическую структуру, в которой существует отображаемый идеальный объект и которой приписывается индекс реальности.

Онтологическое представление можно трактовать как совокупность различных онтологических картин (схем), поставленных друг к другу в отношении соответствия. В отличие от онтологических схем (картин) такое представление не фиксируется само по себе в каком-либо целостном рисунке, а может включать в себя несколько различных изображений (рисунков), относящихся к различным предметам.

Онтология предмета может быть по-разному структурирована с помощью различных категориальных средств. В зависимости от типа применяемых категориальных парадигм различают несколько видов онтологий: 1) системно-структурную, развивающуюся в рамках общей методологии и системного подхода, 2) теоретико-деятельностную, формируемую на основе теории деятельности, 3) различные физические "картины мира", 4) онтологию, опирающуюся на категориальное противопоставление вещь-свойство; 5) онтологию, базирующуюся на родо-видовой картине, и т.д. Иногда онтологию, а также онтологическую картину называют по имени категории в категориальной парадигме, в соответствии с которой осуществляется представление объекта, говоря, например, о различении статической или же динамической онтологических картин.

К числу сложных дискуссионных вопросов, возникающих при анализе подсистемы онтологии в рамках научного предмета, относят: 1) вопрос об адекватности онтологии и связанную с этим проблему поиска оснований для выбора адекватной онтологии¹², 2) вопрос о возможности совмещения нескольких онтологий в рамках одной научной концепции (например, системно-структурной и теоретико-деятельностной), 3) вопрос о построении адекватной онтологической интерпретации абстрактных понятий этого предмета (Юдин 1974, 407).

Если распространять на подсистему онтологии идеи системного подхода и содержательно-генетической логики о плоскостях и слоях знаний, то, видимо, можно говорить о различных уровнях, слоях или плоскостях онтологических представлений в научном предмете, например, об уровне абстрактно-категориальной онтологии, задающем абстрактно-категориальный тип объекта, и об уровне, где локализуются результаты фильтрации и объективации содержаний других подсистем научного предмета. Ко второму уровню будут относиться, в частности, онтологические представления-спецификации, вытекающие из развертывания в научном предмете основных категорий и, возможно, из некоторых производных категорий.

¹² Об общефилософском основании предпочтения онтологии системного подхода, состоящем в признании за ним "максимальной онтологической полноты" по отношению к другим видам онтологий, см: Генисаретский 1970а, 19; Садовский 1974.

При рассмотрении абстрактно-категориального уровня онтологической подсистемы можно говорить о классах категорий, задающих тип объекта (например, категориях естественного и искусственного) или его определенное представление (например, категориях процесса и структуры).

Основное предназначение подсистемы моделей состоит в том, чтобы изображать внутрипредметными средствами объект изучения как таковой, до этого уже на логически первом шаге категориально заданный. Подсистема моделей производит ограничение возможности "мыслительно-го существования" объекта изучения, заданного контекстуально до акта моделирования всем предметом исследования, путем локализации его в определенной смысловой структуре — идеальном объекте модели (Генисаретский 1970а, 284, 285). Сводя объект изучения к исследованию его модели (точнее ее идеального объекта), в научном предмете осуществляют тем самым задачу превращения объекта изучения в объект оперирования¹³. Поскольку модель по своему замыслу предназначена для отражения реальности лишь в некоторых отношениях, существенных для исследователя, то она "схватывает" и изображает лишь некоторые специфические свойства и признаки объекта (ММЕ 1966, 13; Штофф 1966, 19). Сознвая ограниченный характер познания при моделировании, некоторые исследователи обращают внимание на необходимость учета тех свойств и признаков объекта, которые не получили отражения в модели или получили в ней лишь "суммарное недифференцированное отображение", находясь в "поле действия вероятностных отношений" (Топоров 1959, 33).

Из числа производных функций моделей отмечают их особую синтезирующую функцию, связанную со способностью "воплощать в единой конструкции разрозненные эмпирически выявленные содержания" (ММЕ 1966, 44)¹⁴.

Может возникнуть вопрос, целесообразно ли выделять в научном предмете две самостоятельные подсистемы — онтологию и модели, учитывая сходство их функций¹⁵. По-видимому, наличие двух подсистем в схеме научного предмета позволит более адекватно отразить процессы и структуру реальных научных предметов. Прежде всего следует отметить, что онтологические знания (или знания о том, что происходит на самом деле) и знания о моделях не тождественны. Знания о моделях в рамках научного предмета функционируют лишь как заместители онтологических знаний (МСЛН 1966, 103). Знания о моделях в последующем подверга-

¹³ Согласно В.М.Розину (ММЕ 1966, 46, 47), модель выступает в ряде обуславливающих друг друга функций: 1) в функции заместителя или представителя объекта изучения, 2) в функции объекта отнесения, к которому относят знания об объекте изучения, 3) в функции знакового объекта оперирования, входящего (или не входящего) в некоторую систему математики. О соотношении объектов изучения, оперирования и отнесения знаний см. также: Алексеев 1968, 102, 103; Шедровицкий 1971, 165, 166.

¹⁴ О специфических и производных функциях моделей в познавательной деятельности см. также: ММЕ 1966, 30.

¹⁵ Поскольку "знания о моделях внешне очень похожи на онтологические знания" (МСЛН 1966, 103), то часто говорят, что "модели образуют особую абстрактную онтологию — мир идеальных объектов теории".

ются процедуре онтологизации, в ходе которой, как это описывается в работе (МСЛН 1966, 250), "...появляется возможность оценивать одни зависимости, отношения и связи как сугубо формальные и фиктивные, возникшие только в силу формальной необходимости связать в единство, в одно целое исходные элементарные схемы, а другие — как правильные и истинные, изображающие реально существующие зависимости, отношения и связи. В последнем случае этим связям, отношениям и зависимостям придается особый онтологический смысл и статус, в то время, как в первом случае — лишь формальный и оперативный"¹⁶.

В ходе процедуры онтологизации, таким образом, не все элементы модели онтологизируются, и некоторые из них так и остаются единицами описания, не получая индекса реальности, как это имеет место, например, в лингвистике при выделении особого класса так называемых фиктивных единиц (Климов 1967, 60, 61; Martinet 1950, 18)¹⁷.

Не менее проблематична в научном предмете граница между подсистемами моделей и теории¹⁸. Иногда отмечают, что такую границу провести сложно, учитывая, что обе единицы имеют одинаковую познавательную функцию и сходные правила оперирования символами, представляя собой гипотетико-дедуктивные системы. На этом основании модель нередко определяют как разновидность теории (конструкт)¹⁹, содержание которой представит в наглядной форме в виде метафорических образов, служащих аналогами скрытых от наблюдения объектов действительности. Модель атома, например, изображают в виде планетарной системы или грамматику в форме порождающего устройства. Однако признак наглядности, с которым связывается подобное различие моделей и теории, действителен только для научных предметов с достаточно низкой степенью абстрактности, поскольку с ростом абстрактности науки все труднее становится строить наглядные интерпретации (модели)²⁰.

Основной структурно-функциональной единицей подсистемы моделей является модель. Очевидно, в рамках научного предмета должно быть выбрано такое толкование модели, при котором оно не совпадало бы с определением единиц других подсистем предмета. В то же время желательно иметь достаточно широкое определение модели, чтобы оно не исключало существования подсистемы моделей в таких исторических состояниях научного предмета, где моделей в собственном смысле слова как конструкций особого рода не было бы (хотя принцип неявного моделиро-

¹⁶ Подробнее о соотношении моделей и онтологии, а также о том, "каким из реально функционирующих в науке моделей следует приписывать объектный онтологический смысл, а каким следует оставить онтологический статус средств", см.: ММЕ 1966, 24–26.

¹⁷ О различии методологической и онтологической функций структурных моделей с учетом того, считаются ли они "средством развития оперативных систем или же средством изображения объекта как такового" (обладают индексом реальности), см.: ММЕ 1966, 45.

¹⁸ О соотношении модели и теории см.: ММЕ 1966, 8,9.

¹⁹ Ср. обратную трактовку теории как модели особого рода у А.И. Ракитова (ММЕ 1966, 40–43).

²⁰ О проблеме наглядности модели см.: ММЕ 1966, 44.

вания в них и наличествовал). Это необходимо для того, чтобы иметь возможность отождествлять генетически различные состояния предмета, значительно отстоящие друг от друга во времени.

Если выбрать предельно широкое гносеологическое определение модели как познавательной конструкции, выполняющей онтологическую функцию задания объекта как такового, то при таком понимании становится расплывчатой граница между подсистемами онтологии и моделей в научном предмете. Хотя и подсистема моделей и подсистема онтологии имеют онтологическую функцию, тем не менее конкретная интерпретация этой функции у них различна. В отличие от подсистемы онтологии, задающей объект как таковой на уровне категориального типа, подсистема моделей при построении глобальной модели объекта осуществляет предметную спецификацию абстрактного представления объекта, производимого подсистемой онтологии, конкретизируя абстрактное представление объекта особыми внутрипредметными средствами.

Более узкое понимание модели, используемое обычно при описании метода моделирования и при построении моделей, где вводятся дополнительные ограничения на тип знаковой формы модели (например, требование, чтобы знаковая форма была матричного, буквенного или блок-схемного типа, а не только чисто словесного), очевидно, для определения модели в рамках научного предмета не целесообразно, так как оно будет препятствовать выделению подсистемы моделей в таких состояниях научных предметов, где имеется тип неявного моделирования. По-видимому, для данных целей удобнее принять функциональное определение модели как знакового устройства, замещающего изучаемый объект и изображающего его как таковой, с дополнительным условием использования специфически внутрипредметных средств для построения идеального объекта модели.²¹

Согласно представлениям содержательно-генетической логики, опирающейся на семиотические идеи, всякое научное знание (существующее или еще только создаваемое), как и любая единица мышления, могут быть разделены на объективное содержание и фиксирующую его знаковую форму, противопоставляемые друг другу функционально как элементы одной структуры (ПЛ 1968, 12)²².

Это достигается в так называемом приеме двойного знания²³ путем проецирования знаний на два идеальные пространства: объектно-онтологическое, ориентирующееся на представление объекта изучения как такового в отличие от описывающих этот объект знаний, и формально-логическое, ориентирующееся на представление знания в его формальной структуре, отделенной от объективного содержания и противостоящей ему (Шедровицкий 1969, 95).

²¹ О трактовке модели как конструкции, "строение которой задано структурой ее знаковой формы, а функционирование — правилами имитации", см.: ММЕ 1966, 44.

²² «Под объективным содержанием, — по словам В.М. Розина (ПИСС 1965, 194), — понимаются объекты, взятые в деятельности, которая вычленяет в них те или иные "стороны"».

²³ О принципе двойного знания как особом приеме организации методологической рефлексии и его обосновании см.: МСЛН 1966, 247–252; Генисаретский 1975, 437.

Соответственно и в модели как единице организации знания можно выделять два компонента разнородной природы: содержание (ее идеальный объект), представляющее собой зафиксированное в объектной или квазиобъектной форме предметное видение объекта изучения, и выражение" (ее схему), представляющее собой знаковую конструкцию вместе с описанием норм оперирования с ее элементами.

В качестве конструктивного материала идеального объекта или "онтологемы" модели, согласно О.И. Генисаретскому²⁴, могут выступать в рамках научного предмета: 1) подсистема онтологии по своей содержательной стороны, в том числе категории, функционирующие в этом научном предмете и в системе наук в целом, 2) теория предмета об объекте, включая ее понятийные системы, 3) совокупность разрозненных идеальных объектов, наличествующих в научном предмете. Соответственно для построения схемы модели в свою очередь могут быть использованы в рамках научного предмета: 1) онтологические схемы предмета со стороны их знакового строения (схематика предмета), 2) категориальные связки (категориальная парадигматика предмета), зафиксированные в языковой форме, 3) знаковые языковые средства схематического типа (геометрические чертежи, рисунки), в том числе особые языки моделирования, созданные специально для построения знаковой формы модели (блок-схемный алгоритм, логическая символика)²⁵.

Основная функция подсистемы теории в научном предмете состоит в том, чтобы отражать объект в специфической форме, вскрывая его сущность, в отличие от других подсистем, ориентирующихся на фиксирование объекта. Такое понимание теории в рамках методологической дисциплины "структура науки" представляет собой предметную спецификацию гносеологической трактовки теории как отражения предмета во всеобщей логической форме, очищенной от случайностей. Свою основную задачу подсистема теории осуществляет путем продуцирования нового теоретического знания о своем объекте²⁶, а также систематизирования и объединения в единую целостность уже имеющихся разрозненных знаний в соответствии с избранной нормой теории, придающей связыванию одних единиц с другими характер теоретической обязательности.

Глобальная функция подсистемы теории конкретизируется в ряде подфункций — экспланаторной (объяснительной)²⁷ (ФМН 1972, 202—218; Мамчур 1975, 19—35; Зотов 1973, 144—157; ФЭ 1970, 205—207; МСЛН 1966, 98), предсказательной, систематизирующей (интегративной), интер-

²⁴ Ссылки на О.И. Генисаретского в этой главе, не сопровождаемые обозначением источников, относятся к его устным сообщениям на методологических семинарах по структуре науки в 1971 г.

²⁵ О рисуночном, графическом и абстрактно-знаковом характере моделей см. также: Алексеев 1968, 93.

²⁶ Ввиду системного характера предмета в реализации продуцирования нового теоретического знания об объекте участвует весь научный предмет. Однако как специализированная функция продуцирование нового знания присуще только подсистеме теории (Генисаретский 1971).

²⁷ Ср. однако, трактовку Е.П. Никитиным (1970, 19, 20) объяснения как разновидности унификации и систематизации знания. О функциях научной теории см. у А.А. Печенкина (ФМН 1972).

претаторской, нормативной и т.д., из которых наибольшее значение имеет экспланаторная, направленная на выявление связей между сущностными характеристиками объекта, и интегративная, состоящая в систематизации знания — установлении связей между его различными отраслями (например, не связанными друг с другом эмпирическими законами). Интегративная функция теории осуществляется путем выработки более общей точки зрения, объяснения одних фрагментов этой дисциплины за счет других, а также за счет открытия фундаментальных принципов, позволяющих объединять частные теории в единую теоретическую систему. В соответствии с представлениями об интегративной функции теории иногда признается допустимым, что вся дисциплина в идеале могла быть "объединена в рамках одной большой теории" (Карнап 1971, 323).

Проявлениями и следствиями систематизирующей функции теории считаются также ее способность осуществлять объяснение и предсказание новых эмпирических знаний (законов) и находить новые способы выражения и систематизации уже известных законов (МСЛН 1966, 108).

Основной структурно-функциональной единицей теоретической подсистемы является теория, под которой обычно понимается "форма достоверного научного знания о некоторой совокупности объектов, представляющая собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств и содержащая методы объяснения и предсказания явления данной предметной области" (ФЭ 1970, 205).

Наблюдающаяся неоднозначность терминов "теория" и "теоретический" связана с их способностью выступать в различных концептуальных окружениях, противопоставлялась таким понятиям, как практический (актуальный), гипотеза (с ее признаком недостаточной обоснованности достоверного характера знания) или даже — философия (Chao 1960).

Имеется несколько традиций в понимании теории как особой логической единицы и описании ее структуры, различающихся тем, на какие элементы делается акцент в связке: мир (действительность) — мышление — теория как предметная форма.

В традициях формальной логики, где изучается связь научной теории с мышлением и его основными единицами, теория определяется как логически связанная система суждений, рассматриваемых в свою очередь как совокупность элементарных мыслительных актов, детерминированных известными нормами сочленения действия. Поскольку при таком подходе теория предстает в качестве предметной формы, фиксирующей следы определенных действий, то можно считать, что такое представление о теории носит деятельностный характер.

При семиотической ориентации, где акцент делается на внутреннем строении теории — изучении соотношения ее компонентов, — теория трактуется как система высказываний, рассматриваемых как единицы текста или предложения из языка науки.

В работах неопозитивистского направления (К. Гемпель, Р. Карнап и др.), где акцент делается на связке теория — эмпирия, научная теория понимается как совокупность теоретических постулатов, объединенных с правилами соответствия, которые связывают теоретические термины с терминами наблюдения (Карнап 1971, 327).

С точки зрения идей содержательно-генетической логики, опирающейся на семиотические представления, теория, как и наука в целом, трактуется как многослойное и многоплоскостное образование, включающее большое число слоев знакового замещения²⁸. Как и при анализе других единиц знаковой природы, у теории в таком ее понимании выделяют два плана: содержание (представляющее собой знания об однородных идеальных объектах соответствующей предметной области) и выражение теории, ее схему (логическую форму, регулирующую процессы смыслообразования и смыслопреобразования в рамках теории, включающую различные знаковые конструкции со стороны их формы вместе с описаниями норм оперирования с ними).

В качестве конструктивного материала для "содержания" теории обычно используются: 1) теоретические понятия в противоположность их эмпирически выработанным аналогам, 2) фрагменты содержательных гипотез, выдвигаемых для объяснения фактов, 3) компоненты модели (так называемые единицы описания), 4) элементы подсистемы онтологии и др. В качестве конструктивного материала для "выражения" (схемы) теории используются соответственно логические операции (правила вывода, исчисления), символика, алгоритмы и т.д.

При характеристике теории выделяют ряд ее внешних и внутренних компонентов, к числу которых могут быть отнесены, в частности: 1) основания теории (ее исходные содержательные принципы и предпосылки, а также принципы в основе организации ее логической формы); 2) область применения теории, или объектная (предметная) область, и ее объекты; 3) теоретические понятия; 4) эмпирически выработанные аналоги для теоретических понятий; 5) гипотеза как раннее состояние теории (иногда в таком случае говорят о дотеории или пратеории); 6) научные законы как основные структурно-функциональные единицы теории и др.

Подсистема теории, а также продуцируемые ею теоретические знания имеют специфические особенности по сравнению с другими подсистемами предмета и наполняющими их знаниями.

В отличие от собственно методологической работы в метаслое и различного рода методических действий теория имеет дело с объектом непосредственно, трансформируя "рефлексивные определения объекта в онтологические" и "утверждая тем самым естественную точку зрения на мир" (Генисаретский 1970а, 13, 14). Другими словами, в противоположность метаработе теория игнорирует момент субъективности: "в случае теории исследующая деятельность (там же) "становится как бы прозрачной для исследуемого объекта, отступая на второй план и предоставляя объекту говорить самому за себя". В сравнении с подсистемой средств и прежде всего с оперативной системой, теория выступает как такое образование, в котором элиминируется знаковая природа единиц и знаковые образования рассматриваются как объекты.

Важнейшими чертами теории как особой логической единицы являются: а) ее систематичность, заключающаяся в том, что в ней представлены не

²⁸ О плоскостях замещения при изучении научного знания см.: Шедровицкий 1964б, 16, 17.

разрозненные знания, а их совокупности, объединенные в единую систему посредством теоретических связей²⁹, б) логическое единство составных частей в пределах целостности теоретической системы, в) непротиворечивость, а также правильность, коррелятивным внешним признаком которой служит свойство истинности, характеризующее отношение между объектом и его теоретическим отражением.

У подсистемы теории имеются тесные связи с рядом других подсистем и прежде всего с онтологией, эмпирическим материалом и моделями.

По-видимому, гносеологическая проблема о соотношении теории и реальности с внутрипредметной точки зрения равна вопросу о соотношении подсистем теории и эмпирического материала (в методологическом плане — проблеме соотношения исследовательских процедур объяснения и описания).

Теоретик работает в содержательном пространстве, очерченном в подсистеме онтологии, и полученные теоретические знания относит затем к объектам изучения, изображаемым в онтологических схемах. В определенном смысле в подсистеме теории происходит реализация и оправдание онтологического представления объекта. Так, объект может рассматриваться как структура, если удастся осуществить соответствующее теоретическое представление объекта как структуры в предмете, где исследуется этот объект.

В научном предмете вычленяется область (поле) эмпирического материала, которая должна быть объяснена в теории. При проектировании или создании теории обычно стремятся к тому, чтобы теория в идеале полностью соответствовала своим эмпирическим предпосылкам, т.е. чтобы в ней выводились и оправдывались правильные с эмпирической точки зрения утверждения; хотя часто оказывается, что теория в самом своем основании не в состоянии охватить объект в том объеме, в каком он выявлен на эмпирическом уровне. В развитом научном предмете результаты эмпирического изучения отдельных объектных областей обычно сводятся в единую теоретическую картину путем переработки эмпирического материала в теоретические знания. Специфика связи подсистем теории и эмпирического материала состоит в том, что построенная теоретическая конструкция знаний непосредственно не вытекает из эмпирического материала, экспериментов и наблюдений³⁰.

Тесная связь у подсистемы теории имеется также с подсистемой моделей³¹. Функция теории, как уже отмечалось, состоит в том, чтобы отражать объект, зафиксированный в виде модели в специальной объектной форме, доступной для последующего теоретического изучения. Научное теоретическое знание получается при систематическом развертывании моделей, исследовании на них свойств объекта и обработке моделей с помощью соответствующих средств. Для того чтобы теоретическое движение могло осуществиться, необходимо, чтобы модель была "раз-

²⁹ О системном характере теории см., например: МСЛН 1966, 98.

³⁰ О связи теоретических представлений и эмпирического материала см.: ММЕ 1966, 86.

³¹ О соотношении модели и теории см., например: Штофф 1966, 9, 15.

томана" и из нее был вынут идеальный объект модели, который и подлежит исследованию в подсистеме теории. Знания, полученные на модели, множество которых составляет материал для упорядочивания в теории, будут квалифицироваться как знания об объекте изучения и относиться далее к этому объекту.

При описании становления и развития научного предмета дискуссионным является вопрос, в каждом ли научном предмете и на каждом ли этапе его развития имеется подсистема теории. Согласно Е.П. Никитину (1970, 22), "когерентная" теория возникает лишь на достаточно высоком уровне развития науки и соответственно не исключены такие периоды в ее развитии, когда теория может вообще отсутствовать (например, в случае, когда еще не установлены логические связи между имеющимися научными законами), или периоды, когда можно говорить не о самостоятельной теории, а только об элементах будущей теории (например, в ситуации, когда имеется набор логически не связанных между собой групп законов науки, внутри которых установлена связь лишь между отдельными законами). Поскольку, в трактовке Е.П. Никитина (1970, 22), резкая граница между элементом теории и "микротеорией" отсутствует, то в последнем случае все же можно говорить о научной теории.

Подсистема эмпирического материала имеет своим предназначением непосредственное фиксирование объектов оперирования (ПИСН 1967, 158). Основной структурной единицей ее является научный факт. В некоторых логических исследованиях (Никитин 1970, 111) термин "факт" (или "фактуальное положение") используется для наименования научного положения, отображающего индивидуальный объект или конечную группу таких объектов, а не реально существующего объекта материального мира. Однако чаще всего такого различия двух сущностей — фактов и данных — не производится, и термин "факт" обозначает и единицу научного предмета, и ее эмпирический аналог. Обычно значение понятия факт как единичного утверждения о частном событии определяется через его противопоставление понятию закона как универсального утверждения (Карнап 1971, 307). В некоторых лингвистических работах совокупность исходных фактов называют корпусом данных (Мартин 1963, 394).

Подобно элементам других подсистем научного предмета, факты как особый вид знаний не являются чем-то внешним для системы целостного, "ставшего" научного предмета, а входят в его состав, создаваясь этой системой за счет видения объекта изучения через призму определенных теоретических средств (Мамчур 1975, 38—45, Франк 1960 Щедровицкий 1968, 155).

Рассматривая факты как производные от теории, говорят об их существовании, необходимом с точки зрения теории, а также об относительном характере научного факта вследствие его "теоретической нагруженности" (Мамчур 1975, 43). Особую проблему при характеристике эмпирического материала составляет вопрос о форме изображения и фиксации фактов с помощью определенных средств³².

³² Об интерпретации исторического факта как системы см.: Уколова 1972.

Хотя эмпирический материал и рассматривается как проявление объекта изучения (последний представлен в научном предмете в виде идеального объекта, заключающего в себе множество эмпирических объектов определенного класса, свойства которых могут быть выведены: из идеального объекта), факт как единица эмпирического материала связан с объектом изучения лишь косвенно через посредство подсистем моделей и теорий.

Различают несколько типов фактов: эмпирические в собственном смысле слова и так называемые модельные (т.е. изображенные в моделях или конструируемые на них), а также известные и неизвестные факты, которые могут оказаться будущими событиями или относиться к прошлому.

Знаково-символические средства имеют своей функцией фиксацию полученных эмпирических и теоретических содержаний, образующих наполнения всех подсистем научного предмета.

В состав знаковых средств предмета, под которыми понимаются обычно знаковые образования, применяемые при решении задач, входят:

- 1) системы предметных понятий, заимствованных из других наук или специально созданных в рамках этой же науки;
- 2) представления и понятия из общей методологии и философии;
- 3) оперативные системы метаматики, включающие материал знакового образования вместе с заданной на нем группой операций;
- 4) "языки" разного типа, в том числе оперативные языки и онтологические схемы из других предметов;
- 5) модели;
- 6) теоретические знания, используемые для получения новых теоретических знаний³³, и т.д.

Для успешного функционирования научного предмета подсистема средств должна соответствовать прежде всего онтологии, поскольку именно средства задают соответствующее видение объекта изучения, представляемого в онтологической схеме³⁴. Каждый новый объект в рамках научного предмета подводится под имеющуюся онтологию путем выбора соответствующих средств и накладывания их на единичный объект, в результате чего этот объект начинает "видеться" сквозь их призму.

Во многих науках существует специальный набор средств для задания и выражения онтологических представлений, отличный от формальных средств этой науки, используемых для решения других задач. Однако, обычно в научном предмете особенно на первом этапе развития и формирования его знаковых средств не имеется специальных образований для задания исходных онтологических представлений.

Определенные связи у подсистемы средств имеются также с эмпирическим материалом, проявляющиеся, в частности, в том, что отбор средств может быть детерминирован эмпирическим материалом.

³³ О функциях символических и модельных средств в точных науках см.: Розин 1968; о проблеме философского анализа языка науки — Попович 1966.

³⁴ О зависимости выбора определенного математического аппарата от способа представления объекта см., например: Щедровицкий 1964б, 14–29; ПЛ 1968, 92.

Подсистема задач и проблем в научном предмете имеет своей функцией регулирование всех движений в его пределах³⁵. Эта глобальная функция может быть реализована через фиксирование отношений несоответствия между наполнениями остальных подсистем предмета и определение общего характера исследовательской деятельности, направленной на перестройку этих наполнений.

Проблемы научного предмета, взятые в их логической связи и последовательности, образуют единое проблемное поле (Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1972, 36).

Как особая логическая единица проблема объективно существует в системе своего предмета, в котором она возникает в целью разрешения проблемной ситуации, снимается будучи решенной, или отвергается, если не обладает познавательной спецификой.

Подобно тому, как это было и в случае других логических единиц, можно говорить о содержании проблемы и о форме, в которой она ставится.

Различают основные проблемы изучения, проблемы промежуточного рода, проблемы, не разрешаемые в рамках предмета, нерешенные проблемы, проблемы инвариантные для разных научных направлений внутри предмета, проблемы, содержательно эквивалентные друг другу, и т.д.

В трактовке деятельностного подхода, формулирование задачи представляет собой "идеальное полагание продукта в виде цели, а действительное получение продукта — это материализация цели, овеществление ее в материале знаковой формы" (Алексеев 1968, 99).

Тесная связь у подсистемы задач и проблем, во-первых, с теорией (среди задач научного предмета выделяется особый класс, направленный на получение в теории новых знаний), во-вторых, с эмпирическим материалом (обычно после постановки задачи подбирают эмпирический материал, помогающий ее решить) и наконец, с подсистемой моделей (задачи научного предмета могут быть поставлены на моделях).

Произведем условное расширение научного предмета за счет выделения в нем особой подсистемы или метаслоя, функцией которого явится логическая, философская и методологическая рефлексия над научным предметом³⁶. При задании модели научного предмета можно было бы идти несколькими путями, зависящими от того, включать ли метаслой в состав научного предмета, локализовать ли в метаслое всю методологию.

³⁵ О возникновении, структуре и динамике проблемы см., например: Хилькевич 1974, 45–63. О трактовке задачи как логической единицы, с помощью которой фиксируется объект изучения, см. у В.М. Розина (ПИСН 1967, 158).

³⁶ Как это убедительно продемонстрировано в ряде современных логико-философских работ (см.: Мамардашвили и др. 1972, 91), тенденцией теоретического мышления XX века является интенсивное развитие внутринаучной методологической рефлексии и превращение ее в "специальный слой научной деятельности, выделенный из ткани непосредственного исследования объекта".

О появлении и развитии различных типов внутринаучной рефлексии над наукой, а также об "известной эмансипации научной рефлексии над наукой от философской рефлексии над ней" см.: ФМН 1972, 11, 15; о внутринаучной ("научной") рефлексии см.: Сычева 1970, 2–7, 16; о внутринаучных методологических исследованиях — Швырев 1972, 209.

ческую работу по анализу научного предмета или же ограничиваться только включением философских вопросов научной дисциплины и, наконец, считать ли, что рефлексивные функции осуществляются в предмете средствами подсистемы задач и проблем или же особыми средствами в метаслое предмета.

К числу задач, решаемых в метаслое, могут быть отнесены следующие:

1) определение предмета исследования³⁷;
2) постановка и решение философских вопросов науки, например, проблемы существования объекта исследования и определения его природы;

3) обоснование построения предмета науки, в том числе оценка того, насколько анализируемая система знания соответствует ряду внешних по отношению к ней условий, требований и принципов, которым она призвана удовлетворять, а логические формы знания (утверждения, гипотезы, теории и т.д.), выступающие в качестве ее компонентов, — применимы в подобной функции и взаимосогласованы, соответствуя друг другу в рамках целостной системы научного знания (ФЗ 1967, 110)³⁸;

4) оценка адекватности онтологического представления объекта;

5) осознание введения новой проблематики, использования проблематики, унаследованной из близкородственных предметов или генетических предшественников этой дисциплины, и т.д.

Метаслой и научный предмет находятся в относительной независимости друг от друга. С одной стороны, в своем естественном состоянии предмет не зависит от рефлексии, т.е. может существовать и развиваться без метаслоя и независимо от него. Однако, как правило, во всяком развитом предмете возникает необходимость в метаслое, поскольку всякое развитое научное знание испытывает необходимость в выявлении своих оснований, осмыслении, корректировании сделанного и сознательном проектировании траекторий своего развития.

Особую задачу в рамках метаслоя научного предмета составляет определение достаточных оснований предмета и его обоснование: выявление исходных базисных допущений, постулатов, принципов и неосознанных посылок, лежащих в основе его построений и представлений, а также определение пределов применимости этих представлений (Юдин 1974, 407).

Необходимость выявления оснований научного предмета и его обоснование признается такой важной задачей, что признак обоснованности часто включают в число специфических свойств научного знания вообще.

В качестве оснований научного предмета могут выступать разнообразные логические единицы: предельные и "остаточные" понятия, отдельные

³⁷ «...Определение предмета науки, — по словам Т.И.Ойзермана (1972, 97), — не про тая констатация очевидного; оно должно указывать на круг возможных объектов ее исследования, совокупность которых качественно отличает предмет данной науки от предметов всех других наук. Такое определение предмета науки может носить лишь теоретический характер; оно призвано выявить единство всех изучаемых ею объектов. Вот почему дефиниция предмета любой науки может быть лишь результатом специального исследования...».

³⁸ Ср. принципиальную невозможность классификации в случае принятия гипотезы о теоретико-множественном существовании объекта.

теории, концепции, на базе которых строится дисциплина, и даже модели и применяемые к ним процедуры, трактуемые в известном смысле как основание теории.

В рамках научного предмета выделяют несколько видов оснований с точки зрения того, из каких дисциплин заимствуются исходные смысловые структуры, используемые в такой функции.

Различают предельные основания, или философские знания, обосновывающие все базисные построения предмета, и основания меньшей степени фундаментальности. Например, в качестве оснований для наук, строящихся в соответствии с системными принципами, выступают исходные идеи системного подхода, для научных предметов типа лингвистики, опирающихся на понятия знака и семиологической функции, — идеи семиотики, для предмета типа исторической фонологии — общелингвистические понятия и теории, а также базисные представления исторических дисциплин.

Синонимом понятия "основание" часто считают "принцип", отождествляя при определении каждого из этих понятий одно с другим. Так, основание толкуется как набор исходных принципов, лежащих в основе теории научного предмета и т.д., а принцип — как всякое основание, из которого необходимо исходить и которым следует руководствоваться в деятельности (ФЭ 1961, 1965). В обоих случаях речь идет о содержаниях, обладающих признаками логической исходности (необоснованности в рамках анализируемого целого), истинности, облигаторности, а иногда и простоты (Садовский 1974, 232; Франк 1960, 110). По-видимому, в случае оснований и принципов имеет место лишь частичное тождество смыслов, связанное с тем, что основаниями называют не всякие, а лишь логически первичные исходные принципы.

В поле синонимов для оснований, помимо принципов, входят также начала, обоснования, постулаты, допущения, аксиомы, посылки, исходные условия, предпосылки существования явлений и т.д.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ПРЕДМЕТА

Исходная задача процессуального представления научного предмета³⁹ состоит в том, чтобы выделить глобальный процесс в системе научной дисциплины, в соответствии с которым и осуществляется подобное представление.

Если считать, что глобальный процесс функционирования научного предмета заключается, например, в преобразовании фактов в форму теоретического знания, и систему научного предмета рассматривать в качестве особого устройства, осуществляющего такую переработку, то

³⁹ При процессуальном представлении научного предмета ограничимся рассмотрением лишь объективной стороны существования предмета, исключив из анализа субъективную сторону — роль отдельных авторов и школ (см.: Родный 1975, 379–423). Кроме того, из двух форм процессуальности — функционирования и развития — остановимся в основном на функционировании. О проблемах исследования процессов становления и развития науки см., например: МПРН 1974; Крымский 1974; Мамчур 1975. 5.

функционирование научного предмета в этом случае предстанет в форме генерирования знаний определенного типа (теорий). При этом в число частных подпроцессов предмета попадут конструирование и преобразование других его подсистем в соответствии с фактами, поступающими в подсистему эмпирического материала (Щедровицкий 1975б, 93-96).

Функционирование научного предмета в другом аспекте можно представить как реализацию двух взаимосвязанных и органически дополняющих друг друга процессов, находящихся обычно в равновесии: выделения новых сторон объекта и обратного ему процесса объединения выделенных сторон и снятия их в едином изображении — онтологической картине, в которой собираются воедино содержания, выражаемые различными элементами предмета, и за счет которой происходит постоянное "сплющивание" предмета⁴⁰.

Выделение и квалификация глобального процесса в системе предмета зависит прежде всего от того, какая категориальная характеристика дается научному предмету с точки зрения категорий естественного/искусственного, а именно квалифицируется ли научный предмет как естественная система (естественно-меняющееся целое или знаково-знаниевый организм), искусственная система (искусственно-преобразуемый объект или особая знаковая "машина", перерабатывающая определенный материал и продуцирующая определенные виды знаний) или же так называемая кентавр-система (система с элементами естественного и искусственного, например, естественно-меняющееся целое с элементами искусственного).

По-видимому, научный предмет без его метаслоя можно трактовать как естественную систему, развивающуюся по естественно-историческим законам, метаслой — как искусственную, развивающуюся по законам деятельности, а сам научный предмет с его метаслоем — как смешанную систему естественно-искусственного типа.

Согласно представлениям системного подхода, функционирование системы есть процессуальная реализация связей между ее компонентами. Такие связи неоднородны по своему типу и зависят от функциональных свойств связываемых ими элементов и их значимости в составе целого. Система обычно функционирует в среде, куда входит множество других систем той же природы и внепредметная среда. В зависимости от задач исследования моделируемая система может быть описана как полностью автономная, лишенная взаимодействий с другими системами такого же типа, т.е. как система, не подверженная внешним влияниям.

Согласно наиболее развернутой модели, функционирование системы рассматривается в условиях полного или частичного контакта со средой (с обоими видами окружениями: другими предметами и внепредметной средой).

⁴⁰ Под "сплющиванием" в теории деятельности и методологии понимается процедура рассмотрения неодноплановых, разнопорядковых знаний, полученных в разных позициях, в разных действительностях (в теории), как одноплановых, однородных, находящихся внутри одной позиции, в одной действительности.

При описании функционирования научного предмета ограничимся рассмотрением влияния среды на исследуемый научный предмет, исключив из анализа обратный процесс воздействия предмета на среду, другими словами, активную внешнюю жизнь предмета⁴¹.

Можно различать два рода внешнего влияния среды на научный предмет: наличного окружения и старых норм деятельности, принятых в дисциплинах, генетически предшествующих данному предмету.

Интерпретацию среды системы применительно к научному предмету можно свести к классификации и иерархизации наук в пространстве дисциплин, в число которых входит и рассматриваемый предмет. В качестве основания для разбиения наук могут служить такие признаки, как типы описываемых объектов и "действительностей", создаваемых в научных предметах.

Будем считать, что в пространство дисциплин, окружающих рассматриваемый научный предмет, входят (ПИСН 1967, 146–155, 165–172, 182–189; Розин 1968): эмпирические, математические, теоретико-методологические науки, а также философия.

Эмпирические науки (логика, психология, социология и т.д.), имеющие своим предметом какие-либо области действительности, включают два класса дисциплин: естественные и гуманитарные (или исторические), характеризующиеся такими категориальными связками, как форма/материал, норма/реализация, не известными наукам естественного типа.

Математические дисциплины имеют своим предметом определенные виды отношений, приписываемых всей действительности в целом.

Класс теоретико-методологических дисциплин включает общую методологию, теорию деятельности, теорию мышления, теорию знания, теорию проектирования, теорию науки и др.

В зависимости от типа влияния на рассматриваемый эмпирический научный предмет дисциплины, входящие в окружение научного предмета, распадаются на несколько групп. Первую группу образуют дисциплины с метафункциями по отношению к рассматриваемому предмету (философия, цикл методологических дисциплин, математика, семиотика). Часть из них, например, философия и методология, могут управлять функционированием и развитием научных предметов, осуществляя контроль за изменением и развитием лежащих в их основе категорий, а также поставляя научным предметам образцы абстрактных категориальных моделей объектов (Щедровицкий 1975б, 94)⁴². Поскольку изменение состава категорий приводит к перестройке наполнений всех подсистем научного предмета и заданию другой логической структуры входящих в их состав единиц (моделей, проблем и т.д.), то влияние философии и методологии на научный предмет считается наиболее глубоким из всех возможных воздействий среды.

⁴¹ Об адаптации системы к среде и среды к системе см.: Генисаретский 1975, 466.

⁴² Ср. в этой связи идею о возможности использования в качестве адекватного средства репрезентации объекта исследования в предмете изучения абстрактной модели структуры объекта, на базе которой могут быть созданы модели структурных объектов в конкретных системных исследованиях (ПИСС 1965, 31).

Вторую группу дисциплин "среды" образуют эмпирические дисциплины, однопорядковые по отношению к рассматриваемому научному предмету. Среди них могут быть дисциплины, входящие в науку, к которой принадлежит изучаемый научный предмет, и другие научные дисциплины (типа психологии для исторической фонологии).

Среди дисциплин, входящих в науку, к которой принадлежит рассматриваемый научный предмет, могут оказаться, во-первых, предметы, генетически близкородственные по отношению к данному предмету и в одно время с ним существующие (типа синхронической фонологии для исторической фонологии). Они являются равноправными с рассматриваемым предметом, "схватывая" разные стороны одного и того же фрагмента объекта, описываемого совокупностью таких предметов. По-видимому, у таких генетически близкородственных дисциплин могут быть общими онтологические картины, некоторые модели, исходные принципы.

В ситуации контакта научного предмета с генетически близкими дисциплинами могут представиться два случая: а) оба предмета (рассматриваемый и близкородственная дисциплина) строятся одновременно и возникает задача подсогласования их друг по отношению к другу, б) может случиться, что один из предметов исторически возник раньше (например, синхроническая фонология по отношению к исторической фонологии). При контактах во всех этих случаях может наблюдаться заимствование задач, проблем, некоторых теоретических представлений, понятий, методов. При переносе теоретических представлений и понятий производится определенное перекаатегоривание этих элементов и частичное распредмечивание (перевод их в полуонтологический статус).

Во-вторых, к числу однопорядковых дисциплин, входящих в ту же науку, что и рассматриваемый предмет, могут быть отнесены научные предметы-исторические предшественники (типа исторической фонетики для исторической фонологии), т.е. такие дисциплины, которые пытались ранее исследовать приблизительно тот же самый фрагмент объекта, что и рассматриваемый предмет.

Здесь могут встретиться несколько случаев: а) науки-предшественницы и рассматриваемый предмет в настоящее время не сосуществуют, т.к. второй научный предмет вытеснил (в том числе включил в себя) первый предмет, что имеет место в случае, например, когда системное представление науки-"поставщика средств" включает или ассимилирует онтологические представления науки, в которую переносятся средства⁴³; б) обе дисциплины (наука-предшественница и рассматриваемый предмет) сосуществуют, так как первый предмет продолжает существовать, несмотря на появление второго.

По-видимому, общим для двух дисциплин — исторической предшественницы и рассматриваемого предмета — может быть в первую очередь эмпирический материал, подлежащий описанию и объяснению, и возможно, некоторые задачи и проблемы.

⁴³ О ситуациях изменения научных предметов под влиянием контактов см.: Щедровицкий 1965, 76; ПЛ 1968, 72.

В-третьих, в числе дисциплин, входящих в ту же самую науку, что и рассматриваемый предмет, могут быть дисциплины, описывающие другие стороны объекта, чем этот предмет (типа морфологии по отношению к исторической фонологии).

Наконец, можно учитывать различные варианты построения научного предмета, рассматривая более сложные ситуации его функционирования.

Описание функционирования научного предмета в условиях контактов со средой должно учитывать два типа процессов: 1) внутренние процессы, касающиеся реализации связей между подсистемами научного предмета, а также между предметом и его метаслоем, и 2) внешние процессы контактирования научного предмета со своей средой.

Процессуальное представление научного предмета включает достаточно широкий класс задач, связанных с определением:

1) подсистем предмета, где локализуется исследуемый процесс изменения,

2) единиц, подвергающихся изменениям,

3) типа процесса — смены онтологических представлений и схем, переноса отдельных понятий, эмпирического материала, формальных средств, используемых для выражения содержаний, образующих наполнения всех подсистем предмета, некоторых методов и технических приемов исследования и т.д.,

4) механизма процесса в том числе того, какой элемент среды оказывает на процесс влияние, за счет каких причин возникает процесс, например, как следствие переноса онтологических представлений из соседних наук одновременно с заимствованием формальных средств или же такой процесс возникает искусственно как результат определенной работы в метаслое, где может осуществляться особая деятельность по проектированию траекторий развития предмета,

5) возможных условий оптимального хода реализации процесса; так, перенос в научный предмет новых методов пройдет более успешно, если будет сопровождаться одновременным или предварительным переносом или совпадением онтологических представлений предмета, поскольку метод как комплексная единица научного предмета, помимо телеологической и операциональной компонент, включает также онтологическую,

6) наконец, при описании процессов изменений необходимо обратить внимание на последствия таких изменений для строения и функционирования научного предмета (ср., например, ситуацию, когда перенесение онтологических представлений, а также некоторых формальных средств из одной дисциплины в другую может привести к исчезновению второй дисциплины, ее частичной перестройке или даже к смене предмета исследования).

В свою очередь соответствующие перестройки научного предмета, явившиеся следствием переноса формальных средств или онтологических представлений, могут привести к таким ситуациям, когда в научном предмете будут построены, например, модели на основе онтологических представлений, не совместимых друг с другом, или же когда в ходе перестройки научного предмета появятся синонимы и омонимы метаязыка соответствующего предмета.

ЗАДАЧИ И ТЕХНИКА ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНОГО ПРЕДМЕТА

В соответствии с идеями, принятыми в данной работе, методологический анализ научного предмета локализуется с известной долей условности в метаслое предмета. С точки зрения общей методологии и обслуживающей ее теории деятельности работа в метаслое представляет собой разновидность так называемой частнометодологической деятельности в особой методологической позиции в отличие от предметной позиции исследователя, работающего непосредственно в научном предмете.

В соответствии с идеями общей методологии и теории деятельности можно различать такие виды метаработ, как философская, логическая, методологическая рефлексия; однако для задач описания строения и функционирования научного предмета эти разбиения можно считать несущественными и такого деления не производить. С учетом различения трех основных видов деятельности — исследовательской (описательной), конструктивной и проектировочной можно выделять различные типы метаработ по анализу научного предмета: методологическое исследование по описанию уже созданных научных предметов и деятельности по их созданию, конструирование поля логических возможностей развертывания предмета исследования, а также проектирование траекторий последующего развития предмета⁴⁴.

Метаработа по анализу научного предмета сводится к реконструкции наполнений образующих его подсистем и корректированию действий исследователя-предметника по его созданию⁴⁵. Эта базисная задача распадается на более конкретные задачи, к числу которых могут быть отнесены⁴⁶:

- 1) выявление предполагаемой научным предметом действительности или картины предметно мыслимого мира, раскрываемого именно посредством этого предмета;

- 2) определение границ объекта изучения, задаваемых исследователем, исходя из идеи целостности и полноты своего объекта изучения;

- 3) анализ и оценка различных систем знаний в научном предмете (в частности, их адекватности) и корректирование правильности действий предметника по конструированию элементов научного предмета, в том числе поиски ошибок и противоречий в его работе;

- 4) установление правильности осуществляемых исследователем-предметником теоретических представлений объекта изучения путем анализа абстракций, на которых основаны предметы;

⁴⁴ Иногда производят различие видов методологий по признаку предписание/описание, говоря о нормативной методологии, где методологическое знание выступает в форме предписаний и норм, фиксирующих "содержание и последовательность определенных видов деятельности", и дескриптивной, где методологическое знание выступает в форме "описаний фактически выполненной деятельности" (Спиркин, Юдин 1974, 164).

⁴⁵ Иногда предпочитают говорить не о реконструкции, а о конструировании подсистем предмета методологом.

⁴⁶ Исчисление задач носит достаточно произвольный характер и приводится с целью иллюстрации возможных видов методологической работы в рамках анализа научного предмета.

- 5) выявление реальных проблем в науке;
- 6) корректирование принципов и техники построения предметных моделей и их последующей онтологизации;
- 7) выработка новых средств и методов конструирования новых видов развертывающихся в предметах идеальных действительностей;
- 8) коррекция техники построения теорий;
- 9) обоснование переноса определенных средств в научный предмет и установление их связей в системе единого предмета;
- 10) выявление разного рода инородных знаний в научном предмете и установление их роли и места в этом предмете;
- 11) выявление системы категорий путем доказательства категориальности определенных понятийных противопоставлений;
- 12) экспликация содержания понятий и категорий, используемых в предмете;
- 13) оценка процедур исследовательской работы и т.д.

Основной прием, применяемый при выявлении содержания наполнений подсистем научного предмета, представляет собой логическую историко-научную реконструкцию. Исходным материалом для реконструкции служат зафиксированные в научных текстах рассуждения, за которыми методолог (историк науки) должен увидеть различные логические единицы — онтологические представления, философские идеи, предметные научные понятия и т.д., а в конечном итоге, и весь научный предмет в целом в его функционировании и развитии. Сложность этого типа работы состоит в том, что компоненты научного предмета не даны в тексте непосредственно, а часто бывают слиты воедино. Поэтому один и тот же фрагмент текста может использоваться для реконструкции нескольких подсистем научного предмета, будучи интерпретирован по-разному. Например, одно и то же математическое выражение может быть квалифицировано как средства, модели и эмпирический материал⁴⁷.

Рассмотрим несколько элементарных процедур методологического анализа научного предмета, часть их которых составляют процедуры, применимые для всех видов методологических работ, а часть — процедуры, специфичные лишь для анализа научного предмета.

К числу глобальных процедур методологического анализа относится процедура объективации, или процедура преобразования операций в объекты, призванная осуществлять свертывание исследовательских и методических процедур, направленных на выделение объекта и наделение его определенными свойствами, в характеристики объекта. Объект, возникший в ходе процедуры объективации, начинает существовать в определенной форме — через знаковую конструкцию, придающую ему некоторую статичность и стабильность.

Во всякой научной дисциплине предметные содержания, зафиксированные в знаковой форме — понятий, теории, моделей и т.д., бывают

⁴⁷ Ср. в этой связи также замечания Р. Карнапа (1971, 379) о сложности реконструирования компонентов научного предмета, связанной с тем, что исследователи "редко предлагают свои теории в форме, которой бы хотелось видеть логику", не отмечая специально свои "исходные термины", "правила образования", "логические аксиомы".

неразрывно слиты со своей предметной формой, образуя неделимые сущности. Другими словами, содержания (смыслы) в научном предмете опредмечены. Для ряда методологических процедур бывает необходимым, однако, оперировать независимыми предметными содержаниями в отрыве от их предметных форм, имея отдельно на разных плоскостях анализа содержание и форму предметных сущностей. Это достигается путем частичного или полного распредмечивания научного предмета. В ходе решения некоторых других задач оторванные от старой формы содержания, претерпевшие определенные модификации, могут затем снова зафиксироваться в какой-либо новой форме — "опредметиться", превратиться в сущности определенного рода. Таким образом, в рамках методологического анализа содержания компонентов научного предмета могут встречаться как в распредмеченном, так и в опредмеченном виде (в том числе в заново перепредмеченном в новую форму того или другого рода). Например, предметные понятия, распредмеченные в ходе какой-либо процедуры путем отделения содержания от формы, могут быть затем заново опредмечены, превращены в сущности того же рода (новые понятия) или в сущности другого рода (онтологические картины, схемы), а распредмеченные предметные модели превращены в метамодели.

В ходе процедур распредмечивания и опредмечивания⁴⁸ предметные содержания отрываются от своей формы и переводятся в нейтральную всеобщую форму смыслов-значений, из которой они затем снова могут быть переведены в новые предметные формы. Таким образом, в ходе процедур распредмечивания и опредмечивания происходит переход ("перетекание") содержания и смысла из одной формы в другую, превращение предметных содержаний сущностей одного типа в предметные содержания сущностей другого рода.

Остановимся несколько подробнее на этих процедурах.

Распредмечивание — это аналитическая процедура, в ходе которой предметные содержания (характеристики, целостные теоретически замкнутые и онтологически осмысленные представления, теоретические схемы и т.д.) преобразуются в условные элементы семиотических конструкций какой-либо познавательной деятельности (системы мышления). В ходе процедуры распредмечивания происходит снятие онтологической интерпретируемости предметных содержаний и предметные содержания организуются при этом в определенные формальные схемы, не имеющие онтологической интерпретации. В случае достаточно глубокого распредмечивания онтологическая определенность теории может утратиться настолько значительно, что исчезнет даже возможность различения ее объективности. В ходе процедуры распредмечивания бывшие предметные содержания (некий набор смыслов) переводятся в план оппозиций, пространств, операций, схем (например, организованных в таблицы формальных оппозиций различия или частичного сходства). При распредмечивании вся построенная система предмета как бы "разламывается" и, образно говоря, не факты выламываются из стен теории, а стенки теорий выламываются

⁴⁸ О процедурах распредмечивания и опредмечивания см., например: Алексеев 1968, 98, 99.

из этих фактов. Вследствие того, что при распредмечивании теряется онтологическая безусловность компонентов научного предмета, в ходе данной процедуры происходит переход к равноправным смыслам, равнопорядковым, как бы лежащим на одной плоскости, так что становится невозможным определить, какие из этих смыслов "законны", поскольку их законность может быть определена лишь по отношению к системе предмета, которая была разломана, и по отношению к объекту, связь с которым нарушилась.

Синтетической процедурой, обратной аналитической процедуре распредмечивания и использующей в качестве своего исходного материала результаты распредмечивания, является опредмечивание, в ходе которого результаты распредмечивания (смыслы и действия) организуются заново, упорядочиваясь и снимаясь в новой конструкции. Поскольку смысл зависит от процедуры опредмечивания и от целостности создаваемой при этом конструкции, то в опредмечивании, строго говоря, присутствует уже не тот смысл, который был получен в результате процедуры распредмечивания. Процедура опредмечивания завершается построением новых конструкций — онтологических картин объекта (схем), новых понятий и т.д.

В смысловой структуре научного предмета в зависимости от степени отрефлексированности исследователем-предметником можно выделить два типа смыслов: 1) смыслы, составляющие предмет непосредственной рефлексии исследователя-предметника, над которыми он задумывается, комбинируя их особым образом и сознательно оформляя в предметные понятия, и 2) смыслы, которыми исследователь-предметник пользуется, считая их слишком хорошо известными (понятными), или же те, над которыми он не задумывался специально, но которые тем не менее существуют в научном предмете и могут быть извлечены из него для решения определенных методологических задач в ходе специального анализа. Именно с извлечением смыслов, имеющихся в предмете, но не осознаваемых исследователем-предметником и (или) эксплицитно не выраженных в предмете, а также с осознанием таких смыслов связан особый процедурный цикл, состоящий из процедуры онтологической схематизации смыслов и последующей процедуры рационализации (рационального оправдания) предметных значений, стоящих за категориальным противопоставлением, путем отделения в предметных значениях значимого содержания от незначимого (Генисаретский 1970а, 68—69).

Группа процедур в арсенале средств методолога предназначена для реконструкции наполнения подсистемы онтологии (ср. процедуры построения онтологии как системы категорий, отнесения к ней результатов онтологической схематизации других подсистем предмета, например, подсистемы моделей, после проведения их онтологической интерпретации), а также развертывания на базе выявленного содержания онтологии различных производных от нее логических компонентов предмета — онтологических схем мыслимых объектов, понятий, моделей и пр.

К числу методологических процедур, направленных на придание "онтологической определенности" мыслимым предметно объектам, относятся процедуры онтологического определения объектов, основанные на поня-

тиях "характера" объектов (системы его "категориально определенных свойств") и онтологической схемы объекта (Генисаретский 1970а, 31).

Имея одинаковое предназначение, эти процедуры различаются исходно заданным: в первой процедуре (характеризации), состоящей в отнесении объекта к некоторому подмножеству категорий парадигмы и фиксации у него свойств, присущих ему обязательно в силу производимого категорирования, таковым считается объект, а во второй (онтологической схематизации) — некоторое предметное значение.

К числу действенных теоретико-методологических процедур, относятся также конфигурирование, предназначенное для решения различного рода проблем синтеза представлений, моделей, теорий, предметов исследования и получившее свое название по имени итогового результата процедуры синтеза — синтезированного представления (модели), называемого конфигуратором, а также цикл процедур обоснования⁴⁹.

⁴⁹ О конфигурировании как способе построения знания см.: Schedrovitsky 1971. Подробнее о технике обоснования научного предмета, в частности, о процедурах, с помощью которых в сфере познания осуществляются поиски основания, см.: ФЭ 1967, 178; о более широком понимании обоснования как средства формирования "теоретического мира" см. в исследовании Е.П. Никитина (Грязнов и др. 1973, 55).

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРОЕНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ДОПУЩЕНИЯ, ОСНОВНЫЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Предмет исторической фонологии и средства его задания

Одна из центральных задач логико-методологического анализа научного предмета состоит в том, чтобы выявить область его исследования и очертить аналитические границы. К рассмотрению этой задачи можно подойти изнутри научного предмета и извне его. В обоих случаях можно пытаться решать задачи этого класса как на теоретико-методологическом уровне, так и на уровне интуитивно-эмпирическом, не используя представлений о структуре научного предмета, а раскрывать предмет путем задания представления об его основной идее. Согласно принятой нами гносеологической гипотезе, в развитом научном предмете объект изучения предстает в качестве особого идеального (абстрактного) объекта, имеющего свои внутренние механизмы и закономерности развертывания в рамках специально сконструированной "идеальной действительности", или содержательного пространства предмета, где все "правилосообразно" и протекает на основе строгих единообразных законов (Щедровицкий 1969, 75)¹.

Определить предмет изнутри и означает прежде всего выявить предполагаемую этим предметом действительность, а также развертывающийся в ней идеальный объект, который репрезентирует объект изучения. Определить предмет извне — это значит отграничить данную дисциплину от других и прежде всего близкородственных дисциплин в пространстве научных дисциплин за счет включения ее в более широкую действительность, чем та, которая задается и предполагается этим предметом.

В самом общем виде задача исторической фонологии состоит в том, чтобы осуществить генетико-диахроническое представление фонологической системы. Поскольку подобная задача может быть разрешена далеко не единственным образом, то соответственно и те конкретные облики,

¹ Об идеализированных объектах теории см., например: Зотов 1973. 76–93.

которые принимает историческая фонология в различных научных направлениях, пытающихся осуществить реализацию подобного представления, могут значительно варьировать как в отношении выбора исходной области исследования, так и в отношении объема научного предмета и внутренних путей его развертывания.

Неединственность реализаций генетико-диахронического представления системы может создаваться прежде всего за счет различных понятийных интерпретаций исходных категорий, задающих категориальный тип объекта изучения и пространство (идеальную действительность), где осуществляется его развертывание.

Центральные категории, лежащие в основе генетико-диахронического представления фонологической системы, — это категории фонологической системы и изменения (развития). Рассмотрим понятийные интерпретации данных категорий в рамках исторической фонологии. Часть смысловых компонентов понятия фонологическая система связана с трактовкой понятия система, а часть — с трактовкой понятия фонологичности и фонологического (см., например: ОЯ 1972, 125–127).

Система как целостное органическое единство своих компонентов и планов существования трактуется в лингвистических исследованиях более широко и менее широко. Во-первых, она рассматривается либо как единство структуры и воплощающих ее материальных элементов (материала, субстанции), т.е. как организованность особого рода, либо отождествляется только со своей структурой. Во-вторых, она может пониматься как единство синтагматики и парадигматики или же отождествляться только со своим парадигматическим планом (ср. различие "речевого потока" и "системы" у А. Мартине 1960, 40–44)². Далее она может определяться как интегративная сумма своих функционально-генетических состояний или отождествляться только с одним из таких состояний (ср. известное определение языка в каждый момент его истории как системы, используемой для передачи информации и для коммуникации между членами общества). Наконец, фонологическая система может трактоваться не только как организованность материала, но и связанный с ней процесс.

Исторический процесс существования фонологической системы во времени квалифицируют обычно как развитие с его двумя моментами — качественными и количественными изменениями³. Некоторые исследователи предпочитают говорить не о развитии фонологической системы, а просто об ее изменении, понимая под развитием процесс изменения, включающий момент обязательного структурного усложнения, что в слу-

² О парадигматике и синтагматике как формах существования речи-языка см.: Соссюр 1933, 124–127; Степанов 1975б, 258–260; Шедровицкий 1971.

³ О категории исторического процесса см.: Лосев 1977, 9; о понятии системы в синхронии и диахронии — Гухман 1962; о языковой системе и структуре языка — ОЯ 1972, 8–91; о системно-структурном подходе — Новик 1965, 21–29; Мельников 1971; 1972.

чае фонологической системы представляется проблематичным⁴. Иногда говорят не о развитии и изменении фонологической системы, а об ее эволюции (Иванов 1968, 8; Макаев 1973, 213; Leroy 1948; Wilden 1972; Иванов 1958, 400, 401), подчеркивая этим термином, во-первых, что состояния фонологической системы являются результатом более или менее длительных изменений ее предшествующих состояний, а также, во-вторых, что речь идет о постепенных, медленных, количественных изменениях. Однако, чаще всего термин эволюция не имеет указанных смыслов и употребляется как синоним терминов развитие и изменение. "...предметом исторической фонетики, — пишет Е.Д. Поливанов (1968, 135, 136), — являются не отдельные изменения единичных звуков языка ... а именно эволюция последовательно сменяющихся друг друга (от поколения к поколению) систем фонетических представлений, т.е., иначе говоря, если допустить бодуэновскую терминологию, — эволюция языкового мышления в области звуков языка"⁵. Иногда применительно к языковой (а соответственно и фонологической) системе употребляются все три понятия. Так, В.К. Журавлев (1976, 59) замечает, что "развивается, эволюционирует, изменяется собственно языковая система, подсистема (ярус языка) или ее отдельный блок, но не отдельный элемент языка, взятый изолированно вне системы".

Будем квалифицировать процесс исторического движения фонологической системы во времени в целом как развитие, а отдельные процессы в рамках этого глобального процесса — как изменения.

Объем исторической фонологии как особой дисциплины зависит также от того, идет ли речь при изучении движения фонологической системы во времени только о процессах изменения системы или обращается внимание также на константные признаки системы, резистентные по отношению к действию времени⁶. Развивая эту идею, звуковые изменения трактуют как механизмы изменения фонологической системы или ее сохранения. Так, Г. Хёнигсвальд (Hoenigswald 1960, 56) обращает внимание на возможность случаев, когда "одно изменение возвращает системе то, что было устранило другим изменением".

При более широком толковании процесса изменения (развития, эволюции) задачей исторической фонологии считается изучение не только из-

⁴ О проблемах развития языка, в том числе о его качественно-количественных изменениях см.: Серебrenников 1967; 1968, 124; Булагов 1965; Пауль 1960, 45–47, 69–92; Bloom 1970; Sgall, 1972; Косериу 1963, 148; Vachek 1957; Ярцева 1976; о проблемах языкового изменения — Bartsch 1973; Косериу 1963, 143, 182, 192, 195, 200, 213; о звуковом фонетическом изменении — Sauvageot 1970; Косериу 1963, 208–209, 195; Зиндер 1957; о возможности изучения изменения в синхронии и диахронии — Косериу 1963, 150, 153, 155–158, 166, 192, 213, 219, 220. Попытка демонстрации действия закона перехода количества в качество на примере анализа некоторых "типовых разновидностей историко-фонетических (и именно историко-фонологических) процессов" имеется в исследовании Е.Д. Поливанова (1968, 115–134).

⁵ См. также рассуждения Е.Д. Поливанова (1968, 57, 73, 84, 135, 136) об "эволюционном процессе" в языке и о фонетической (звуковой) эволюции.

⁶ Ср. в этой связи два вида причинных законов, выделенных Б. Расселом (1957, 245), касающихся постоянства и изменения.

менения фонологической системы, но также сохранения ее определенных константных признаков, резистентных по отношению к влиянию времени.

В зависимости от различного толкования понятий "фонологическая система" и "развитие фонологической системы" определение "историческая фонология есть наука о развитии фонологической системы" имеет по крайней мере четыре различных смысла. Во-первых, историческая фонология понимается как наука об изменении фонологических отношений (структуры) в языке. При таком подходе предмет исторической фонологии трактуется узко, так как в этом случае вне рассмотрения фонолога оказывается вся история материальных звуковых элементов языка и анализ константных признаков фонологической системы.

Далее историческая фонология понимается как наука об изменении структуры фонологической системы и ее материальных элементов. Вне сферы рассмотрения при таком подходе остается исследование константного в фонологической системе. В качестве иллюстрации этого толкования можно привести с известными оговорками трактовку "эволюции" фонологической системы как изменения отношений внутри этой системы, связанного с изменением "материальной стороны" элементов системы, из работы В.В. Иванова (1968, 8).

В третьем случае историческая фонология понимается как наука об изменении фонологических отношений (структуры), включающая также исследование константных фонологических отношений, неизменных на протяжении определенного времени. Вне сферы рассмотрения при таком подходе оказывается вся история материальных звуковых элементов.

Наконец, историческая фонология понимается как наука об изменении фонологической структуры и воплощающих ее материальных звуковых элементов, включая в качестве специального аспекта исследования изучение константных черт фонологической системы (структуры и материальных звуковых элементов) на протяжении исторического времени.

Естественно, что наиболее адекватным с точки зрения идей системного подхода представляется последнее толкование предмета исторической фонологии.

Широта задаваемой области исследования исторической фонологии может зависеть не только от толкования исходных категорий, задающих категориальный тип объекта изучения, но и от ряда других моментов. Так, релевантным является то, рассматривается ли фонологическая система как зависимая от своей среды, а также ограничиваются ли диахронические исследования в фонологии определенным промежутком времени, например, периодами наиболее бурных изменений в фонологической системе, или подобные попытки ограничения являются искусственными, так как "во всякой фонологической системе в любой момент ее истории существуют зоны, где подготавливаются или уже происходят изменения," способные привести язык к полной неузнаваемости⁷ (Мартине 1960, 54).

Объем исторической фонологии зависит также от того, включается ли в состав ее задач исследование (реконструкция) фонологической систе-

⁷ О так называемых "критических" точках системы см.: Косериу 1963, 220.

мы не только по оси времени, но и по оси пространства, в рамках определенной изоглоссной области, т.е. фонологической системы языка в его говорах (Журавлев 1968, 58).

Категории фонологическая система и развитие (изменение, эволюция), задавая категориальный тип объекта изучения исторической фонологии, как бы замыкают этот предмет извне. Дальнейшее развертывание исторической фонологии зависит уже от выбора исходных принципов и внутрипредметных решений, принимаемых различными направлениями и школами. Существенную роль при этом играет, например, какие языковые единицы избираются в качестве компонентов модели фонологической системы. Так, историю фонологической системы можно представить как историю ее дифференциальных признаков (Журавлев 1966, 66) или как качественную смену позиций (Реформатский 1970, 119).

В трактовке В.К. Журавлева (1976, 30), внутреннее развитие фонологической системы определяется постоянным взаимодействием между тремя группами параметров: реляционным и реляционно-физическим уровнями, фонологическим и фонетическим уровнями⁸, а также между парадигматикой ("системным устройством фонетического инвентаря") и синтагматикой ("законами сочетаемости и функционирования фонем"). Очевидно, что эти параметры могут быть положены также в основу развертывания предмета исторической фонологии.

Как видим, существует много вариантов воплощения идеи генетического представления фонологической системы, а следовательно, может существовать много различных "исторических фонологий". Тем не менее, игнорируя это многообразие конкретных обликов исторической фонологии и акцентируя внимание на определенных инвариантных чертах, свойственных всем вариантам указанной дисциплины, говорят о едином предмете — исторической фонологии. Проблема единства какой-либо научной дисциплины при наличии многовариантности реализации ее идей в различных школах и направлениях (Климов 1967, 4; Акчурин 1974) тесно связана с вопросом о целостности научного предмета, обоснование которой осуществляется в рамках самого этого предмета на достаточно высокой ступени его развития, когда осуществилось рефлексивное вычленение его задач и сформировалась эмпирическая область предмета, потенциально задающая научный предмет, но, естественно, не совпадающая с ним, и начала разрабатываться теория этого предмета, превращающая разрозненные эмпирические описания единичных эмпирических объектов в связанную внутренним единством теоретическую картину (Генисаретский 1971).

Предпосылки возникновения исторической фонологии

Познавательную ситуацию в момент возникновения научной дисциплины, когда появление дисциплины такого типа становится необходимым, обычно характеризуют в терминах противопоставлений объективное/

⁸ О проблеме взаимоотношений фонологических и фонетических данных в исторической фонологии см.: Kurath 1961.

субъективное и внешнее/внутреннее. Говоря о внешних субъективных предпосылках возникновения исторической фонологии, целесообразно прежде всего обратить внимание на общий стиль научного и философско-методологического мышления эпохи начала XX в., оказавший большое влияние на развитие лингвистики в целом и косвенным образом также на появление и формирование исторической фонологии⁹. Для этой эпохи, по словам В. Брендаля (1960, 43), характерно было выдвижение специальной задачи исследования прерывистых изменений, игнорировавшихся ранее в значительной мере из-за "прочно укоренившейся веры в медленную и постепенную эволюцию", а также особое подчеркивание противопоставления "состояний" и переходов из одного состояния в другое путем резких скачков. Именно в контексте названных идей вводятся понятия квантов Планка в физике, мутаций в биологии, равно как и сосюрровское разграничение синхронии/диахронии в лингвистике. Для ряда наук того времени было характерно также осознание необходимости во введении некоторого общего понятия (типа генотипа в биологии и социального факта в социологии), обозначающего единицу, инвариантную для всех отдельных проявлений одного и того же явления, понимаемую как нечто идеальное и независимое от рефлексии исследователя.

Именно в контексте этих идей появляется сосюрровское разграничение понятий языка и речи, где язык как некая чисто абстрактная сущность трактуется одновременно и как вид в биологии и как институт в социологии. В рамках поиска такой единственно возможной единицы, используемой для наименования всех частных проявлений одного и того же явления, происходит выдвижение понятия фонемы и формирование фонологии. Идея же поиска прерывистых изменений косвенным образом, через формулирование расчленения синхронии и диахронии, оказала свое стимулирующее влияние на возникновение и развитие исторической фонологии.

Рассмотрим некоторые внутрилингвистические объективные мотивы построения предмета исторической фонологии. Доктрина исторической фонологии как особый раздел исследовательской программы лингвистов возникает одновременно с фонологией в понимании Пражской лингвистической школы¹⁰.

Как показано в исследовании А. Мартине (1960, 64, 66), некоторые идеи исторической фонологии были выдвинуты задолго до создания этой дисциплины. Так, фонетисты Г. Суит, О. Есперсен и П. Пасси еще в 80-х годах XIX в. высказывали взгляды на природу фонетических изменений, в значительной мере совпадающие с позицией современных исследователей диахронии, а К. Луик еще в 1896 г. говорил о возможной связи эволюции звуковой системы с необходимостью сохранения различий между существующими элементами.

⁹ О проблеме стиля мышления в науке см., например: Сачков 1974; Новик 1975; Веденов, Сачков 1971; о парадигмах научного знания — Кун 1975; Крымский 1974, 94–107.

¹⁰ О понятии исследовательской программы см. у И. Лакатоса (МПРН 1974).

По словам Я.Б. Крупаткина (1958, 37), идея об управлении звуковой эволюции не только чисто фонетическими причинами признавалась исследователями задолго до структуралистов, показавших лишь закономерный характер таких явлений.

Для момента возникновения фонологии как самостоятельной дисциплины было характерно то обстоятельство, что на смену традиции младограмматиков с их историзмом (эволюционизмом), атомизмом (изолированным, несистемным рассмотрением языковых переходов), механицизмом и "фанатическим культом изолированных фактов" (Булыгина 1964, 47)¹¹ приходит концепция Ф. де Соссюра, выдвинувшего гипотезу о системном характере синхронии и невозможности применения системного принципа исследования к диахронии.

С логической точки зрения генезис исторической фонологии можно трактовать как результат реакции на специфическую познавательную ситуацию в момент зарождения этой дисциплины, для которой были характерны следующие моменты. Во-первых, невозможность объяснения в рамках исторической фонетики многочисленных фактов поднимала вопрос о необходимости создания некоторого общего представления о звуковой системе языка (точнее, о закономерностях ее существования во времени) и такой ее модели, которые бы могли объяснить характер имеющихся знаний о звуковых изменениях, снимая возникающие в них противоречия.

Историческая фонология, ставившая своей задачей распространение фонологических идей на область звуковых изменений¹², в том числе и на факты, не объясненные в рамках младограмматической версии исторической фонетики, пыталась давать такое представление и такие модели. Это общее ожидание было выражено, в частности, Э. Германом, который в 1931 г. утверждал, что фонология, представляющая собой "большой прогресс... многое объяснит и произведет революцию в исторической фонетике" (цит. по: Мартине 1960, 33).

Во-вторых историческую фонологию можно рассматривать как своеобразный результат неудовлетворенности постулатом Ф. де Соссюра о невозможности системного анализа в диахронии и как попытку распространения системного принципа исследования на диахронию в про-

¹¹ По словам Р. Якобсона (цит. по: Гухман 1964, 11), «"атомизм" младограмматиков произведен от их позитивизма, психологизма и ложно понятого историзма». О роли младограмматиков в развитии лингвистики см., например: Jankowsky 1972. Говоря о тенденциозности и фактической ошибочности критики младограмматиков со стороны современных структуралистов, обвиняющих младограмматиков в атомизме и физикализме, Г.В. Рамишвили (Ramischwili 1967, 565, сн. 39) обращает внимание на то, что структуралисты не делают при этом различия между теорией и практикой лингвистических исследований: критикуя теоретическую доктрину младограмматической концепции, они подвергают сомнению и их эмпирические результаты.

¹² Обращая внимание на важность фонологической трактовки звуковых изменений, некоторые исследователи (Стеблин-Каменский 1966, 6) определяют историческую (диахроническую) фонологию как науку, рассматривающую звуковые изменения с фонологической точки зрения.

тивовес синхронической фонологии, пытающейся реализовать применительно к звуковой стороне языка идею Ф. де Соссюра о системности синхронии¹³.

Обоснование возможности существования исторической фонологии

Обоснование того, что историческая фонология как целостный предмет имеет достаточные основания для своего существования, включает рассмотрение следующих моментов:

- 1) предмет, ставящий своей задачей осуществление генетического представления системы, целесообразен и теоретически допустим;
- 2) предмет этот уникален в том смысле, что цикл задач, выдвигаемый в нем, во всем комплексе не решается ни одной из других существующих научных дисциплин;
- 3) такой предмет не только потенциально возможен, но уже во многих пунктах действительно построен, функционирует и развивается, имея все необходимые компоненты, присущие развитому научному предмету (модели, теоретические композиции, понятийные средства, онтологические схемы и т.д.), организованные в единую целостность в соответствии с канонами построения научных предметов.

Обоснование тезиса о том, что историческая фонология, ставящая своей задачей осуществление генетического представления фонологической системы, теоретически допустима, сводится в свою очередь к подтверждению следующих тезисов: 1) образование, именуемое фонологической системой, действительно есть система и ее автономное рассмотрение допустимо и целесообразно; 2) фонологическая система принадлежит к числу исторически развивающихся (динамических систем), допускающих генетическое представление.

Эти тезисы в свою очередь базируются на ряде допущений, абстрактных понятийно-категориальных различий и принципов исторической фонологии, обосновываемых вне этой дисциплины в рамках других систем знаний (общей фонологии, общего языкознания, семиотики, общей теории систем, различных философско-методологических концепций).

Тезис о том, что фонологическая система есть система, базируется на системно-структурном принципе иерархичности и постулате лингвистики о том, что язык есть система¹⁴. Поскольку, согласно принципу иерархичности, каждый элемент системы, в том числе и любая ее подсистема, может рассматриваться как самостоятельная система, то и фонологическая система как подсистема языковой системы может также считаться системой.

¹³ По словам Дж. Трима (Trim 1959, 23), наука чисто дескриптивного характера, игнорирующая прогресс, изменение и развитие, не может надолго оставаться удовлетворительной; необходимо вернуть лингвистике динамику языкового развития, освободив ее от "строгости" состояния языка.

¹⁴ О языке как системно-структурном образовании см.: Солнцев 1971; о развитии языка как системы систем — Vachek 1958.

Онтологическая квалификация языка как системы не является общепризнаний. Так, М.И. Стеблин-Каменский (1966, 7, 66, 67, 146) утверждает: 1) «язык как "система" существует только в декларациях», поскольку «в действительности "система" — это только тенденция в развитии языка», 2) в отличие от современного синхронического языкознания лозунгом которого является утверждение, что язык есть система, лозунгом современного диахронического языкознания должно быть утверждение, что "язык — это и система и не система", поскольку в языке имеются динамические связи, не только создающие, но и разрушающие то, что обычно называется системой. Согласно другой позиции, выражаемой, в частности, Н.Д. Андреевым (ОССАИИ 1960, 52), "система в диахронии есть, но намного более сложная, чем в синхронии, с подвижной и поэтому гораздо труднее уловимой иерархией". Иногда подобные сложности в системной квалификации языка пытаются устранить путем введения понятия периферии фонологической системы, куда относят противоречивые несистемные факты. Эти разногласия могут быть сняты, если принять допущение, что категориальное определение "язык есть система" можно трактовать непосредственно объектно (онтологически) и не непосредственно объектно (методологически) как инструмент анализа объекта.

Утверждение о допустимости и целесообразности автономного рассмотрения фонологической системы базируется на лингвистическом тезисе о том, что язык есть семиотическая система, и на идее о возможности независимого уровневого анализа языка.

Тезис о том, что фонологическая система принадлежит к числу исторически развивающихся систем, допускающих генетическое представление, базируется на системно-структурном принципе иерархичности, идее о возможности генетического представления динамических (исторически развивающихся) систем и на утверждении о том, что язык как феномен, существующий во времени, принадлежит к числу исторически развивающихся явлений, т.е. классу таких динамических систем¹⁵.

Действительно, согласно принципу иерархичности, каждый элемент системы может рассматриваться как самостоятельная система, к которой применима вся категориальная парадигма системного подхода, в том числе и категория процесса, в соответствии с которой осуществляется генетическое представление динамической системы. Фонологическая система языка есть подсистема языковой системы, принадлежащей к числу исторически развивающихся явлений, допускающих генетическое представление. Поэтому, согласно принципу иерархичности, она может быть квалифицирована как исторически развивающаяся система, допускающая генетическое представление.

Перейдем к более подробному рассмотрению онтологических допущений и базирующихся на них методологических принципов исторической

¹⁵ "По-видимому, нельзя понять до конца не только законы развития, но и сущность языка, изучая его вне времени, — пишет Я.Б. Крупаткин (1958, 36). — Сущность языка не только в том, что он является системой знаков, но также и в том, что эта система, не переставая служить целям общения, способна постепенно изменяться, причем для лингвиста-теоретика обе стороны одинаково важны".

фонологии, выполняющих функцию ее оснований, различая по возможности две ситуации: задание предмета исторической фонологии и его дальнейшее развертывание.

Принимая допущение о том, что язык есть система, и трактуя фонологическую систему как самостоятельную автономную подсистему языковой системы, историческая фонология тем самым опирается на принцип системности, согласно которому исследуемый объект рассматривается как целостность, компоненты которой взаимосвязаны¹⁶. В соответствии с таким пониманием в центре внимания исторической фонологии оказывается фонологическая система и ее эволюция.

В отличие от младограмматиков, которые, опираясь на распространенный в их эпоху методологический принцип атомизма, изучали в основном эволюцию отдельных языковых единиц, историческая фонология в соответствии с принципом системности обращается к изучению развития фонологической системы в целом¹⁷.

С введением в историческую фонологию принципа системности, по словам Р. Jakobsona (Jakobson 1962, 20), "историческая фонетика преобразуется таким образом в историю эволюции фонологической системы". Необходимо "рассматривать историческую фонетику не как совокупность разрозненных историй звуков и звукового состава отдельных слов, а как историю последовательной смены систем фонетических представлений", — развивает сходную идею Е.Д. Поливанов (1968, 95).

Наибольшее конструктивное значение для исторической фонологии имеет системный принцип целостности, постулирующий первичность системы как целого над ее элементами и заключающийся, как уже было отмечено выше, в признании принципиальной несводимости свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов (соответственно несводимости свойств целого к свойствам элементов) и к требованию описания элементов исследуемой системы не самих по себе, а лишь с учетом их места в целом. Противоставляясь позиции младограмматиков, для которых, в соответствии с типичной для их эпохи концепцией механицизма, система представлялась механическим объединением своих частей, а не структурой и процессом, фонологи как представители новой парадигмы научного мышления, отказывались видеть в языке "простой конгломерат независимых единиц, природу и изменение которых можно изучать без изучения природы и изменения соседей", рассматривая каждый фонологический факт как часть целого (Martinet 1968, 61).

В соответствии с принципом целостности, методологической рекомендацией исторической фонологии становится требование исследования каждого явления (элемента, единицы, процесса) с учетом системы, в кото-

¹⁶ О постулате системности см., например: Журавлев 1976, 49. Подробное обсуждение общенаучного принципа системности см.: Ракилов 1975.

¹⁷ О необходимости изучения трансформаций вокалических и консонантных систем как единого целого см.: Milewski 1967, 1362. Ср. также замечания У. Лемана (Lehmann 1962, 150) о неадекватности (с точки зрения современных представлений о значимости структур и субструктур в языке) грамматик прошлого, имевших дело с индивидуальными фонологическими единицами и редко занимавшимися подробным рассмотрением фонологических систем.

рой оно существует. Эта идея была выражена в одном из тезисов I Международного конгресса лингвистов, в соответствии с которым история языка "не должна замыкаться в изучении изолированных фактов, но должна стремиться рассматривать их в зависимости от системы, к которой они относятся" (цит. по: Haudricourt, Juilland 1970, 5). "... ни одно из звукоизменений (как и ни одно, с другой стороны, из явлений статической фонетики данного языка) не должно и не может рассматриваться изолировано, без связи с данной фонетической системой в целом ... — пишет Е.Д. Поливанов (1968, 135, 136). — Только при этом взгляде на вещи, т.е. на основе уже установленных фактов в области эволюции фонетической системы (как целого), возможно дать правильное прагматическое объяснение единичным фактам (рассматриваемым именно как детали в составе целой системы, логически зависящие от всего состава этого целого)"¹⁸.

Конкретизациями принципа целостности в рамках исторической фонологии можно считать следующие методологические рекомендации.

Во-первых, предлагается рассматривать каждую фонологическую единицу "внутри системы в ее взаимных отношениях с другими единицами до и после звукового изменения, независимо от того, привело ли это к изменению фонетических реализаций сравниваемых фонологических единиц" (Jakobson 1931, 248). Далее выдвигается на первый план задача изучения связей (прежде всего причинно-следственных) звуковых изменений друг с другом, а также с другими языковыми или неязыковыми явлениями в противовес исторической фонетике, для которой, по словам М.И. Стеблина-Каменского (1966, 17, 126), "отдельные звуковые изменения сами по себе ... были такими же самодовлеющими, какими для классической фонетики были отдельные звуки речи". "... всякое изменение, постигающее один из элементов ... фонетической системы, тесно и многообразными нитями связано с судьбой прочих элементов системы и осуществимо только тогда, когда не встречает себе препятствий в ситуации прочих элементов (т.е. увязывается с эволюцией прочего состава системы. . .) ... здесь можно назвать различные формы этих зависимостей — одного элемента от прочих, а следовательно, и эволюционной судьбы одного элемента от эволюционной судьбы целого", — пишет Е.Д. Поливанов (1968, 137).

Наконец, считается необходимым рассматривать любой исследуемый процесс на фоне развития всей системы в целом как естественный результат такого развития. Методологическим принципом лингвистики, по словам Е.Д. Поливанова (1968, 136, 138), становится необходимость "привлекать к объяснению не только данный, но и прочие элементы системы, и систему как целое". В качестве примера реализации этого требования можно привести попытку Я.Б. Крупаткина (1962, 197) представить палатализацию германского /a/ в англо-фризском как результат развития системы гласных.

¹⁸ Ср. также замечания Р. Якобсона (Jakobson 1962, 19): "... языковые изменения не могут пониматься отдельно от системы, а система не может быть абстрагирована от своих изменений".

Методологическим следствием системного принципа целостности, как уже отмечалось, является провозглашение необходимости исследования системы в окружающей её среде¹⁹. В некоторых вариантах исторической фонологии в центре внимания оказывается исследование развития фонологической системы в среде, которая, с учетом отношений к находящейся в ней фонологической системе, структурируется на экстрафонологическую внутриязыковую и экстрафонологическую внеязыковую. По мнению Н. Ван-Вейка (Wijk 1939, 298, 299), замыкание области исследования исторической фонологии изучением только эволюции фонологических систем имеет свои недостатки, поскольку подобным образом очерченная область исторической фонологии не покрывает собой всех диахронических фактов. Целесообразным считается в связи с этим исследовать не только историю фонологических систем, но и "сложную игру различных внутриязыковых сил нефонологического порядка", а также взаимодействие этих "нефонологических сил" и фонологических систем. В терминах современного системного подхода можно было бы сказать, что Н. Ван-Вейк предлагает включать в задачи исторической фонологии исследование не только внутрисистемных моментов развития фонологической системы, но и внешнесистемных ее отношений, ограничивая последние экстрафонологическими внутриязыковыми связями.

Несмотря на большой интерес исторической фонологии к исследованию внешнесистемных отношений, основное внимание этой дисциплины сосредоточено все же на внутрисистемных фонологических отношениях. «Основное, что принесла с собой диахроническая фонология, — пишет М.И. Стеблин-Каменский (1966, 21), — это исследование различного рода "системных", или "структурных", факторов звукового изменения и в первую очередь различных случаев "давления" системы"».

Важную роль в задании и развертывании предмета исторической фонологии играет системно-структурный принцип иерархичности, лингвистической спецификацией которого можно считать требование относительно независимого уровневого анализа языка, исходящее из идеи равноправия планов выражения и содержания знака²⁰. Именно на этом принципе в рамках семиотической концепции языка²¹ базируется идея автономности исторической фонологии. По словам А. Мартине (Martinet 1968, 88), фонология сможет достигнуть ранга автономной дисциплины, основывая все свои шаги на "принципе релевантности". Попутно отметим, что и фонология в целом в ее современном понимании выделяется (да и вообще, по-видимому, возможна) лишь в рамках такой концепции языка.

¹⁹ Об отношениях между системой и ее окружением см., например, в работах В.А. Виноградова, Е.Л. Гинзбурга (1972, 93, 96, 97), А.А. Голова (ПИСС 1965, 79–82).

²⁰ О роли семантики в фонологическом описании и о влиянии значения на звуковую субстанцию знака см., например: Косериу 1963, 153; Мартине 1963, 398; ср. также утверждение А. Мартине (1960, 46) о том, что "значение и употребление данного слова никак не влияют на эволюцию составляющих его фонем".

²¹ О методологической характеристике языка как знаковой системы см.: Розин 1967.

Принцип системности конкретизируется в диахроническом фонологическом анализе также в требовании учета функции и материала (субстанции).

В соответствии с принципом учета функции в лингвистическом описании в одну группу объединяются "явления, обладающие одной и той же функцией, даже если они различны в физическом отношении, и рассматриваются порознь явления, выполняющие различные функции, даже если они аналогичны в материальном отношении"²² (Мартине 1963, 411).

Требование учета функции можно понимать двояко: 1) процесс функционирования следует трактовать как производное от его роли в системе, в которой он имеет место ("языковое изменение может быть понятно, если ясна его роль в языковой системе", Jakobson 1962, 202, 203); 2) процесс функционирования надо трактовать как производное от роли системы в более объемлющем целом: "изменения в системах не могут совершаться безотносительно к основной функции языка" (Крупаткин 1958, 88)²³.

Требование учета материала в системном анализе обсуждается в лингвистике обычно как вопрос об использовании субстанции в описании²⁴. "Было бы ошибкой полагать, — пишет А. Мартине (1963, 397; 1960, 57), — будто лингвиста не интересует физическая реальность звуков" и что "ничего не потеряют, уступая противникам часть звуковой стороны языка". Замечая, что диахроническая точка зрения в фонологии предполагает большее внимание к звуковой реальности, чем то, которое уделяется ей при сведении числа различительных признаков к минимуму, А. Мартине (1960, 57, 105) именно на этом основании признает абсолютно неприемлемым в исторической фонологии подход, при котором производится устранение в качестве избыточных тех звуковых признаков, которые возникают в ходе развития, изменяющего внутрисистемные отношения. Обсуждая, кто из структуралистов наиболее подготовлен к исследованию в структурно-функциональном плане эволюционной фонетики, А. Мартине (1960, 28) относит к числу таковых прежде всего тех лингвистов, которые не исключают из сферы своего внимания "звуковую материю" ни на одном из этапов анализа.

Отметим, что то обстоятельство, на каком этапе исследования производится анализ звуковой субстанции языка и отводится ли описанию звуковой стороны языка лишь подчиненная роль²⁵, служит одним из признаков, различающих варианты построения исторической фонологии.

Проблема роли субстанции в диахроническом фонологическом описании стоит особенно остро в ситуации выбора варианта синхронической

²² О роли функции в лингвистическом описании и функционализме в лингвистике см., например.: Martinet 1968, 40; 1968, 49; Мартине 1963, 408, 410, 416; Мартине 1960, 49; Heller 1967.

²³ О постулате функциональности см. также: Журавлев 1976, 49.

²⁴ О роли субстанции в фонологическом описании см., например: Климов 1967, 15, 48; Мартине 1965, 456, 458; 1963, 397; Martinet 1968, 68; ОЯ 1972, 138, 139.

²⁵ Подробное обсуждение проблемы о том, можно ли считать преждевременными попытки рассмотрения истории звуковых изменений на уровне антропофонии, и обзор различных решений этой проблемы см.: Журавлев 1965, 34—37.

фонологии, на которую может опираться историческая фонология. Обычно предпочитается такой вариант синхронической фонологии, где звуковая реальность изучается с максимальной полнотой.

Принцип учета субстанции имеет существенное значение как для развертывания предмета исторической фонологии, так и для ее задания. Так, с учетом этого принципа в диахроническом фонологическом описании предлагается различать реляционный уровень, где учитываются лишь дифференциальные признаки фонем, и реляционно-физический уровень, где наряду с дифференциальными учитываются также и интегральные признаки (Журавлев 1965.34, 35).

Как показано в исследовании В.К. Журавлева (1976, 52), из принципов (постулатов) системности и функциональности непосредственно вытекает один из конструктивных принципов исторической фонологии – постулат гомогенности (однородности): "Отдельные относительно автономные подсистемы объединяются в систему гомогенностью функций при строителстве гомогенных единиц высшего порядка. Так, подсистемы вокализма и консонантизма объединяются в целостную систему фонем фактором гомогенной функциональности – все фонемы (и гласные и согласные) являются строительным материалом морфем для гомогенных единиц высшего порядка, и. т.п."

Одной из разновидностей принципа системности в широком смысле слова при трактовке системы как совокупности своих функционально-генетических состояний можно считать также принцип историзма²⁶, требующий рассмотрения действительности как изменяющейся во времени, развивающейся: В соответствии с этим принципом любое социальное явление анализируется в "его конкретных исторических взаимосвязях, с точки зрения его генезиса в прошлом и тенденций развития в будущем" (ФЭ 1975, 5; см.: ПИПСЯ 1972).

Однако весьма часто принципы системности и историзма рассматриваются как независимые (при этом принцип системности трактуется более узко) и дискуссионным является вопрос об их совместимости в рамках какой-либо одной теоретической концепции²⁷. В случае трактовки названных принципов как независимых и самостоятельных встречаются следующие решения, касающиеся их комбинации в исследовании: 1) оба принципа исключают друг друга, и считается, что исследование может быть либо системным, либо историческим; 2) оба принципа обязательно сопутствуют друг другу; соответственно признается, что исследование

²⁶ Об историзме как методе научного познания см.: Подкорытов 1967; об исторических фонологических принципах – Bauer 1972; о принципе историзма в лингвистике – ОЯ 1973, 117; Стеблин-Каменский 1966, 4,5; ОССАИИ 1960, 7. Критику универсально-исторического подхода к изучению фактов языка и замечания об историческом направлении в лингвистике см.: Крупаткин 1958, 36.

²⁷ В некоторых работах говорится не об оппозиции исторического/системного, а о противопоставлении описательного /исторического (Крупаткин 1958, 35) или о противопоставлении исторического, описательного и априористического описаний (ОССАИИ 1960, 10); о дихотомии дескриптивная лингвистика/историческая лингвистика см.: Lehmann 1968; Wartburg 1939; о соотношении описания, истории и теории – Косериу 1963, 154, 155, 202.

системного характера обязательно исторично, и наоборот; 3) оба принципа не исключают друг друга; считается, что описание может быть системным, но не историческим, историческим, но не системным, историческим и системным одновременно.

С точки зрения идей системного подхода, принимаемого в настоящей работе, возможно несколько толкований соотношения этих принципов: 1) принцип историзма считается частным проявлением принципа системности, трактуемого очень широко; 2) принципы системности и историзма считаются взаимно независимыми (причем принцип системности трактуется узко как синоним структурности), и допускаются разные виды описаний в рамках отмеченного выше третьего решения²⁸.

В лингвистике проблема совместимости принципов системности и историзма, а также содержания этих принципов и границ их применения связана с дихотомией синхрония-диахрония.

Имеются различные возможности соотношения групп оппозиций системность/историзм и синхрония/диахрония. Во-первых, возможна абсолютная зависимость рассматриваемых понятий, при которой системность отождествляется с синхронией²⁹, а историзм — с диахронией. Другими словами, признается, что системные исследования возможны только в синхронии и невозможны в диахронии, и соответственно — исторические исследования возможны только в диахронии и невозможны в синхронии³⁰. Согласно второй точке зрения, такое отождествление не производится и считается, что системное описание может существовать как в синхронии, так и в диахронии³¹. Соответственно признается, что принцип историзма релевантен и для синхронического и для диахронического описания. Не производя названного отождествления понятий, представители этой точки зрения считают, что понятия синхронии и диахронии, с одной стороны, и понятия историзма и системности, с другой, — являются независимыми.

Определенное значение для задания, а особенно развертывания предмета исторической фонологии в различных школах и направлениях, помимо отмечавшейся выше семиотической концепции, имеет также допущение об объективно-субъективной природе человеческого языка — "социального по возникновению и функциям, индивидуального по свое-

²⁸ По словам Вяч. Вс. Иванова (1960, 78), постановка проблемы "синхрония или диахрония" часто подменяется противопоставлением "структурализм или историзм"; см. также: Мартине 1960, 27, 28.

²⁹ Как отмечают многие исследователи (см.: Косериу 1963, 152; ОССАИИ, 9), признание системности языка имплицитно присутствовало в трудах некоторых компаративистов конца XIX — начала XX в. — К. Бругман, Ф.Ф. Фортунатова, В.А. Богородицкого, А. Мейе.

³⁰ Ср. в этой связи критику Вяч.Вс. Ивановым (ОССАИИ 1960, 78) позиции, согласно которой историзм может проявляться только в диахроническом исследовании, утверждающим, что подобная трактовка приводит к ошибочному сужению области действия этого принципа и тем самым к антиисторизму.

³¹ Ср. замечания А.А. Реформатского (ОССАИИ 1960, 38) о невозможности изложения истории языка как «сюиты диспаратных фактов . . . вследствие того, что в любой "хронии" язык всегда остается системой и структурой, и "факты" языка обладают подлинной реальностью лишь как члены систем и структур».

му использованию" (Ярцева, Колшанский, Степанов, Уфимцева 1974, 10), а также связанная с этим гипотеза о двухмерной организации языка (двойственном бытии языка) как системы (в целостном виде существующей лишь у коллектива носителей и в этом смысле независимой от индивиду) и как актуально развертывающейся речи.

Тезис о социально-индивидуальной природе языка, где социальное трактуется как коллективное в отличие от индивидуального, частично воплощается в понятийном расчленении язык-речь (Соссюр 1933, 42)³².

По-видимому, допущение о социальной природе языка наибольшее значение имеет не столько для задания самого предмета исторической фонологии³³ (по-видимому, историческая фонология как самостоятельный предмет в принципе существовала бы и без данного допущения), сколько для его дальнейшего развертывания в различных школах и направлениях. Этот тезис реализуется в концепциях, включающих в состав "среды" фонологической системы социум, использующий данный язык, и соответственно относящихся к числу факторов развития фонологической системы социальные явления³⁴.

К числу принципов, влияющих на конкретный вид теоретических построений исторической фонологии и определяющих пути ее дальнейшего развертывания³⁵ в различных школах и направлениях, относят также:

- 1) принимаемый в некоторых вариантах исторической фонологии диалектический принцип видения объекта как внутреннее противоречивого;
- 2) методологический принцип многофакторности объяснений, который можно рассматривать как одно из следствий принципа системности;
- 3) семиологический принцип необходимости учета "непрерывности знака во времени" (Соссюр 1933, 85), используемый в исторической фонологии при выборе техники определения генетического тождества единиц;
- 4) принципы детерминизма /индетерминизма и дискретности/континуумности в построении теории и др.³⁶.

³² Помимо социальной природы, в названном понятийном расчленении "схватываются" и другие моменты; об антиномии язык/речь см., например: Косериу 1963, 151, 169.

³³ Ср., однако, попытку связать дихотомию фонология/фонетика с соссюрским делением язык/речь; см.: ОЯ 1972, 126.

³⁴ Ср. также связанный с этим допущением принцип диахронического исследования Ф. де Соссюра (1933, 156), согласно которому ничто не входит в язык, что не было раньше испытано в речи, и "все явления эволюции коренятся в сфере индивиду".

³⁵ Иногда требования к фонологическому анализу формулируются в негативной форме в виде особых запретов, как это имеет место, например, в отмечаемом А. Мартине (Martinet 1968, 86–88) требовании элиминации из функционального фонологического анализа субъективизма и фонетизма. О базисных принципах классической фонологии см.: Vachek 1964; о некоторых конкретных принципах фонологического анализа — Мартине 1963, 413, 414; Климов 1967, 71, 72; Martinet 1968, 59, 84–88; о фонемных принципах, привлекаемых для объяснения цепей звуковых изменений, — Prins 1958, 121; о принципах диахронической фонологии — Евдошенко 1965.

³⁶ О принципе индетерминизма ("большей или меньшей вероятности изменения состояния фонологической системы в ту или иную сторону") см., например: Журавлев 1975, 70.

Место исторической фонологии в пространстве лингвистических дисциплин

Как уже отмечалось, предмет науки, в том числе и лингвистика, возникает в результате рассмотрения целостного объекта изучения в определенном ракурсе с некоторых ограниченных точек зрения, в связи с решением специальных задач, с помощью специальных средств, имеющихся у исследователя.

Иногда говорят об особых "осях", по которым располагают то, что составляет предмет изучения. Так, Ф. де Соссюр (1933, 89) при задании синхронической и диахронической лингвистики различает ось одновременности, касающуюся "отношения между сосуществующими вещами, откуда исключено всякое вмешательство времени", и перпендикулярную ей ось последовательности, "на которой никогда нельзя увидеть больше одной вещи зараз и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями".

Такие "ракурсы", "аспекты", "повороты" (точнее выражающие их абстракции), задающие планы исследования объекта изучения, могут быть использованы в качестве своеобразных координат при задании пространства научных дисциплин. Эти координаты фиксируют лишь наиболее общие признаки дисциплин, а иногда и просто типы дисциплин и не схватывают специфических черт характера предметов, который определяется рядом других внешних и внутренних факторов. К числу таких факторов относятся социально-практические задачи науки, исследуемая объектная область, совокупность эмпирических проявлений изучаемого объекта, зафиксированных в соответствующих описаниях, и т.д. Говоря, например, о необходимости разделения двух предметов — синхронической и диахронической лингвистики, — Ф. де Соссюр (1933, 92) мотивирует это, в частности, тем обстоятельством, что попытка объединения внутри одной дисциплины столь различных по характеру фактов была бы "фантастическим предприятием".

Объект исследования, увиденный сквозь призму средств научной дисциплины, может трактоваться более широко или узко. В качестве глобального объекта лингвистики в различных научных направлениях избирались (см. Щедровицкий 1963; 1964б, 54, 55; ОССАИИ 1960, 75–77): 1) речемыслительная деятельность, для изучения которой предлагалось создавать такие предметы исследования, как "язык", "языковое мышление", "мыслительный процесс"; 2) речевая деятельность, 3) образование "речь-язык", составляющими которого считаются тексты речи и системы норм и средств, зафиксированных в грамматиках и словарях языка; 4) знаковый текст, 5) единичные акты речи и т.д.

Внутри глобальным образом заданного научного предмета создаются более частные предметы, ориентирующиеся на исследование какой-либо определенной подсистемы, выделенной из целостного объекта изучения. Например, в рамках лингвистики возникает фонология, ставящая своей задачей анализ звуковой стороны (плана выражения) языковой системы с функциональной точки зрения.

Аспекты изучения исследуемого объекта, позволяющие формировать частные предметы изучения, выступая в качестве координат в пространстве научных дисциплин, могут быть выделены в ходе первичной категоризации изучаемого объекта и выявления его сущностных характеристик. В основу первичной категоризации объекта изучения лингвистики могут быть положены перечисленные выше допущения о природе языка, задающие его онтологическую картину, специфицируемую далее в различных лингвистических предметах, создаваемых для отражения и воспроизведения единого и целостного объекта изучения.

Как уже отмечалось, при системной трактовке язык предстает как сложная семиотическая система естественно-искусственного типа, принадлежащая к числу динамических, естественно-исторических, развивающихся систем. Рассмотрим подробнее планы исследования, вытекающие из такой категориальной характеристики языка, отмечая типы предметов, которые могут быть построены или спроектированы на их основе³⁷. При этом, как говорит Ф. де Соссюр (1933, 102), теоретически идеальная форма науки не обязательно совпадает с той формой, которая навязывается ей требованиями практики. Естественно, что некоторые из таких предметов в пространстве дисциплин являются лишь потенциально возможными.

Для всякого объекта, трактуемого как система, безотносительно к ее типу, релевантно, во-первых, категориальное противопоставление внешнее/внутреннее, основываясь на котором выделяют два типа дисциплин: внутреннюю и внешнюю лингвистику (Соссюр 1933, 43–45, 174; см. также: Степанов 1976).

Опираясь на общесистемное категориальное противопоставление структура/процесс, свойственное, как и предыдущее, также всем типам систем, можно выделять предметы со структурным (статическим) или процессуальным (динамическим) представлениями объекта. Квалифицируя язык как исторически развивающееся явление, принадлежащее к классу динамических систем, существующих во времени (и пространстве) и характеризующихся наличием двух типов процессов — функционированием и развитием, — мы тем самым получаем возможность конкретизировать, какой план процессуального исследования языковой системы — генетический (исследующий развитие объекта во времени) или противопоставленный ему функциональный — выбирается при задании предметов исследования.

В лингвистике определение различных структурно-процессуальных планов исследования объекта изучения осуществляется в терминах понятийных расчленений, разработанных для выражения представлений, связанных с существованием языка во времени³⁸. С точки зрения воз-

³⁷ О принципах и критериях выделения научных дисциплин в лингвистике см., например: А.А. Реформатский (ОССАИИ 1960, 34, 35), о современном строгости языкознания — Рождественский 1965.

³⁸ Ср. в этой связи типологию исторических концепций по отношению к фактору времени, приводимую В.К. Журавлевым (1976, 23), включающую: 1) синхроническую концепцию, в которой "фактор времени исключен . . . одновременно", 2) полихроническую, где "фактор времени включен . . . многовременно", "вниманием к нескольким синхронным состояниям", 3) диахроническую, где "фактор времени включен . . . протяженностью (ср. значение гр. приставки-предлога *di-*) — через — или междувременностью".

возможности изучения объекта во времени и формировании потенциальных научных предметов можно представить себе несколько различных в методологическом плане ситуаций. Во-первых, возможна ситуация, когда явление "изымается" из времени, и соответственно в научном предмете, где наличествует подобная ситуация, отсутствуют абстракции, отражающие время и существование объекта (в нашем случае — язык во времени. Выбор такого пути исследования, очевидно, равносильно признанию, что язык не принадлежит к числу исторически развивающихся объектов. Во-вторых, возможна обратная ситуация, когда явление рассматривается во времени. При этом возможны две позиции: 1) в научном предмете допускаются абстракции, приравнивающие время (точнее, историческое время) в определенных теоретических ситуациях к нулю; 2) считается невозможным приравнивать историческое время к нулю. В последнем случае подчеркивается постоянная зависимость времени над рассматриваемым явлением. Соответственно признают невозможными абстракции, снимающие определенные временные интервалы, что может привести, в частности, к ситуации неразличения настоящего и следующего одно на смену другому. Иногда говорят о двух типах времени системы: времени функционирования и историческом времени (Блауберг, Юдин 1973).

В рамках первого подхода формулируется так называемая панхроническая ("всевременная") точка зрения, в соответствии с которой исследуются только такие общие существенные свойства объекта, которые остаются неизменными, резистентными по отношению к времени. При панхроническом подходе к языку явления рассматриваются как всеобщие, универсальные, вневременные³⁹. Иногда в определение панхронии включают также признак пространственной универсальности. По словам А.А. Реформатского (ОССАИИ 1960, 38), при панхронии происходит снятие "хроно-а" «"во имя якобы общих всевременных всеместных законов, управляющих "жизнью языка"», другими словами, игнорирование "любого времени" и "любого места" как условий существования языков.

Если панхронию трактовать широко, включая в нее признаки времени и места, то в этом случае термин "панхрония" не совсем удачен, оставляя только один из компонентов смысла соответствующего понятия — отношение ко времени — при игнорировании отношения к пространству.

Позиция в лингвистических исследованиях, где явление "изымается" из времени, именуется ахронией⁴⁰. Подобный подход, при котором происходит изымание языка из любого времени и пространства, приравнивание его коду, определяемому встречаемостью и распреде-

³⁹ О панхроническом методе установления языковых единиц см.: Antilla 1970, 1967.

⁴⁰ Иногда определение ахронии совпадает по существу с определением панхронии. Ср. трактовку ахронического подхода как подхода, требующего исключения фактора времени и ставящего своей задачей "изучение свойств человеческого языка вообще", предполагаемых неизменными и поддающимися наружению на каждом этапе развития конкретного языка" (Ахманова 1962).

нием (см.: ОССАИИ 1960, 38), реализуется в некоторых семиотико-математических описаниях искусственных языковых систем.

Наиболее важную конструктивную роль при задании предметов исследования в лингвистике играет понятийное расчленение синхрония/диахрония в рамках позиции, допускающей приравнивание исторического времени нулю, предназначенное для наименования соответствующих планов исследования, а в некоторых интерпретациях — и планов существования языка во времени⁴¹. Обращая внимание на известную коррелятивность этих понятий, связанную с их одинаковой причастностью к идее времени, А.А. Реформатский (ОССАИИ 1960, 38) отмечает, что «не только "диахрония", но и "синхрония" — все-таки всегда "хрония"» и что любая "синхрония", в которой при лингвистическом анализе момент времени приводится с "нулевым показателем", «исторична, исторически реальна и идиоматична данному индивидуальному языку для данного места и времени».

Дихотомию синхрония/диахрония можно рассматривать как лингвистическую спецификацию системного категориального противопоставления структура/процесс с привнесением некоторых дополнительных смысловых ассоциаций. Точнее интерпретацией синхронического/диахронического можно считать оппозицию структурное (или структурно-функциональное)/генетическое.

Среди многочисленных интерпретаций сосюрдовской дихотомии синхрония/диахрония и основывающихся на ней подходов к исследованию языка наиболее часто встречаются следующие.

1. Противопоставление синхрония/диахрония отождествляют с оппозицией статичность/процессуальность⁴², где процессуальность трактуется то как динамика, то как кинематика⁴³.

2. Различение понятий синхрония и диахрония связывается с моментом включенности времени, причем диахроническим называется исследование языка с включением времени а синхроническим — исследование, при котором время приравнивается нулю (ОССАИИ 1960, 38, 85; Стеблин-Каменский 1966, 6).

3. Разграничение понятий синхрония и диахрония производится с помощью понятия "состояние" языка (см. об этом: ОЯ 1973, 108).

⁴¹ О понятиях синхрония и диахрония, их возникновении и функционировании см. Peeters 1971; Baldinger 1973; Rensch 1966; Bally 1937; Baumgärtner 1969; Kanngiesser 1972, 1973; Zwirner 1969; Жирмунский 1958; Кубрякова 1968; о связи понятий синхрония и диахрония с понятием языковой истории — Glinz 1969.

⁴² Критикуя отождествление оппозиций синхрония/диахрония и статика/динамика, обычно (см. например: Jakobson 1962, 264) обращают внимание на то, что статический разрез есть лишь научный прием, а не реальность, и что во всякой синхронии присутствуют элементы диахронии.

⁴³ О соотношении оппозиций статика/динамика и синхрония/ диахрония см., например: Косериу 1963, 143, 146, 170; Стеблин-Каменский 1961а, 124; 1966, 7. Ср., также, замечание И.А. Бодуэна де Куртене (1963а, 349) о том, что "статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики". Некоторые исследователи (ОССАИИ 1960, 51) обращают внимание на неомогенность понятия момента времени, на котором основывается концепция синхронии.

4. Противопоставление синхрония/диахрония отождествляется с понятием различием язык/речь.

Иногда антиномию синхрония/диахрония связывают с противопоставлением⁴⁴ логического и исторического (см.: ОЯ 1973: 108; Степанов 1975а).

С введением различия синхрония/диахрония в лингвистике возникает вопрос о соотношении планов существования и планов исследования языка как объекта изучения⁴⁵. Имеется несколько решений проблемы, касающейся того, относятся ли синхронное и диахронное рассмотрения лишь к планам исследования языка (методологический аспект) или они являются также и планами существования языка (онтологический аспект).

Считают, во-первых, что имеется лишь один план существования объекта и один план его описания: либо синхронический план при невозможности диахронического, либо только диахронический при невозможности синхронического⁴⁶, либо синхронно-диахронический план, точнее такой план, где не производится различия синхронии и диахронии. С известной долей условности к образцам рассмотрения языка в синхронно-диахронном плане можно отнести фрагменты рассуждений А. Мартине (1963, 393) о французском языке, отмечающего, что "особенностям гласных в словах *patte* и *pâte* может соответствовать формулировка как в плане синхронии (оппозиция /a/ — /â/ не является в настоящее время общей для всех носителей языка), так и в плане диахронии (оппозиция /a/ — /â/ имеет тенденцию к исчезновению в парижском говоре)".

Считают, во-вторых, что имеется один план существования объекта, где синхроническое и диахроническое слиты, и несколько планов его рассмотрения в интересующем исследователя в данный момент аспекте — синхроническом, диахроническом, синхронно-диахроническом⁴⁷.

Считают, что имеется несколько планов существования языка (синхрония⁴⁸, диахрония и т.д.) и соответственно несколько планов его рассмотрения (синхронический, диахронический, синхронно-диахронический). При этом иногда вводится гипотеза о коррелятивности планов существования и планов рассмотрения языка.

⁴⁴ По-видимому, такое отождествление не совсем правомерно, так как логическое в противовес историческому в традиции, идущей от гегелевской диалектики, включая момент "абсолюта", означает скорее панхроническое, чем синхроническое. О гегелевском анализе исторического, сводящего его к "воплощению моментов абсолюта", см.: Мамардашвили 1968, 172.

⁴⁵ О множественности форм существования знака и речи-языка см.: Щедровицкий 1974, 93–109, особенно 108; 1971, 167, а также ОЯ 1973, 111.

⁴⁶ Возможность сугубо синхронического описания объекта часто подвергается сомнению на том основании, что фактор времени не может выключаться из реальной действительности (ОССАИИ 1960, 213).

⁴⁷ Ср. в этой связи предположение Ф. де Соссюра (1933, 103) о возможности рассмотрения каждого языка, представляющего "практически одну единицу изучения, попеременно и статически и исторически".

⁴⁸ Ср., например, замечание Я.Б. Крупаткина (1958, 35) о том, что понятие синхронии, как и понятие фонемы или системы фонем, представляет собой научную абстракцию, при том, что "и фонема, и система фонем, и синхронный срез реально существуют в языке и осознаются говорящими".

С точки зрения принимаемых в настоящей работе представлений о существовании целостного объекта изучения, где все планы слиты, считается, что в зависимости от различных концептуальных и методологических обстоятельств могут выделяться самые различные планы исследования объекта, в том числе и синхронический, и диахронический, и план синхронно-диахронического исследования.

Обсуждая проблему существования и исследования языка как объективно-временной системы, Н.Д. Андреев (ОССАИИ 1960, 54, 55) предлагает различать: 1) синхронию, отождествляемую им со статикой (составом и структурой языка в какой-либо момент его существования); 2) диахронию, отождествляемую с кинематикой ("цепью событий" в истории языка, т.е. изменений его элементов и соотношений между ними); 3) так называемую таухронию, отождествляемую с динамикой (совокупностью действующих сил, комплексом причин, вызывающих изменение, либо ее отдельные элементы"), призванную ликвидировать разрыв между синхронией и диахронией. Разбирая предложенные Н.Д. Андреевым понятийные расчленения, П.С. Кузнецов (ОССАИИ 1960, 102) обращает внимание на определенную несоизмеримость используемых при этом координат — синтагматической, парадигматической, временной и вектор-силы, — из которых безусловно соизмеримыми, по мнению П.С. Кузнецова, являются лишь первые две, а динамика как причина стоит в особой позиции по отношению к остальным сущностям.

В трактовке Л.Ельмслева (изложение его позиции см.: Sommerfelt 1962, 59—65) считается целесообразным выделять четыре плана исследования языка, на основе которых, естественно, можно было бы построить четыре типа предметов изучения языка⁴⁹:

язык (langue)	{	идиохрония	{	идиосинхрония
				идиодиахрония
	{	панхрония	{	пансинхрония
				пандиахрония

Элемент "-хрония" имеет здесь этимологические ассоциации с временем, противопоставление элементов "идио-" и "пан-" указывает на тип языка (конкретный, абстрактный), а противопоставление элементов "син-" и "диа-" — на одновременность или разновременность ("сквозь время").

Согласно Л.Ельмслеvu, пансинхрония изучает принципы и закономерности, свойственные всем состояниям языка вообще, например, общие черты вокалических и консонантных систем; пандиахрония — инвариантные свойства языковых изменений, в частности, общие тенденции и законы фонологического развития; идиохрония ставит своей задачей изучение конкретных состояний языка и их изменений, при этом идиосинх-

⁴⁹ О противопоставлении абстрактный/конкретный и понятиях абстрактного и конкретного языка см.: Косериу 1963, 147, 192, 200, 206, 210.

рония исследует состояния конкретных языков, а идиодиахрония — изменения таких состояний.

В соответствии с представлениями о возможности синхронического и диахронического планов исследования языка выделяются дисциплины синхронического и диахронического циклов. Согласно Ф. де Соссюру (1933, 104), впервые выдвинувшему тезис о разделении лингвистики на синхроническую и диахроническую, задачей общей синхронической лингвистики является определение "основных принципов всякой идио синхронической системы, конститутивных факторов всякого состояния (статуса) языка". Синхроническая лингвистика, в трактовке Ф. де Соссюра (1933, 103, 104), должна заниматься исследованием логических и психологических отношений, связывающих "сосуществующие элементы" и образующих систему, "изучая их так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием", а диахроническая лингвистика должна исследовать отношения между "сменяющимися последовательными во времени элементами", "связывающие элементы в порядке последовательности, не воспринимаемой одним и тем же коллективным сознанием, — элементы, заменяющиеся одни другими, но не образующие системы". В последующем такое понимание задач диахронической лингвистики было переосмыслено. С диахроническим планом стали связывать исследования, ориентирующиеся на изучение развития языковой системы во времени, изучению в которых подлежали также отношения "между" сменяющимися последовательными во времени элементами". Однако в противоположность Ф. де Соссюру, такие отношения рассматривались уже не изолированно, а как компоненты изменяющейся системы⁵⁰.

Помимо дисциплин генетико-диахронического типа, исследующих развитие (изменение) языка во времени, можно представить себе также дисциплину, занимающуюся глоттогенезом (происхождением языка).

Идея о возможности панхронического подхода к исследованию языка как объекта лингвистики реализуется в создании типологии, занимающейся вневременным сопоставлением языковых систем (и соответственно их подсистем)⁵¹, в рамках которой различают с привлечением ряда дополнительных признаков, с одной стороны, систематологию характерологию, универсологию, а с другой — синхроническую и диахроническую типологию, направленную на установление принципов синхронической и диахронической импликации⁵² (ОЯ 1973, 237; Щедровицкий 1965, 48, 49; Успенский 1965, 24).

⁵⁰ О разделении Л. Ельмслевом эволюционной лингвистики на метасинхроническую и диахроническую см.: ОССАИИ 1960, 85.

⁵¹ Ср. замечание Б.А. Успенского (1965, 30, 25) о том, что "...типология может сравнивать структуры языков, различные во времени и пространстве. Тем самым в конечном итоге типология исследует панхронию, хотя и связана в исходе с синхронией".

⁵² К числу задач диахронической типологии, в трактовке Б.А. Успенского (1965, 23, 24), относится, например, установление тенденций развития языков и языковых типов, определение допустимых и невозможных типов фонетических переходов в определенных структурных условиях при изменении языка.

У. Вейнрейхом (Weinreich 1952) было высказано предложение о создании особой дисциплины, занимающей особое место между типологией и дисциплинами диахронического плана⁵³, называемой им структурной негеографической диалектологией (в отличие от "внешней" диалектологии). Задачей такой дисциплины явилось бы исследование частичных сходств и различий между системами, а также структурных следствий из этих частичных различий внутри частичного сходства

С учетом того, что последствия различий между системами могут быть как синхронического, так и диахронического типа, У. Вейнрейх предлагает различать два вида предметов в рамках негеографической структурной диалектологии: синхроническую и диахроническую диалектологию. Задачей первого предмета является анализ синхронических следствий. Что же касается диахронической диалектологии, имеющей дело с двумя типами отношений — расхождениями и схождениями, — то она ставит перед собой две задачи: изучение роста частичных различий за счет сходств и, возможно, также реконструкцию более ранних стадий большего сходства (традиционно — сравнительно-историческое языкознание) и изучение частичных сходств, возрастающих за счет различий (традиционно — исследование субстратов и адстратов, билингвальная диалектология и т.п.).

Негеографическая структурная диалектология, в понимании У. Вейнрейха, смыкается, с одной стороны, с типологией, ориентирующейся на установление различий и сходств языковых систем, а с другой стороны — противопоставляется особой дисциплине (едва ли нуждающейся, по замечанию У. Вейнрейха, в специальном наименовании), направленной на изучение языков как дискретных систем каждого по отдельности (т.е. таких единых систем, которые "диалектологически внутри не дифференцировались") и на типологическое сравнение и диахроническое изучение изменений таких систем, рассматриваемых по отдельности.

Тезис о том, что язык существует во времени, является частным случаем общелингвистического постулата о существовании языка во времени и пространстве и последующего утверждения, что существование языка в пространстве напоминает его существование во времени. В рамках этого более широкого допущения о существовании языка во времени и пространстве (времени-пространстве; см.: Степанов 1975а)⁵⁴, выделяется так называемая пространственная лингвистика, находящаяся как бы в перпендикулярном отношении к исторической лингвистике и ставящая своей задачей исследование языка "в аспекте его географического распространения и взаимодействия с территориально смежными языками" (Ахманова 1966, 218).

В состав пространственной лингвистики входит ареальная лингвистика, занимающаяся исследованием ареалов (т.е. областей распространения

⁵³ О соотношении типологии и сравнительно-исторического языкознания см.: Якобсон 1963; взаимосвязи социальных диалектов и языковой истории — Bright 1960.

⁵⁴ Терминами, аналогичными сосюрковским терминам синхрония/диахрония применительно к пространству, являются предложенные Г.В. Степановым (1976, 151, 152) термины "синтопия" и "диатопия" (в одном месте/в разных местах).

фонетических, грамматических или лексических явлений) и имеющая дело с языковым "родством" в отличие от сравнительно-исторического языкознания, имеющего дело с языковым родством (ОЯ 1973, 227) а также специальная отрасль диалектологии — лингвистическая география занимающаяся территориальным распространением элементов языка определяющих его диалектные разновидности (Ахманова 1966, 218).

Группа параметров для задания лингвистических дисциплин связана введением упоминавшегося выше допущения о социально-индивидуальной природе языка, производящего дальнейшее уточнение типа систем к которому относится языковая система, а именно определяющая ее принадлежность к системам естественным, искусственным или смешанным системам естественно-искусственного типа.

Вопрос о принадлежности языка к естественным или искусственным (деятельностным) образованиям по-разному решался в истории языкознания. Одни исследователи склонны были видеть в языке неорганическую субстанцию. Так, Г. Курциус, сравнивая процесс звуковых изменений с изменениями камня, подверженного атмосферным воздействиям говорил по аналогии о "выветривании" звуков (см.: Шухардт 1950, 62). Другие и прежде всего А. Шлейхер, видели в языке естественный организм (см.: Косериу 1963, 152, 172)⁵⁵. В. Гумбольдт трактовал язык как энергию (деятельность); младограмматики понимали под языком индивидуальную психофизическую деятельность и т.д.

С учетом того, что для систем деятельностного типа (искусственные или смешанных, в зависимости от трактовки), к которым принадлежит языковая система, характерно категориальное противопоставление норма/реализация (коррелятом которого в лингвистике является противопоставление система/реализация⁵⁶), выделяют дисциплины, направленные на изучение языка как нормы, или же речи как реализации языка. Так, Ф. де Соссюр (1933, 42) делил науку о речевой деятельности на две части — основную — лингвистику в собственном смысле слова имеющую своим единственным объектом язык как "нечто социальное по существу и независимое от индивида", и второстепенную, так называемую лингвистику речи, имеющую своим объектом "индивидуальную сторону речевой деятельности, т.е. речь, включая говорение"⁵⁷.

Наконец, трактовка языка как семиотического образования дает гипотезу для внутреннего подразделения языковой системы (содержательной интерпретации ее подсистем), а соответственно для выделения таких пред-

⁵⁵ Критику причисления языка к "организмам" см.: Бодуэн де Куртене 1963а, 348; Sommerfelt 1962, 63; анализ следствий "натуралистической идеологии" в лингвистике — Щедровицкий 1960, 10.

⁵⁶ В случае отнесения языка к числу естественно-искусственных систем полагают что для языковой системы такой природы свойственны (в зависимости от возможности рассмотрения) как законы, так и нормы. О категориальном противопоставлении система/норма/узус см.: Косериу 1963.

⁵⁷ О трактовке речевой деятельности как объективного культурно-исторического образования, а не индивидуально-психологического явления см.: Щедровицкий 1971, 167.

метов, как фонология, морфонология⁵⁸, морфология⁵⁹, лексикология и т.д., направленных на их исследование. В рамках допущения о семиотической природе языка выделяется также основание для одного из внутренних подразделений лингвистических предметов — различение синтагматической и парадигматической осей, — в соответствии с которым формируются разделы, направленные на изучение комбинаторики и систематики⁶⁰.

Рассмотренные понятийно-категориальные расчленения, базирующиеся на центральных допущениях лингвистики об онтологической природе языка, вместе с рядом других противопоставлений образуют набор семантических признаков, релевантных для задания классификационного пространства лингвистических предметов, а также для очерчивания внешних границ предмета исторической фонологии и определения его соотношений с другими лингвистическими дисциплинами. Ниже будет приведен в эскизной форме фрагмент такого пространства. В него войдут, во-первых, все предметы, релевантные для исторической фонологии: а) дисциплины обобщенного характера, являющиеся базисными по отношению к исторической фонологии и в известном смысле включающие ее; б) дисциплины, имеющие определенного рода контакты с исторической фонологией. Далее в такое пространство будут включены дисциплины, основанные на тех же принципах, что и историческая фонология (например, на принципе гомогенности объекта изучения), в отличие от дисциплин, основанных на других принципах (например, принципе гетерогенности объекта изучения). Соответственно в такое пространство не попадут дисциплины, исходящие из идеи гетерогенности объекта изучения, типа "лингвистической экологии", ставящей своей задачей изучение функций вариаций внутри языкового коллектива и базирующейся на гипотезе о балансе сосуществующих конкурирующих форм (Trim 1959, 24; Bright, Ramanujan 1964). Наконец, в такое классификационное пространство войдут дисциплины в основном обобщенного характера (например, диалектология), на базе которых создаются более конкретные дисциплины типа такой историко-лингвистической дисциплины, как германская диалектология.

В состав набора признаков, релевантных для задания классификационного пространства лингвистических предметов, могут быть ориентировочно отнесены следующие смысловые противопоставления⁶¹ (некоторые из таких противопоставлений, например, противопоставление внешнее/внутреннее, могут служить также в качестве специальных пара-

⁵⁸ Об определении морфонологии и ее статусе в лингвистике см.: Мартине 1963, 450–451; Климов 1967, 29, 109; Булыгина 1977, 25, 205–237.

⁵⁹ О возможности включения фонетики в грамматику см.: Реформатский 1970, 398–421.

⁶⁰ Иногда производят более детальное расчленение лингвистических дисциплин. Так, Е.Д. Поливанов (см.: Крысин 1964, 26) предлагает выделять в качестве особой отрасли языкознания "лингвистическую историологию" (и соответственно фонетическую историологию), или общее учение о механизме языковой эволюции.

⁶¹ Некоторые из названных признаков заимствованы из работы В.А. Виноградова (ОЯ 1973, 231–235).

метров для задания иерархии дисциплин в пространстве лингвистических дисциплин по степени их значимости):

- 1) внешнее/внутреннее (внешняя и внутренняя лингвистика);
- 2) ориентированность на "хронию", или темпоральная ориентированность (синхрония-диахрония/панхрония-ахрония);
- 3) историческая (генетическая) ориентированность (структурная или структурно-функциональная лингвистика/процессуально-генетическая лингвистика);
- 4) структурность/процессуальность (для разграничения синхронических дисциплин чисто структурного типа и структурно-функциональных дисциплин);
- 5) пространственная локализованность (пространственная лингвистика в противовес исторической);
- 6) естественное/искусственное (для различения дисциплин панхронического типа в противовес предметам в рамках ахронического подхода);
- 7) социальное/индивидуальное⁶², или семантически более сложный признак — ориентированность на описание языка или речи; в других терминах, культурно заданное как норма/актуализированное как реализация (лингвистика языка/лингвистика речи);
- 8) абстрактное/конкретное (всеобщее/индивидуальное), ср. общая фонология/описание конкретной фонологической системы;
- 9) тип уровня (фонология, морфология и т.д.);
- 10 характер исследуемого корпуса (монолингвальность/полилингвальность);

11) объем корпуса, подлежащего изучению, или парциальность (часть языков)/тотальность (все языки);

12) степень родства: близкое родство/далекое родство (ср. различные диалектологии, занимающейся изучением близкородственных языковых систем, и дисциплин типологического плана).

Научные предметы максимально общего вида могут задаваться одним признаком в таком пространстве, а более конкретного вида — комбинацией нескольких признаков. Так, среди дисциплин диахронического типа, выделенных по признаку темпоральной ориентированности, могут быть вычленены с привлечением признака монолингвальности/полилингвальности описания, во-первых, предметы, исследующие историю одной языковой системы или ее фрагмента, к числу которых относится, например, историческая фонология, во-вторых, предметы, исследующие историю групп родственных языков, к которым принадлежит сравнительно-историческое языкознание (в других терминах, сравнительно-генетическое, генетическое, компаративистика). В рамках сравнительно-генетического языкознания с привлечением дополнительных признаков, например широты материала или типа описываемого уровня языка, можно выделять более частные отрасли — дисциплины типа славистики, индоевропеистики,

⁶² Понятие социальный применительно к языковой системе участвует в двух рядах смысловых оппозиций. Помимо значения социальное как коллективное (в отличие от индивидуального) оно означает социальное как деятельностное (в отличие от натурального, естественного, природного).

с одной стороны, и сравнительно-исторической фонетики, синтаксиса и т.д. — с другой.

Среди научных предметов, посвященных звуковой стороне языка, различают обычно по ряду признаков и прежде всего по наличию функциональной ориентированности, фонетику (общую и конкретных языков), исследующую акустико-артикуляционную субстанцию языка как чисто физического явления, и фонологию, изучающую "лингвистические функции звуков" (ОЯ 1972, 125). По признаку абстрактный/конкретный выделяют общую фонологию, исследующую природу фонологической реальности (диакритические потенции фонологических средств), а также выявляющую общие принципы строения, функционирования и генезиса абстрактных фонологических систем языка, и конкретную, занимающуюся описанием эмпирических коррелятов абстрактной фонологической системы — фонологических систем конкретных языков, — и исследующую их типологию. В рамках фонологии (общей и конкретной) по признаку исторической ориентированности различают соответственно синхроническую и историческую (диахроническую) фонологию.

Приведем фрагмент из пространства лингвистических дисциплин, касающийся задания исторической фонологии, где "+" и "-" и их комбинации символизируют значения признаков, а "0" указывает на нерелевантность признака для этого предмета.

Признаки	Историческая фонология
внутреннее (+)/внешнее (-)	+
темпоральная ориентированность (+)/неориентированность (-)	+
историческая (генетическая) ориентированность (+)/неориентированность (-)	+
структурность (+)/процессуальность (-)	0
пространственная локализованность (+)/нелокализованность (-)	+
естественное (+)/искусственное (-)/естественно-искусственное (±)	±
ориентированность на описание языка (+)/речи (-)	+
тип уровня: фонология (условно +)/морфология (-) и т.д.	+
абстрактное (+)/конкретное (-)	+
монолингвальность (+)/полилингвальность (-)	+
парциальность (+)/тотальность (-)	0
степень родства: близкое (+)/далекое (-)	0

Таким образом, с учетом перечисленных координат в классификационном пространстве лингвистических предметов историческая фонология может быть охарактеризована как составная часть внутренней лингвистики (собственно лингвистики), относящаяся к монолингвальным дисциплинам диахронического цикла, темпорально и исторически ориентированным, исследующим "выражение" языка как в плане нормы (системы), так и реализации. Такое специфическое положение в пространстве лингвистических предметов занимает только историческая фонология, и круг задач, стоящих перед ней, не разрешается ни в каких других дисциплинах.

Лингвистические предметы в пространстве научных дисциплин образуют микросреду для исторической фонологии. Макросредой для нее является, очевидно, пространство тех научных, методологических и философских дисциплин, которые могут иметь непосредственно контакты с ней или с лингвистикой в целом⁶³.

В число таких дисциплин попадает, очевидно, частично то, что Ф. де Соссюр (1933, 43) называл внешней лингвистикой. Естественно, что связи исторической фонологии и других дисциплин могут быть как двусторонними (взаимосвязи), так и односторонними, — влияние исторической фонологии на какой-либо другой предмет без обратного влияния его на историческую фонологию или, напротив, влияние какого-либо предмета на историческую фонологию без обратного влияния ее на этот предмет.

Часть контактов с макросредой мы уже отметили, говоря об основаниях исторической фонологии. Остановимся на другом аспекте внешне-системной характеристики исторической фонологии — а именно на ее контактах с некоторыми смежными лингвистическими предметами.

Наиболее тесные контакты у исторической фонологии с синхронической и общей фонологией⁶⁴. С точки зрения системного подхода синхроническая и историческая (диахроническая) фонологии комплементарны, что выдвигает вопрос об их синтезе в пределах одной дисциплины (см. заключение настоящей работы). Общим для этих двух дисциплин является то, что обе они занимаются описанием состояний фонологической системы с определенной их временной локализацией. Однако, если синхроническая фонология изучает синхронные состояния с отключенным моментом времени, элиминируя таким образом их историческую преемственность, то историческая фонология сознательно рассматривает синхронное состояние в качестве момента в истории фонологической системы как системы развивающейся и развившейся до определенного состояния⁶⁵.

Близкие контакты у исторической фонологии наблюдаются со сравнительно-историческим (сравнительно-генетическим) языкознанием и особенно с его подразделом — исторической фонетикой. В отличие от сравнительно-исторической фонетики, в которой речь идет о звуковых изменениях в нескольких фонологических системах, историческая фонология, являясь монологической дисциплиной, занимается генетическим представлением фонологической системы одного языка. Если усилия исторической фонетики направлены на то, чтобы проследить генетические связи изолированного элемента системы, то историческая фонология по своему замыслу стремится к тому, чтобы осуществить генетическое представление фонологической системы в целом. Таким образом, у исторической фоно-

⁶³ О месте языкознания в системе наук см., например: Jakobson 1970.

⁶⁴ О роли фонематики (фонологии) в исторической фонологии см.: Prins 1958, 121; о попытке определения степени влияния экспериментальной фонетики на историческую фонетику — Malmberg 1956.

⁶⁵ Косвенным образом синхроническая фонология "схватывает" некоторые моменты историчности в фонологической системе, различая, например, ее маргинальные (отживающие или зарождающиеся) и профилирующие элементы.

логии, генетически тесно связанной с исторической фонетикой и отличающейся от нее по своим задачам и технике работы, нет необходимости, как это часто бывает в сходных ситуациях в других науках, в постепенном обособлении от методологических норм этих традиций и представлений, поскольку с самого начала предмет исторической фонологии задавался как противостоящий им. Образцом концептуального построения в рамках исторической фонологии, вступающей в открытое противоречие с традиционными представлениями исторической фонетики о непреложном характере фонетических законов, является, например, гипотеза исторической фонологии о давлении системы (Мартине 1960, 84).

Многие наблюдения и объяснения, сделанные в исторической фонетике, при соответствующем переосмыслении могут войти в экспланаторный фонд исторической фонологии. Так, при изучении обусловленных изменений, частично определяющихся влиянием речевого потока, историческая фонология опирается на результаты, полученные в этой области в исторической фонетике, которые вплоть до настоящего времени остаются в целом в силе (Мартине 1960, 58).

Весьма тесными являются контакты исторической фонологии с типологией, в особенности с диахронической типологией, занимающейся поисками диахронических универсалий, которые (в особенности универсалии относительно изменения фонологической системы во времени), рассматриваются в исторической фонологии в качестве ее основных законов⁶⁶. К числу таких диахронических фонологических закономерностей могут быть отнесены универсалии, касающиеся возможности и условий монофтонгизации дифтонгов Т. Милевского, универсальные закономерности появления носовых Ч. Фергюсона (1970) и т.д.

У исторической фонологии и типологии имеются некоторые общие черты, связанные с тем, что обе дисциплины занимаются сопоставлением систем в их определенных состояниях. Отличие же состоит в том, что историческая фонология занимается сопоставлением различных исторических состояний одной и той же системы, а типология — сопоставлением разных языковых систем с единым инвариантным состоянием, поскольку фактор времени для нее не релевантен. Результаты сравнительно-типологических исследований, в особенности в их характернологической разновидности, могут оказаться полезными для исторической фонологии при корректировании реконструкций (Климов 1971, 7, 45).

Определенные связи имеются у исторической фонологии с диалектологией и ареальной лингвистикой, задающими "среду" фонологических систем. Для проведения многих историко-фонологических исследований оказываются необходимыми сведения о составе и ареальной конфигурации диалектов в истории языка.

⁶⁶ Ср. в этой связи позицию А. Мартине (1960, 194, 198), возражающего против широких типологических законов, а также псевдоуниверсальных положений и стремящегося в своих практических исследованиях по диахронической фонологии избегать оперирования образованиями, напоминающими универсальные законы, не знающие исключений.

ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЕ СРЕДСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Развертывание предмета исторической фонологии можно описать путем вычленения ее основных задач и проблем, закрепления предметных смыслов в понятийно-категориальном аппарате, построении моделей, фиксирующих объект научного исследования, и получении знаний о свойствах, строении и функционировании этого объекта в ходе теоретического движения.

Будем производить анализ проблем, задач и категориально-понятийных средств исторической фонологии, опираясь на представления методологии исторического исследования об основных логических этапах воспроизведения процесса развития сложных исторически развивающихся объектов, показывая, как сама ситуация исследования детерминирует появление задач, проблем, понятий и категорий соответствующего типа. Отметив классы задач и понятийных расчленений, которые обычно возникают в ходе генетического представления системы, покажем на материале некоторых диахронических концепций, каким образом эти задачи и понятийные расчленения специфицируются в рамках исторической фонологии. Производимое исчисление задач и понятий будет носить лишь иллюстративный характер, не претендуя на полноту описания.

Можно выделить три основных логических этапа генетического представления системы: предварительный, синхронический и генетический. Выделение таких этапов (как и их наименование) достаточно произвольно. Для целей настоящей работы ограничимся этими глобальными этапами, не прибегая к более подробной детализации. Естественно, что логические и эмпирические этапы анализа в работе отдельных исследователей могут не совпадать вследствие того, что задачи, различные с логической точки зрения, в процессе конкретных исследований нередко решаются комплексно (Грушин 1961, 77).

На предварительном этапе выделяется объект исследования, устанавливаются его пространственно-временные границы, а также выдвигаются предположения о категориальном типе объекта и его некоторых инвариантных свойствах, детерминированных этим типом.

Синхронический этап направлен на пространственно-временное расчленение объекта по историческим состояниям, включая установление таких состояний и реализацию их структурного или структурно-функционального представления.

Генетический этап, имеющий своим предназначением воспроизведение процесса развития системы, включает: 1) установление так называемых генетических рядов целого (изучение диахронии в смысле Ф. де Соссюра), а также наличия процесса развития объекта; 2) определение эмпирических видов процессов и проведение их классификаций; 3) выявление механизма процессов; 4) исследование реакции системы на произошедшие изменения.

В процессе генетического представления фонологической системы могут возникнуть проблемы и задачи нескольких типов. К числу их относятся: 1) чистые метапроблемы, разрешаемые вне рамок исторической

фонологии, касающиеся глобальных общесистемных свойств объекта, 2) спецификации метапроблем и задач, получающие в исторической фонологии свое частное решение, 3) собственные проблемы исторической фонологии, формулируемые в ее терминах, касающиеся частных вопросов изменений фонологической системы. В исторической фонологии, имеющей тесные контакты со смежными дисциплинами, могут встретиться группы проблем, перешедшие в нее из предшествующей ей исторической фонетики вместе с некоторыми стереотипами решения такого рода задач, а также проблемы и задачи, общие с синхронической фонологией, типологией и др. Аналогичным образом категориально-понятийные средства исторической фонологии также неоднородны, включая, с одной стороны, общенаучные понятия и категории, а с другой — ее собственно предметные понятия, в том числе понятия, общие с близкородственными дисциплинами или заимствованные из них.

При установлении категориального типа объекта возникают метапроблемы о существовании объекта (фонологической системы), генетическое представление которого предполагается осуществить, а также о возможности отнесения его 1) к числу исторически развивающихся объектов, допускающих генетическое представление, 2) к числу сложных систем, имеющих относительно самостоятельные подсистемы внутри себя, 3) к числу естественных, искусственных или естественно-искусственных систем¹.

Задание категориального типа объекта исторической фонологии, как отмечалось, осуществлялось с помощью категорий "фонологическая система" и "развитие", которые получают свою спецификацию в рамках исторической фонологии. Из общих понятийных интерпретаций этих категорий отметим различие синхронических модификаций в произношении (незначительных изменений) и диахронического изменения в сериях звуков (Мартине 1963, 559; 1965, 45; Groot 1948, 190, 191; Журавлев 1965, 59). Эти изменения, по словам В.К. Журавлева (1965, 59; см. также: Lehmann 1962, 153), могут быть сведены к трансфонологизации фонем и аллофонов (где под трансфонологизацией аллофонов, в частности, понимаются определенные изменения варианта фонемы в определенных позиционных условиях).

Свою конкретизацию категория изменения получает также в понятиях, используемых для обозначения процессов варьирования², например, в понятии "области рассеивания" у А. Мартине (1960, 70, 71), обозначающего сферу потенциального варьирования реализаций фонем.

Большим смысловым содержанием наполнено производимое в исторической фонологии различие "мутаций", или дискретных звуковых изменений, существенных для функционирования фонологической системы, и "кумуляций", или непрерывных постепенных звуковых изменений, не существенных для фонологической системы (Мартине 1960, 179,

¹ О специфических чертах объектов системного исследования см.: ПИСС 1965, 31-36; об объектах, по природе своей исторических, — Косериу 1963, 150.

² О вариациях в пространстве и времени см.: Мартине 1965, 450; o'Bryan 1967; Peilow, Nixon, Strang, McNeary 1972.

180; Brøndal 1943, 21; Jakobson 1962, 202–220). Термин кумуляция, как и соответствующее понятие, по словам В.К. Журавлева (1965, 37), восходит еще к И.А. Бодуэну де Куртене, предлагавшему использовать этот термин для накопления фонологически несущественных фонетических изменений.

К числу спецификаций категории изменение в рамках исторической фонологии может быть отнесено различие Г. Хенигсвальдом (Hoenigswald 1960, 57, 72): 1) фиксируемых изменений, сопровождаемых "замещением", при котором происходит замена одних структур другими; 2) "аморфных" изменений, или псевдоизменений, не вызывающих замещений и представляющих собой изменение экстралингвистической ситуации; 3) изменений в физических свойствах звуковых единиц (фонов). Критикуя это понятийное расчленение Г. Хенигсвальда, Г.С. Клычков (1962, 128) отмечает, что аморфное изменение также структурно, предполагая сосуществование и наложение друг на друга двух систем, любое языковое изменение в определенном смысле аморфно, заключаясь "не просто в замещении одной модели другой, но и в сосуществовании, взаимодействии этих моделей в синхронии".

Если система в процессуальном представлении выступает как совокупность своих функциональных и генетических (исторических) состояний и развитие — как закономерное чередование последних³, то реализация генетического представления системы означает прежде всего выделение таких состояний и установление между ними закономерной связи.

Выделение функционально-генетических состояний объекта, под которыми понимаются совокупности его качественно-количественных характеристик в определенный момент времени (Никитин 1970, 85), и дискретизация⁴ процесса его развития осуществляется обычно путем расслоения исследуемого объекта по плоскостям одновременности/разновременности⁵, выполняющим функцию основных осей координат проведения исторического исследования⁶. В ходе процедур расслоения объекта по осям одновременности/разновременности производят обычно несколько методологически релевантных расчленений, по-разному оформляемых понятийно в научных концепциях.

³ О категориях "состояние" и "связь состояний" см., например: Разумовский 1972, 85–95; о понятии историческое состояние — Грушин 1961, 65; о понятии состояние языка и изменение состояний — Косериу 1963, 147, 148, 215, 220.

⁴ О понятиях дискретности/непрерывности см.: ФЭ 1967, 363, 364; Косериу 1963, 155, 214; Готт, Надзельский 1975; о задаче расчленения языкового континуума (непрерывности во времени) и представлении его как дискретного процесса — Макаев 1973, 231; о дискретном характере развития фонемы, трактуемой как определение ее различительных признаков в разные периоды истории, — Стеблин-Каменский 1966, 33; о трактовке непрерывности как процессуальной целостности — Генисаретский 1975, 434.

⁵ О понятиях одновременности и разновременности см.: Щедровицкий 1967, 36, 37; о попытке связать определение этих понятий с понятием состояние объекта — Грушин 1961, 85.

⁶ Как отмечает Г. Хенигсвальд (Hoenigswald 1960, 3), в любом "историческом констатировании" в явной или неявной форме содержится, по крайней мере, две "синхронические констатации" по одной. относительно каждого из состояний.

Согласно Б.А. Грушину (1961, 81-85), результатом разложения исследуемого объекта по оси одновременности для каждого момента его развития являются так называемые синхронические ряды внутренних составляющих объекта ("структурный ряд целого") и внешних его составляющих, а результатом расслоения по оси разновременности — полихронические ряды. При этом полихронический ряд внешних составляющих целого, в трактовке Б.А. Грушина, совпадает с эмпирической историей объекта, а полихронический ряд внутренних составляющих, включая компоненты, образующие структуру его развития, формирует соответственно генетический ряд.

Структурные и генетические ряды целого, выделяемые на начальном этапе анализа, в ходе дальнейшего исследования связей и зависимостей внутри этих рядов предстают в виде сущностей другого порядка: структуры системы, структуры развития (генезиса) системы и осмысленной эмпирической истории системы.

Некоторые из этих расчленений имеют в исторической лингвистике свои специальные наименования (достаточно напомнить понятие синхронных срезов, а также диахронии в смысле Ф. де Соссюра)⁷.

Детальная группа понятий для фиксации рассматриваемых методологических расчленений в рамках лингвистики была предложена Н.Д. Андреевым (ОССАИИ 1960, 51, 52), различавшим пучок понятий: 1) диахроническая линия (история какого-либо элемента языковой подсистемы или отношения между ее элементами), 2) связка диахронических линий (история какого-либо определенного ряда или типа), не равная простому сложению диахронических линий, 3) диахронический ствол взаимодействующих диахронических связок или пучок (например, эволюция фонологической подсистемы языка), представляющий собой нечто большее суммы диахронических связок, и, наконец, 4) диахронический поток (история языковой системы) как интегративная сумма образующих его стволов, связок и линий, который также больше суммы своих составляющих.

Проблема дискретизации континуума, каким представляется исторический поток существования объекта во времени, не является достаточно тривиальной для своего разрешения. Это связано с тем, что развитие внутренних составляющих объекта может происходить с неодинаковой скоростью, так как масштаб времени у разных подсистем системы не вполне одинаков. Это означает, что с точки зрения одного неизменного элемента два состояния системы могут трактоваться как тождественные, а с точки зрения других изменяющихся элементов — как различные. По словам Б. Трки (Trnka 1943, 58), «...лингвистическую непрерывность во времени нельзя расщепить на отдельные сравнимые отрезки так, чтобы выбранная "линия" была абсолютно синхронной, включающей, например, синхронные различия в речи отдельных поколений, "функциональные диалекты" общественных классов и т.д.». В связи с этим возникает спе-

⁷ Ср. также понятия моногенетичности и полигенетичности у В.В. Мартынова (1968, 99), отмечавшего моногенетичность праславянского *х* с фонологической точки зрения и его полигенетичность с фонетической точки зрения.

циальная задача поиска основания для исторического расчленения объекта, или, в лингвистической формулировке, вопрос о критериях выделения синхронных срезов состояний. В методологии исторического исследования проблема выбора основания для исторического расчленения объекта сводится к определению принципов абсолютного или относительного разброса по временной шкале всех составляющих целого, другими словами, к поискам критериев для разграничения составляющих по осям одновремениости/разновремениости.

Задача вычленения исторических состояний системы и их структурного (или структурно-функционального) представления выдвигает две группы проблем. Первая из них связана с определением пространственно-временных границ исторических состояний объекта, вторая — с установлением тождества единиц разных исторических состояний. При установлении пространственно-временных границ объекта возникает дополнительная проблема отделения принадлежащих ему компонентов от компонентов одновременно данных с ним систем или состояний этих систем (проблема локализации) и от компонентов разновременных с ним систем или состояний этой же системы, т.е. от исторически предшествующей системы (проблема хронологизации) (Грушин 1961, 75).

Задача определения временных границ исторических состояний (периодов) объекта иначе называется задачей периодизации. Для систем, существующих в настоящее время, определяют только нижний временной порог, а для систем, существовавших в прошлом, — также и верхний временной порог.

Задача установления пространственно-временных границ объекта получает в исторической лингвистике свое детальное осмысление. Отметим некоторые из таких конкретизаций (в лингвистических формулировках)⁸:

определение пространственно-временной соотнесенности языковых факторов исторических состояний, степени единообразия постулируемых исторических состояний с учетом факта социальной и территориальной дифференциации языка;

доказательство совместимости всей совокупности реконструированных форм для определенных исторических состояний;

выявление критериев разграничения в пределах единой временной плоскости элементов, потенциально относящихся к разным историческим эпохам;

доказательство системных связей между компонентами исторических состояний как частный случай определения взаимосвязи восстановленных явлений;

абсолютная и относительная локализация (пространственная конфигурация) диалектов реконструируемого языка;

изоглоссы и хронология (абсолютная и относительная);

хронологизация языковых явлений и определение ориентиров для выявления хронологических рамок функционирования рассматриваемого явления;

⁸ Более подробно об этих задачах исторической фонологии см.: Климов 1971, 1, 39, 72, 79; ОССАИИ 1960, 147; 138; Moulton 1967, 1405; Макаев 1973.

выведение "временных импликаций" из пространственных характеристик языков и наоборот;

проблема лингвистической экстраполяции, состоящая в определении того, в какой степени при восстановлении исторических состояний возможно использование фактов современных языков.

Из проблем второй группы, касающихся установления тождества единиц разных исторических состояний, можно отметить определение соотношения инвариантного и варьирующегося в системе, возможность рассмотрения любого состояния системы как одного из проявлений ее инвариантной структуры. В методическом плане этим проблемам соответствует выявление того, до какой степени возможно пренебрегать определенными изменениями и варьированием при выделении синхронных срезов.

При реализации структурно-функционального представления исторических состояний фонологической системы, их характеристике и сопоставлении историческая фонология использует ряд понятий, общих с синхронической фонологией. К их числу могут быть отнесены прежде всего понятия фонемы и ее вариантов. "Диахроническая фонология обязана синхронической своей основой, а именно — представлениями о фонеме и ее аллофонах (или комбинаторных вариантах)", — пишет М.И. Стеблин-Каменский (1966, 8). К таким общим понятиям относятся также понятия: 1) оппозиции (корреляции), ряда и серии, различного рода звуковых признаков (дифференциальные, потенциальные дифференциальные, интегральные, конститутивные и т.д.); 2) области рассеивания, центра тяжести, зоны безопасности, характеризующие основную единицу описания — фонему; 3) теоретически оптимальной, хорошей, наилучшей в фонологическом отношении системы, степени ее лабильности, оптимальности, упорядоченности (Журавлев 1976, 67)⁹; 4) дистинктивных возможностей системы (Ивич 1970, 3); 5) понятия, характеризующие функциональную значимость отдельных единиц (фонем или их противопоставлений), например, функциональная нагрузка (сила фонологической оппозиции) (Hockett 1966; Wang 1967; Walter 1974; Meyerstein 1970; Mańczak 1970; King 1967; Mathesius 1931; Журавлев 1971; 197-).

При реконструкции предшествующих исторических состояний историческая фонология использует понятийные средства, общие с исторической фонетикой, например, понятия аномалии, архаизма, инновации и т.д.

Перейдем к рассмотрению задач, возникающих в ходе реализации генетического представления фонологической системы на третьем этапе исследования, направленном на воспроизведение процесса развития системы.

Первая задача этого цикла — установление самого факта наличия процесса развития системы. Ее предварительным условием (применительно к исторической фонологии) является выдвигание гипотезы о том, что фонологическая система как составная часть языковой системы есть система естественно-исторического типа, не только изменяющаяся в своих отдельных компонентах, но и развивающаяся в целом.

⁹ Как замечает О.И. Генисаретский (1975, 432), понятия устойчивости, надежности, оптимальности, используемые при описании систем, являются выражением соответствующих представлений о ее целостности.

В соответствии с представлениями методологии исследования исторически развивающихся объектов говорить о наличии процесса развития можно, лишь зафиксировав генетическое различие и тождество составляющих (см. с. 88) объекта во времени. Установление генетического тождества исторических состояний системы и ее единиц сводится к определению общих черт исходного и конечного состояния системы, а установление генетического различия — к установлению качественных различий в структуре исходного и конечного состояний системы. Обоснование наличия процесса развития в системе, согласно Б.А. Грушину (1961), включает два момента: выдвижение первоначального предположения о процессе (построение генетической пары) и превращение гипотетического суждения о процессе в категорическое (доказательство истинности данного предположения). Другими словами, обоснование наличия процесса развития в системе сводится к утверждению, что между выбранной гипотетической парой имеется действительная генетическая связь.

Установление генетического тождества компонентов фонологической системы на разных этапах развития языка с учетом преобразований, которым они подвергаются в ходе такого развития, требует особых форм анализа, отличных от тех, которые достаточны для установления лишь временного различия единиц, т.е. их изменения. Необходимость этого требует выработки особой техники синхронического анализа в рамках диахронических процедур, направленной на то, чтобы избежать в первую очередь явления, называемого Э.А. Макаевым (1973, 230, 231) попыткой "синхронного осмысления диахронической лингвистики", когда имеют дело с "несвязанными друг с другом, изолированными фазами эволюции" и абсолютизируют отдельные этапы развития языка.

К числу центральных задач генетического представления фонологической системы рассматриваемого этапа, когда уже установлен сам факт наличия процесса развития в системе, относятся:

1) построение моделей объективных процессов развития системы в целом (глобальные модели), а также отдельных составляющих системы (частные модели);

2) оценка выбора единиц описания процессов;

3) обсуждение оснований возможных классификаций процессов;

4) исчисление возможных классов процессов и их функций;

5) выявление внутренних механизмов естественных процессов, происходящих в фонологической системе, зафиксированных в этих моделях;

6) определение частотности полученных классов процессов в историческом развитии языков;

7) обнаружение механизма перехода от одного состояния к другому путем установления взаимодействия всех входящих в генетические пары составляющих объекта, непосредственно данных исследователю как внешние не связанные друг с другом компоненты системы.

К числу метапроблем, решение которых влияет на выдвижение гипотез относительно исследуемых процессов изменений, относится определение соотношения различных представлений системы (структурного и гене-

тического, функционального и генетического, структурно-функционального и генетического). Эти проблемы обсуждаются в лингвистике как вопросы о соотношении принципа системности и историзма, синхронного и диахронного описаний, а также принципов системности и историзма, с одной стороны, и понятий синхронии и диахронии, с другой. К числу проблем такого типа относится возможность системного описания в диахронии и особенности синхронических описаний в рамках диахронической лингвистики в отличие от чистого синхронического описания, полностью приравнивающего время нулю и отвлекающегося от факта становления системы в историческом процессе.

Особенно актуальной для развертывания теоретических построений исторической фонологии является проблема о соотношении процессов функционирования и развития. В лингвистических исследованиях она часто сводится к определению того, идентичны ли формы движения, характерные для синхронного функционирования языка, и формы, характерные для диахронической эволюции языка (ОЯ 1970, 208). В соответствии с базисными представлениями методологии системных исследований в лингвистике принимается, что при функционировании языка в синхронии имеет место кинематический процесс, оставляющий исходную структуру языка неизменной и создающий "условия непрерывности и постепенности эволюции языков при сохранении их целостности и единства" (ОЯ 1970, 208). Соответственно принимается, что для диахронической эволюции языка характерны изменения, приводящие структуру к новому виду и к нарушению тождества единицы¹⁰. С рассматриваемым классом проблем в тесной связи находятся также вопросы: 1) о соотношении спонтанных и комбинаторных изменений; 2) о регламентационных возможностях системы; 3) о соотношении единиц описания функциональных и генетических состояний объекта, иерархического расположения звуковых признаков для различных состояний фонологической системы, а также функциональной нагрузки единиц синхронных срезов, чередующихся во времени.

Важной задачей является также установление того, в какой степени при описании конкретных языковых изменений необходимо и целесообразно учитывать особенности процессов функционирования. Задавшись этим вопросом, А. Мартине (1965, 451) приходит к выводу, что полное осмысление языкового процесса как системы возможно "только при синхроническом рассмотрении динамики языка". В связи с этим он считает необходимым учитывать при попытках объяснения языковых изменений вариаций в пространстве как одного из тех измерений, в которых совершаются эти изменения.

Реализация процессуального представления фонологической системы требует специальных понятийных средств. Остановимся сначала на понятийной интерпретации категории процесса развития в методологии системного подхода, а затем, отталкиваясь от данной парадигмы понятий,

¹⁰ Ср. замечание О.И. Генисаретского (1970в, 53) о том, что "генезис системы в отличие от ее функционирования изменяет полное состояние системы и приводит к ее перестройкам".

отметим, какие наименования у отмеченных компонентов процесса имеются в исторической фонологии.

Согласно Б.А. Грушину (1961, 66), процесс развития включает три компонента: время, составляющие и механизм процесса. Составляющие в свою очередь распадаются на образующие процесса и условия. Среди образующих (элементов и связей объекта) различают исходный пункт процесса (компоненты системы исходного состояния системы) и результат процесса (компоненты системы конечного, результирующего состояния).

Под условиями процесса понимают внутрисистемные зависимости (внутренние составляющие объекта), находящиеся в объективной связи с образующими процесса и превращающие исходный пункт в результат. В случае имманентного процесса развития составляющие-условия отсутствуют и понятие составляющих процесса целиком совпадает с понятием образующие процесса. Б.А. Грушин обращает внимание на то, что условия как составляющие процесса развития, входящие в механизм процесса развития, не совпадают с так называемыми конкретно-историческими условиями, влияющими на форму процесса и не определяющими его внутреннего механизма. Если условия существования (функционирования и развития) системы описывать в рамках общей теории систем с помощью пары противопоставлений внешнее/внутреннее и постоянное/переменное, то конкретно-исторические условия, по-видимому, можно интерпретировать как внешние переменные условия.

Сложная взаимосвязь всех составляющих процесса образует механизм процесса.

Исходный пункт процесса развития у Р. Якобсона (Jakobson 1962, 213–215), следовавшего в этом случае терминологической традиции сравнительно-генетического языкознания, именуется прототипом, а результат процесса — рефлексом прототипа. Понятия механизма и условий процесса в исторической фонологии частично покрываются понятиями движущие силы процесса, фактор процесса, взаимодействие факторов, стимул процесса, фонетический механизм, или просто механизм (Стеблин-Каменский 1966, 117, 122, 123; Lehmann 1962, 153; Климов 1971, 73).

Иногда говорят также об общих предпосылках звуковых изменений (переходов), очаге изменения (при решении задачи локализации процесса), направлении, силе, периодах подготовки изменений, стадиях, этапах, фазах изменений (переходов), завершении процесса, путях развития, внешних и внутренних связях изменений друг с другом, цепной реакции с цепями притяжения и отталкивания, с движением "головной" и "последней" фонемы и т.д.

К группам понятий, выражающих отношения и связи в диахронии, относятся понятия диахронического сопутствия и параллельного развития.

При характеристике процессов развития нередко говорят о ходе, темпе, скорости развития эволюции (изменения), в частности, неодинаковой скорости развития отдельных внутренних составляющих, а также о

фонологическом катализаторе, влияющем на скорость протекания процессов¹¹.

Ряд понятий исторической фонологии, используемых для передачи некоторых особенностей процессуальности, — регулярность, спонтанность, спорадичность, системность, — совпадает с понятиями сравнительно-генетического языкознания в той же функции.

Группа понятий исторической фонологии связана с интерпретацией категории времени — естественной формы существования деятельности и языка (ОССАИИ 1960, 84; Cher 1971; Караулов 1970). Иногда (Генисаретский 1971; ср. Любинская 1966) считается целесообразным вводить категорию времени в состав категориальной парадигмы системного подхода, где она ставится в отношение сознчности с базисной категорией парадигмы — процессом. Это мотивируется тем, что время служит необходимым условием развертывания процесса, который не может осуществляться, если не протекает время. Кроме того, обращается внимание, что понятие времени особым образом структурирует все объекты, которые сквозь призму данной категории начинают "видеться" как процессы.

Поскольку время, исследуемое в лингвистике, "структурно и разнородно" (ОССАИИ 1960, 84; Поливанов 1968, 59), то понятие времени, используемое лингвистами, часто бывает неоднозначным. В методологии системных исследований различают время функционирования системы и время ее развития (см., например: Блауберг, Юдин 1973; Генисаретский 1970а, 36)¹². В лингвистике этому соответствует различие времени в фонологическом и в фонетическом планах или, более широко, — времени в языке и в речи (ОССАИИ 1960, 85). По словам В.Н. Топорова (ОССАИИ 1960, 85), некоторые единицы, например, фонемы, требующие определенного промежутка физического времени, рассматриваются как вневременные в плане языкового времени, поскольку, в случае фонемы их дифференциальные элементы расположены не линейно. Обычно временем функционирования пренебрегают и считают, что функционирование происходит с отключенным временем, как это имеет место в синхроническом исследовании в отличие от диахронического.

В лингвистике, как и в некоторых других науках, имеются два толкования времени. Различают концепцию времени, опирающуюся на идею абсолютной хронологии, в основе которой лежит понимание времени как протяженности, и концепцию, опирающуюся на идею относительной хро-

¹¹ О рассмотренных классах понятий см., например: Стеблин-Каменский 1966, 77, 130, 101, 110, 113–116, 121–123, 125–126, 117, 118; Malmberg 1962; Groot 1948, 183; Lehmann 1962, 62, 63, 153; Мартине 1960, 85, 92, 235, 236, 46, 49, 180, 188, 189, 117; Twaddell 1948, 297; Ивич 1958; Magnusson 1973; Поливанов 1968, 59. О попытке измерения скорости изменения фонологической системы степенью стойкости (нестойкости) системы см.: Журавлев 1968, 58

¹² Так называемое лингвистическое (языковое) время в отличие от астрономического имеет свои единицы измерения — число изменений в развивающейся языковой системе. О речевом времени см.: Hoenigswald 1960, 1; об историческом времени — Beaujeu-Lan 1961.

О метрических и топологических свойствах времени и о трактовке времени как "интенсивной структуры", характеризующей "природу связи между меняющимися явлениями", см. у Л.Н. Любинской (ПИСС 1966, 126, 127).

нологии, в основе которой лежит понимание времени как длительности (Макаев 1973, 229; Грушин 1961, 54; Antilla 1972, гл. 6; Hoenigswald 1960, 112; Chen 1972).

Для решения задачи хронологизации и осмысления категории времени историческая фонология не имеет особых понятийных средств, а использует понятия, общие с понятиями сравнительно-генетической лингвистики. К числу их относятся, например: датировка, периодизация, опорная письменная традиция, исторические отложения системы, сохранившиеся в другом языке (Климов 1971, 52).

Мало специфичны и некоторые другие понятия, применяемые в лингвистике для обозначения времени и временных интервалов, — ось времени, промежуток времени, "временная цезура" (Макаев 1973, 231), "хронологические дистанции" (Поливанов 1964, 105), а также понятия, связанные с описанием тенденций, — идеальный предел тенденции, проявления общей тенденции, начало тенденции, этапы реализации тенденции, готовность к проведению тенденции, основные, преимущественные, противоположные, противоречивые, незавершаемые тенденции (Стеблин-Каменский 1966, 71, 113, 140, 145, 1961, 136, 146; Мартине 1960, 422; 1963, 393; Крупаткин 1966, 8; Поливанов 1968, 105).

Большая группа специфических понятий исторической фонологии связана с классификацией и характеристикой процессов в фонологической системе. К ним относятся понятия диахронической нейтрализации (Руделев 1968), потенциальной фонологической нейтрализации (Журавлев 1971, 123), понятие притяжения системы, используемое для наименования процесса включения в ряд или серию фонемы, стоящей в стороне от фонологических группировок (процесса, заключающегося в "смещении двух артикуляций, которым ничто не мешает более и более сближаться друг с другом, так как их различие никогда не было релевантным"; см.: Мартине 1960, 110; Крупаткин 1962б, 56), а также понятие более полного включения в группировку фонемы, лишь частично в нее включенной.

Притяжение системы отличается от более узкого понятия заполнения пустой клетки, под которым понимается "притяжение обособленно стоящих фонем внутренне организованной системой" и который представляет собой "лишь крайнюю фазу последнего" (Мартине 1960, 110; см. также: Moulton 1967, 229; Mańczak 1970; Rochet 1972; Стеблин-Каменский 1966, 67). Согласно А. Мартине (1960, 116, 117), заполнение "пустых клеток" может захватывать фонемы, с известной степенью включения в систему, и поэтому о "пустых клетках" речь может идти лишь в случае рассмотрения фонемы как в той или иной степени включенной в систему.

Одна из важных теоретических проблем, возникающих при выборе единиц описания и построения теории типов изменений, состоит в определении того, какие компоненты системы могут подвергаться изменениям в процессе существования во времени. По словам А. Мартине (1963, 529), в языке изменчиво все: морфология, лексика, синтаксис, фонология. Развертывая эту идею, можно было бы сказать, в терминах системного анализа, что все изменчиво также и внутри каждой подсистемы уровня. А это значит, что в фонологической системе могут подвергаться изменениям любые ее компоненты: элементы (их дистрибуция и функциональ-

ная нагрузка), связи (фонологические отношения), подсистемы в целом и их конфигурации в рамках системы.

Можно представить себе такие полярные задачи, как изучение изменений отношений функциональных единиц внутри структурного целого (историю фонологических отношений системы) или исследование генетических связей изолированного элемента системы, принимая все остальные составляющие за общее аморфное Σ (совокупность условий существования элемента в системе; Грушин 1961)¹³. По-видимому, такой вырожденный случай, где все остальные составляющие принимаются за общее аморфное Σ , уже не может считаться системным исследованием. Нетрудно увидеть в таком исследовании идеи соссюрвской интерпретации диахронии.

Проблема, обратная по отношению к только что рассмотренной и возникающая в контексте тех же проблем, что и первая, касается определения фундаментальных константных характеристик языка, остающихся резистентными по отношению ко всякого рода временным воздействиям и сохраняющихся продолжительное время (ОЯ 1970, 201; Успенский 1965, 133; Косериу 1963, 217). Поскольку одни только изменения не исчерпывают специфики языковой системы, то целесообразно было бы в рамках исторической фонологии исследовать специально проблемы, относящиеся к истории константного, отмершего или замененного и нового, появляющегося. Интересно выявить признаки систем, инвариантные и соответственно варьирующиеся при различных диахронических преобразованиях, исследовать "специфический характер динамической устойчивости языка, позволяющий сохранить при значительных изменениях в отдельных частях системы ее общее тождество самой себе в течение длительных периодов времени" (ОЯ 1970, 198), а также выявить факторы устойчивости и инерционности систем, противодействующие и сопротивляющиеся изменению, позволяющие сохранить константное в системе (Мартине 1960, 43; 1963, 373).

Группа проблем генетического представления системы связана с определением того: 1) всегда ли происходят в языке (в том числе, в фонологической системе) процессы изменения; верно ли, что "язык, эволюционируя, изменяется непрестанно" (Мартине 1963, 528, 529; Sommerfelt 1962, 62); наблюдаются ли периоды, когда язык не изменяется; 2) каков характер протекания процесса (скачкообразный или постепенный); 3) что быстрее изменяется в фонологической системе и соответственно, какие компоненты системы (подсистемы, элементы, связи) дольше сохраняются (в частности, верна ли гипотеза о том, что в системе относительно быстро может разрушиться только то, что "сохранялось лишь в силу инертности и традиции", см.: Мартине 1960, 220); 4) каковы формы процессов в отношении их субординации, т.е. какой иерархия разных типов изменений, верно ли, например, утверждение о том, что с фонологической точки зрения изменение различительных признаков является гораздо более важным, чем изменение в распределении фонем.

¹³ Ср. реализацию последнего подхода при описании истории фонемы Ъ (Sami-
lov 1964).

Целесообразным представляется также выяснить, какова природа (Ladd 1962) направление и скорость развития языковой системы (Мартине 1960, 180; Лекков 1960, 10, 21; Polleyblank 1972), верна ли идея о сепаратном развитии отдельных сторон лингвистического знака, приводящем к особым темпам развития отдельных уровней, а также иногда и к различной скорости развития отдельных слов. Эта проблема исследовалась А. Мартине (1960, 46—49). Наблюдая за скоростью развития отдельных слов, он отмечает две закономерности подобного явления, состоящие в том, что скорость различных звуковых отрезков одного и того же слова одинакова и что все реализации фонемы изменяются в определенном контексте в одном и том же направлении и с одинаковой скоростью.

В центре внимания исторической фонологии находится также проблема взаимоотношений в системе комплексов процессов во времени и пространстве, а также однородных процессов друг с другом¹⁴.

Некоторые из таких зависимостей были описаны А.В. де Гootом (Groot 1948, 177, 178), отмечавшим несимметричность поведения различных классов единиц в ходе процесса исторического развития фонологической системы: 1) фонемы как элементы системы не могут изменяться без одновременного изменения словоформ, а формы слов могут изменяться без изменения фонем как элементов системы; 2) структура системы фонем не может изменяться без одновременного изменения фонем как элементов системы, а фонемы как элементы системы могут изменяться без влияния на структуру системы.

Сложным теоретическим вопросом генетического представления системы является анализ причинности языковых (звуковых) изменений. Разработка его включает определение: 1) почему изменяются языки, т.е. почему они не остаются неизменными (логическая проблема причинного объяснения у Э. Косериу 1963, 182), 2) каким образом изменяется языковая система так, чтобы не нарушалась коммуникация (Herrlitz 1970, 19), 3) почему разные языки развиваются по-разному (Крупаткин 1958, 39), 4) почему нарушается равновесие существующей системы (Sommerfelt 1962, 298).

К числу более частных вопросов причинности изменения относятся:

1) установление факторов, вызывающих образование изменений и влияющих на их протекание¹⁵, а также определение соотношения факторов, влияющих на изменение различных единиц (Мартине 1960, 58, 59)¹⁶;

2) определение соотношений внешних и внутренних факторов с точки зрения силы каждого из них, а также взаимоотношений фонетических и фонологических факторов;

¹⁴ О взаимоотношении фонетических и фонологических изменений, в частности, о первичности фонетических и вторичности фонологических изменений см.: Журавлев 1965, 31; Rauch 1967, 46; Wijk 1937a; 1939; 1940; Fowler 1963.

¹⁵ В терминологии Э. Косериу (1963, 182), вопрос об условиях относится к числу так называемых общих проблем изменения.

¹⁶ Ср. гипотезу А. Мартине (1960, 58, 59) о том, что эволюция комбинаторных вариантов определяется теми же факторами, что и "эволюция фонем, сменяющихся целиком".

3) выявление того, объясняются ли процессы функционирования и развития одинаковыми факторами (в частности, можно ли всякую синхроническую модификацию в произношении и диахроническое изменение в сериях звуков с точки зрения современной исторической фонологии свести к действию единых тенденций, см; Журавлев 1965), а также определение степени условности противопоставления спонтанных и позиционных изменений;

4) определение путей проникновения инноваций в фонологические системы — внешних факторов, вызывающих нарушение равновесия (Мартине 1960, 225; 1963, 558); и т.д.

Помимо воспроизведения процесса развития системы, можно отметить и ряд других задач генетического представления, например, обнаружение "сил", "постоянно и всеобщие действующих во всех языках", и установление общих законов, к которым возможно сводить отдельные исторические явления (Соссюр 1933, 32), а также исследование реакции системы на произошедшие изменения (компенсаторные явления в системе и другого вида последствия изменений). Конкретизируя эту последнюю задачу, А.Мартине (1960, 39; 1963, 558) говорит о необходимости установления реакции постоянных факторов языковой экономии в ходе эволюционного процесса на свойственные исследуемой системе "напряжение" и "давление", а также последствий действия внешних факторов, приводящих к перестройке определенных частей системы.

С точки зрения выдвижения проблематики и ее разрешения в исторической фонологии можно выделить два этапа. На начальном этапе этого предмета, по словам Т.В. Булыгиной (1964, 85, 86), исследователи по диахронической фонологии предлагали "не столько новые принципы объяснения звуковых изменений, сколько лишь принципы классификации и реинтерпретации звуковых изменений в структурных терминах", другими словами, занимались моделированием процессов изменения, или регистрацией сдвигов, имевших место в истории. Такая работа по классификации звуковых явлений, проделанная первыми фонологами, сделала возможным, по словам А.Мартине (1960, 93), приступить к изучению "фонетической эволюции" со структурной точки зрения и подойти тем самым ко второму этапу развития исторической фонологии.

Для этого второго этапа характерно появление теоретических исследований, направленных на рассмотрение механизмов процессов изменения и развития и на поиски причин, лежащих в основе происходящих сдвигов.

Отдельные попытки объяснения процессов развития фонологической системы предпринимались и на начальном этапе становления исторической фонологии, особенно в исследованиях Р.Якобсона (Jakobson 1962, 7—111, 202—220).

Однако в полную меру к решению этой задачи фонологи-диахронисты приступили лишь в последнее время.

Характерной чертой теоретических концепций современной исторической фонологии является стремление к расширению аспектов рассмотрения истории фонологической системы и отказ от односторонних трактовок исследуемых явлений. Так, не признается больше достаточно адек-

ватным описанием процесса развития системы с исключительным или преимущественным вниманием только к изменениям и с полным игнорированием в системе константного.

Постановка проблем такого рода выводит исследователей из узких рамок собственно фонологико-диахронических исследований и приближает к задаче построения дисциплины, синтезирующей представления синхронического и диахронического варианта фонологии.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ И МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Общая характеристика эмпирического материала

Особенность ситуации генетического представления системы состоит в том, что исследуемый объект в начале анализа не задается исследователю непосредственно как система во всей совокупности своих функционально-генетических состояний, очерченная в своих границах и противостоящая среде, а предстает перед ним как сложное целое разнородных составляющих, находящихся на первый взгляд в пространственно-временном беспорядке (Грушин 1961, 79).

В случае языковой (фонологической) системы это обуславливается тем, что язык как социальный феномен, в целостном виде существующий лишь у коллектива носителей, первоначально задается исследователю как частичная дискретная реализация системы в виде индивидуального речевого акта (ОССАИИ 1960, 50).

Для генетического представления фонологической системы необходима реконструкция глубинных процессов, протекающих в ней и скрывающихся за реально наблюдаемыми изменениями¹, а также выявление стоящих за ними тенденций развития фонологической системы, реализующихся в этих группах процессов. Естественно, что здесь, как и в других случаях реконструкции, не исключена ситуация неединственности интерпретации, когда одно и то же непосредственно "видимое" изменение может трактоваться по-разному. Так, по словам М.И. Стеблина-Каменского (1966, 112), процесс именуемый с чисто фонетической точки зрения оглушением, может фонологически представляться как дефонологизация или же фонологизация голоса². Согласно А. Мартине (1960, 235), некоторые изменения, затрагивающие определенные фонемы, включенные в группировки, могут быть представлены либо как исключения из группировки, за которым следует новое включение, либо как цепная реакция.

Учитывая, что реконструкция процессов развития системы возможна лишь при условии предварительной реконструкции ее исторических состояний, диахронист-фонолог нуждается: 1) в данных относительно струк-

¹ О принципиально гипотетическом характере части процессов, реконструируемых диахронистами, см. например: Мартине 1963, 552.

² О возможности ситуации дескриптивного тождества фонологических систем до и после целого комплекса изменений см.: Hoenigswald 1960, 83.

турно-функциональных характеристик единиц каждого из исторических состояний фонологической системы, получаемых на синхроническом этапе исследования; 2) в данных относительно процессов изменения исторических состояний фонологической системы, получаемых на собственно диахроническом этапе работы³.

Поскольку исторические состояния системы, а также связывающие их единичные процессы не даны непосредственно и подлежат реконструкции, то эмпирический материал исследователя-диахрониста включает: 1) непосредственно наблюдаемые события, явления, относящиеся к числу внешних эмпирических составляющих целого, и 2) реконструированные с помощью особого анализа компоненты (элементы, связи и зависимости) процесса, принадлежащие в большинстве случаев к числу внутренних составляющих целого.

В качестве основных источников получения исходного фактического материала в исторической фонологии, помимо непосредственных языковых данных, относящихся к истории исследуемой фонологической системы, могут выступать письменные памятники анализируемого языка, сведения из других языков, диалектные материалы, реконструированная морфологическая подсистема (см., например: Hoenigswald 1960, 72; Иванов 1968, 48–52).

Многие исследователи часто обращают внимание на ограниченный характер источников такого рода. По словам Г.Хёнигсвальда (Hoenigswald 1960, 72), в большинстве случаев невозможно получить информацию о фонетическом изменении (alteration) как таковом из памятников письменности вследствие фонологической (фонемической) и квази-фонологической природы силлабического и алфавитного письма, с помощью которого они записаны, а также из реконструкций, благодаря их фонологической природе.

Ограниченный характер эмпирического материала при генетическом представлении фонологической системы налагает свой отпечаток на возможности реконструкции. Обращая внимание на известную условность и схематизм диахронического описания звуковой стороны языка, опирающегося "не на реальное образование тех или иных звуков в прошлом, а на представления о характере их образования в настоящее время" (Иванов 1968, 18), многие исследователи часто ставят под сомнение даже самую возможность в исторической лингвистике доведения реконструкции до уровня аллофонов (субстанциональной реализации фонем в виде своих вариантов).

Единицы описания

В соответствии с идеями системного подхода исходным этапом при задании процессуального представления системы является построение структурных или структурно-функциональных моделей ее исторических состояний, на основе которых далее строятся частные модели процессов

³ О понятиях "историко-фонетический" факт см.: Поливанов 1968, 135; исторический и языковой факт – Косериу 1963, 199–202; диахронический факт и событие – Соссюр 1933, 91, 94–96, 134; о диахроническом феномене как результате взаимодействия внешних и внутренних факторов – Juilland 1953, 199.

развития в системе. В ходе подобного моделирования фонологическая система определенного исторического состояния предстает как интегративная совокупность своих подсистем, выделяемых с учетом структурно-функциональных характеристик ее основных компонентов. Обычно в фонологической системе вычленяют подсистемы гласных и согласных, сегментных и суперсегментных единиц, маргинальных (включающих пережиточные явления или новообразования) и профилирующих, центральных (включающих продуктивные явления)⁴. Поскольку, как правило, в исторической фонологии используют структурные и структурно-функциональные модели, разработанные в синхронической фонологии, то при этом наблюдается частичное совпадение понятийного аппарата этих двух дисциплин. Так, понятийная система А. Мартине (1960), включающая такие понятия, как ряд, серия, область рассеивания, пустые клетки, зона безопасности и т.д., предназначается как для синхронических, так и диахронических описаний в фонологии.

При моделировании исторических состояний фонологической системы прежде всего возникает вопрос об элементах системы и их структурно-функциональных связях, в другой терминологии — об основных единицах описания⁵. В качестве базисной единицы описания в исторической фонологии обычно выбирают фонему. Однако в последнее время, по словам Ю.С. Степанова (1974, 97, 98), наметилась тенденция отказа от "предельных", "дискретных" и "абстрактных" единиц описания в пользу обращения, с одной стороны, к единицам, более "конкретным", чем фонема, например, к звукотипу, или, с другой стороны, к более крупным неопредельным единицам (группофонемам или силлабофонемам), трактуемым как фонемы особого типа.

Для некоторых направлений исторической фонологии характерно стремление избирать в качестве основной единицы описания единицу меньшей протяженности, чем фонема, — звуковой признак (акустический или артикуляционный), с его различными подвидами — различительным (дифференциальным) и интегральным как потенциально дифференциальным (Vogt 1965, 368; Журавлев 1965, 30, 31, 46; Мартине 1966, 106, 107; Иванов 1958, 400, 401; Иванов 1968).

Иногда в диахронических описаниях предпочитают оперировать группами или сочетаниями фонем, как это имеет место, в частности, в ситуациях некорректности постановки вопроса о том, были ли звуковые отрезки одной фонемой или двумя. Если в исследуемом языке, — пишет А. Мартине (1960, 169), — "отрезки /ta:t/ и /taat/ не могут быть противопоставлены друг другу, то несущественно уточнять, чему именно противопоставляется сочетание /tat/ — сочетанию /ta:t/ или /taat/".

Специфическим для исторической фонологии (как и вообще для исторической лингвистики в целом) является исследование особого класса

⁴ О понятиях центра и периферии системы языка см.: Журавлев 1976, 64—66.

⁵ О соотношении понятий лингвистической и языковой единицы с понятием модели см.: Леохтьев 1969, 9. Иногда в качестве особой единицы описания используют так называемую полифону, см.: Иванов 1968. О группофонеме как основной фонологической единице праславянского языка и о ее интерпретации см.: Журавлев 1966а; 1966в. Критику фонологического статуса группофона см.: Мартынов 1968, 52, 57.

так называемых переходных единиц, находящихся, по словам Э.А. Макаева (1973, 229), на определенном этапе языка в состоянии возникновения, конституирующихся, но еще не ставших конститутивными⁶ (не получивших на этом уровне своего "фонологического паспорта")⁷. Особенность таких единиц состоит в том, что в них находит свое отражение динамика развития языковой системы: имея четко выраженный процессуальный характер, они представляют собой как бы "узел напряжения" разнонаправленных тенденций развития языка, сигнализируя о путях языкового развития и являясь местом "отражений" и "отложения" языковых сдвигов (Макаев 1973, 230)⁸.

Для переходных единиц, находящихся в становлении, характерны, согласно Э.А. Макаеву (1973, 230), следующие черты, придающие им известную функциональную неполноценность: 1) способность к сохранению до известной степени структурных признаков, свойственных единицам предшествующего этапа развития языка, 2) отсутствие всех конститутивных признаков, характерных для единиц "нового" периода развития языка, в котором они функционируют.

Подобная неполноценность единиц связана с незавершенностью процессов становления новой единицы и исчезновения старой. Чаще всего о функциональной неполноценности речь идет в случае слияния фонем, которое, хотя и не представляет собой постепенного перехода одной фонемы в другую, все же совершается не одномоментно, а в течение весьма длительного промежутка времени. В ходе такого процесса сливающаяся фонема перестает существовать как вполне самостоятельная единица, выступая то как фонема, то как факультативный вариант фонемы, то как ее аллофон, другими словами, становится "двуликой" фонемой /х/у/, где х — сливающаяся фонема, а у — фонема, с которой она сливается (Стеблин-Каменский 1966, 10, 72)⁹. Факультативность фонемы, парадигматически сливающейся с другой, выражается в том, что в одном и том же слове она то замещается этой другой фонемой, то остается незамещенной. Колебание между двумя фонемами происходит до тех пор, пока сливающаяся фонема окончательно не исчезнет, и процесс слияния не завершится.

Единицы в синхронической и диахронической фонологии, совпадая по наименованию, могут весьма существенно различаться по своему содержанию¹⁰. По наблюдению Я.Б. Крупаткина (1966), комбинаторные варианты фонем в синхронии и диахронии имеют различный объем и функцио-

⁶ О конститутивных звуковых признаках см.: Иванов 1968, 27–33.

⁷ Согласно Э.А. Макаеву (1973, 229, 230), такие переходные единицы в рамках синхронической лингвистики лишены содержательной интерпретации.

⁸ На важность исследования в исторической фонологии незавершенных процессов образования фонем, в которых наиболее легко прослеживается последовательность этапов звукового изменения и действие влияющих на него факторов, обращал внимание также М.И. Стеблин-Каменский (1966, 130).

⁹ О существовании класса так называемых косвенно автономных единиц см.: Крупаткин 1966, 17.

¹⁰ На необязательность соответствия диахронических единиц единицам синхронического порядка обращал внимание еще Ф. де Соссюр (1933, 99, 166, 167).

нальную характеристику¹¹. В синхронии эти единицы являются равноценными, выступая в роли фонологического вспомогательного средства, сигнализирующего о границе слова или о наличии определенного рода соседней фонемы. В диахронии, где комбинаторные варианты являются более широкими по объему, подобная равноценность исчезает. Это обуславливается тем, что среди вариантов определенного синхронного среза имеются такие, которые будут фонологизированы на следующем этапе и которые служат в диахронии фонологически вспомогательным средством, сигнализирующим о границах между разрезами¹².

Основные процессы изменения в фонологической системе и их моделирование

Классификации звуковых изменений

В качестве возможных оснований классификаций процессов изменения могут выступать компоненты процесса и их соотношения друг с другом¹³.

Если обозначить процесс как $a \xrightarrow[\text{М}]{\text{У, Л}} б$ П, где a — исходное образующее (элемент или связь), $б$ — конечное образующее, $\rightarrow$ — сам процесс как чистое движение, М — механизм процесса, У — условия его протекания, Л — локализация процесса в системе, П — последствия влияния процесса на систему, то, очевидно, процессы могут классифицироваться: 1) по тому, что выступает в качестве его образующих или хотя бы одного из них; 2) по соотношению между исходным и конечным образующими; 3) по характеру протекания процесса; 4) по типу условий или по отношению к ним образующих процесса; 5) по тому, в какой части системы — синтагматике или парадигматике — совершаются изменения; 6) по последствиям для системы; 7) по типу механизма¹⁴.

Иногда в качестве оснований для классификации процессов выдвигают и другие признаки: 1) включенность или невключенность фонем в систему, 2) относительная важность изменения для общей экономии системы (Мартине 1960, 228), 3) принадлежность к системе для фонем, возникающих из фонемного сочетания. Однако, по-видимому, их следует признать нерелевантными для характеристики процессов и избрать в качестве

¹¹ Вариант систематики аллофонов в исторической и общей фонологии в аспекте их условий имеется, например, у В. Херрлицца (Herrlitz 1970, 32 33), где различаются свободные аллофоны и обусловленные, которые в свою очередь распадаются на контекстно-, конвенционально-, ситуационно- и индивидуально-обусловленные. См. также: ОЯ 1972, 162, 163.

¹² Подробнее о различной степени значимости вариантов звука с точки зрения исторического развития (приобретении ими индекса относительного расположения на оси диахронии) и о диахронически существенных вариантах фонем см. в исследовании Я.Б. Крупаткина (1966, 13, 16), где предлагается, в частности, определять продолжительность жизни каждого диахронического варианта интервалами между соседними разрезами.

¹³ О классификации и классах в лингвистике см.: Juilland, Lieb 1968; о классификации процессов изменений под углом зрения коммуникативной релевантности — Herrlitz 1970, 28.

¹⁴ О диахронической структуре процессов см.: Серов 1970.

оснований для классификации компоненты процесса и их соотношения друг с другом.

Остановимся подробнее на характеристике этих случаев, отмечая внутренние возможности расчленений в рамках каждого из них.

В качестве образующих процесса могут выступать: 1) фонологические (дифференциальные) признаки и их комбинации; 2) фонемы, варианты фонем (аллофоны), сочетания фонем; 3) оппозиции (корреляции), также 4) более крупные блоки системы (отдельные структуры, фрагменты систем). В последнем случае речь идет уже о неэлементарных процессах, которые могут быть описаны в терминах более простых единиц.

Соответственно говорят о процессах изменения фонем, их дифференциальных признаков или аллофонов, оппозиций (корреляций) и даже форм слов¹⁵. Так, Г. Хёнигсвальд (Hoenigswald 1960, 87, 88, 96) описывает изменение двугубного смычного *p* в лабиальный щелевой *f* в арабском языке как процесс замещения лабиальности и взрывности комбинаций лабиальности со спирантной артикуляцией, а также говорит о различных процессах добавления к инвентарю фонологических единиц новых сочетаний фонем. М.И. Стеблин-Каменский (1966, 15) описывает различные процессы превращения аллофонов в самостоятельные фонемы. А. Мартине (1963, 560—565; 1960, 143, 152, 238, 239) дает характеристику процессов распада, возникновения, исчезновения противопоставлений, а также процессов расширения корреляций за счет фонемы, стоящей вне корреляции. Р. Якобсон (Jakobson 1962, 51—54) говорит об уничтожении несовместимых корреляций, устранении и восстановлении корреляции.

Рассмотрим теоретически возможные отношения между исходным пунктом процесса и его результатом¹⁶, или, воспользовавшись упоминаемым понятийным расчленением место/наполнение, — соотношение между наполнениями двух структурных мест процесса. Если в качестве наполнений выбраны элементы, то могут представиться следующие виды процессов: 1) одно-одноэлементный (схематически 1—1); 2) одно-двухэлементный (1—2); 3) двух-одноэлементный (2—1); 4) двух-двухэлементный (2—2) и т.д. При этом элемент может быть и нулевым (0)¹⁷.

Случай одно-одноэлементного процесса типа 1—0 именуется в исследованиях по исторической фонологии (Herrlitz 1970, 36, 37; Antilla 1972) как полная утрата, типа 0—1 — как появление на пустом месте, типа 1—1 — как аллофонное изменение или изменение структурно-функциональных (дистрибутивных) характеристик фонем; случай одно-двухэлемент-

¹⁵ Ср. классификацию процессов А.В. де Гроота (Groot 1948), где различаются изменения форм слов, фонем как элементов системы и фонемных систем.

¹⁶ О классификации звуковых изменений по признаку фонетических отношений между замещающим и замещаемым фонами см.: Hoenigswald 1960, 72.

¹⁷ Ср. различие Р. Якобсоном (Jakobson 1962, 213—215) изменений с учетом "объема" рефлекса и прототипа, зависящим от того, представляет ли собой рефлекс (или прототип) фонемное сочетание или одну фонему.

ного процесса типа $1 \leq 1$ — как расщепление, типа $1 \leq 0$ — как частичная утрата; случай двух-одноэлементного процесса типа $1 > 1$ — как полное слияние; случай двух-двухэлементного процесса типа $\frac{1}{1} - \frac{1}{1}$ — как частичное слияние или изменение структурно-функциональных характеристик¹⁸.

Рассматривая характер протекания процесса как чистого движения¹⁹, языковые изменения можно разделить на постепенные (градуальные, длительные, медленные) и скачкообразные (взрывные, мутационные, революционные, внезапные, кратковременные) (Поливанов 1969, 90; Bhat 1968; Sechehaye 1969).

Выделение скачкообразных изменений в качестве самостоятельного класса составляет особенность исторической фонологии по сравнению с предшествующей концепцией младограмматиков, для которых характерна была трактовка звуковых изменений как процессов, протекающих постепенно, незаметно (по крайней мере в пределах одного поколения), одновременно, в едином направлении, без отклонений у всех лиц языковой общности и без сосуществования вариантов, когда старая и новая звуковая единица не исключают друг друга (Maack 1959, 65, 66).

По наблюдению В. Мултона (Moulton 1967, 1405), большинство процессов фонологических изменений относится к числу постепенных, включающих значительный период флюктуации, продолжающийся до тех пор пока не произойдет замещения старой фонемы новой; к числу же фонологических изменений скачкообразного характера относятся изменения, базирующиеся на морфонологической аналогии²⁰.

Релевантность признака скачкообразность/постепенность для характеристики процессов звуковых изменений иногда подвергается сомнению²¹. Обращая внимание на то, что все фонетические изменения в большей или меньшей степени представляют собой скачки от одной артикуляции к другой, А. Соммерфельт (Sommerfelt 1962, 155) считает нецелесообразным при характеристике фонетических изменений сохранять различия между скачками (резкими изменениями одной артикуляции в другую), состав-

¹⁸ В работе Р. Антиллы (Antilla 1972, 87, 88) случай типа $1-0$ схематически обозначается (интерпретируется) как $/x/ - \emptyset$,

типа $0-1$ — как $\emptyset - /x/$, типа $1 \leq 1$ — как $/x/ \leq /y/$,

типа $1 \leq 0$ — как $/x/ \leq /y/ \emptyset$, типа $1 > 1$ — как $/x/ > /y/$.

типа $\frac{1}{1} - \frac{1}{1}$ — как $\frac{/x/}{/y/} \leq \frac{/x/}{/y/}$

¹⁹ О ходе языковых (звуковых) изменений см.: Косериу 1963, 197; ОЯ 1970, 399; Maack 1959; Fongu 1956.

²⁰ О необходимости выяснения мутационного (или наоборот, постепенного) характера отдельных разновидностей историко-фонетических изменений см.: Поливанов 1968, 98—113.

²¹ О существенном отличии фонологической точки зрения на постепенность звукового изменения от фонетической см.: Стеблин-Каменский 1966, 10. Критическая гипотеза о постепенном характере звукового изменения как остатка дофонетического периода в науке см.: Hoenigswald 1960, 72 73.

яющими фундаментальный признак изменения, и последовательными "скольжениями".

В качестве основания классификации процессов может служить также отношение процесса к условиям его протекания²², под которыми при широком толковании понимается интегративная ситуация в системе в целом, детерминирующая появление и реализацию рассматриваемого процесса, а при более узком толковании — ситуация в локальном пункте системы, влияющая на этот процесс. В лингвистических описаниях под условиями процесса понимается обычно синтагматическая позиция (контекст, окружение) единиц.

По признаку зависимости от позиций звуковые изменения еще со времен младограмматиков делятся на обусловленные (комбинаторные) и необусловленные (спонтанные). Обусловленными называются обычно комбинаторные звуковые изменения в контекстных условиях, касающиеся только некоторых реализаций фонемы. Соответственно необусловленные (общие, "прямые", спонтанные или, в более ранней формулировке младограмматиков, абсолютные²³) звуковые изменения определяются как конвенционально обусловленные процессы²⁴, при которых происходит модификация всех реализаций фонемы. Примером обусловленных изменений может служить описываемое У. Леманом (Lehmann 1962, 153) отражение среднеанглийского /u/ как современного английского /u/ только после лабиальных в отличие от других позиций, где оно превращалось в /ə/²⁵.

Возможность существования необусловленных изменений часто подвергается сомнению (Sommerfelt 1962, 77; Rauch 1967, 47; Fowler 1963) на том основании, что все звуковые изменения обусловлены фонологической системой, в которой они имеют место²⁶. Если же понятие спонтанных изменений сохраняется, то оно закрепляется обычно за классом явлений, условия которого по субъективным причинам остались невыясненными, или же за классом субституций, возникающих под влиянием другого языка.

²² Об условиях протекания процессов звукового изменения см.: Hockett 1965, 191; Herrlitz 1970, 34; Hoenigswald 1960, 56, 73; 1964; Lehmann 1962, 153–159; Мартин 1960, 228; Martinet 1959; Крупаткин 1962а, 197; Стеблин-Каменский 1966, 17; Шух рдт 1950, 32; Соссюр 1933, 137; Косериу 1963, 191, 192, 219–223; 1974; Каспаранский 1971; Касаткин 1966; Хабургаев 1965.

²³ О спонтанных изменениях см., например: Серебренников 1968, 101. По словам Ф. де Соссюра (1933, 137), разделение фонетических изменений на абсолютные и обусловленные базируется на поверхностном понимании вещей и рациональнее было бы говорить о фонетических явлениях "спонтанных" и "комбинаторных".

²⁴ Согласно Ч. Хоккету (Hockett 1965, 191), утверждения, в которых говорится о необусловленных звуковых изменениях, представляют собой определения, где упоминаний об условиях не требовалось.

²⁵ Случаи обусловленных изменений, когда позиционные аллофоны группируются в фонемное изменение сходством с соседними фонами, описаны, например, у Г. Хёнигсвальда (Hoenigswald 1960, 73).

²⁶ На это обращал внимание и Ф. де Соссюр (1933, 137), давая определение спонтанных изменений как изменений, производимых внутренней причиной. К числу спонтанных изменений относятся также, по Ф. де Соссюру, изменения, обусловленные отрицательно отсутствием некоторых необходимых для их образования факторов.

Среди необусловленных изменений иногда выделяется особая группа процессов "малых" (minor) изменений, для которых, в трактовке Г. Хёнигсвальда (Hoenigswald 1964, 205, 206, 214), свойственны хотя бы некоторые из следующих признаков: 1) спорадичность в отличие от регулярности, 2) скачкообразность в противоположность постепенности, 3) преимущественно диссимилиативный характер изменений при допустимости ассимилятивности, 4) дистантная обусловленность в отличие от контактной, 5) прогрессивная или двусторонняя направленность, 6) способность этого вида изменений охватывать лишь определенные классы звуков или звуковых конфигураций (плавные, носовые и т.д.), 7) некоторые из таких процессов имеют вид параллельных индивидуальных ошибок.

Описывая класс "малых" изменений, Г. Хёнигсвальд вместе с тем подчеркивал слабость оснований для выделения такого рода процессов как самостоятельной разновидности в отличие от обычных регулярных звуковых изменений.

По признаку регулярности различают систематические изменения, затрагивающие все реализации фонем, и так называемые спорадические (типа явления метатезы), затрагивающие звуки только в определенных контекстах и не являющиеся постоянными (Мартине 1960, 227, 228; Lehmann 1962, 159, 170; Мартынов 1968, 165).

По тому, о каком плане существования системы — парадигматическом или синтагматическом — идет речь, различают парадигматические изменения в общем составе фонем языка и синтагматические изменения фонем в синтагматической цепи (в фонемном составе отдельных слов или даже одном слове, где имеются условия для такого изменения, а именно, где произошло соответствующее аллофонное изменение). Выделение парадигматических фонемных изменений как особого класса составляет специфику исторической фонологии по сравнению с исторической фонетикой, в которой исследовались только синтагматические фонемные изменения.

Одним из возможных оснований классификаций звуковых изменений являются элементарные последствия, производимые процессом изменения в системе, претерпевающей это изменение. В более полных описаниях учитывают влияние произошедшего изменения не только на подсистему, в которой такое изменение совершилось, но и на другие подсистемы в рамках объемлющей их системы, например, влияние звукового изменения не только на фонологическую систему, но и на грамматическую (Hoenigswald 1960, 56, 57, 107; Соссюр 1933, 135, 196)²⁷.

Согласно принципам системного анализа, изменения фиксируются по нетождеству сопоставляемых состояний систем. Очевидно, что к таким проявлениям неотождества (к теоретически возможным последствиям звуковых изменений в фонологической системе) могут быть отнесены изменения парадигматического инвентаря единиц (элементов, связей) и

²⁷ Об изменениях по аналогии см.: Мартине 1963, 553–554; Kuryłowicz 1945; Соссюр 1933, 163–165; о морфонологических следствиях звукового изменения — Hoenigswald 1960, 99, 104.

синтагматического характера единиц в тексте²⁸. Изменения первого типа включают: добавление, устранение или качественное изменение элементов связей в системе (изменение структурно-функциональных характеристик фонем²⁹). Если элементы интерпретировать как фонемы или же фонологические признаки, а связи — как оппозиции (корреляции), то речь может идти о процессах нескольких видов. Различают класс изменений: 1) добавляющих к инвентарю единиц новые фонемы (процессы щепления, фузии, морфонологического генезиса³⁰), 2) устраняющих из него имеющиеся фонемы³¹ (полное необусловленное слияние, полная необусловленная утрата, расщепление)³² или 3) оставляющих инвентарь фонем неизменным, но меняющих их определенные структурно-функциональные и субстанциональные характеристики — сферу действия, дистрибуционные возможности звуковую реализацию (щепление со слиянием, частичная утрата, эпентеза)³³.

Далее возможен класс изменений, добавляющих или устраняющих определенные различительные признаки в фонологической системе (например, сдвиг) или же оставляющих набор признаков неизменным. Наконец, речь может идти об изменениях: 1) добавляющих новые оппозиции (корреляции) к системе (фонологизация или фонемное щепление), 2) устраняющих (снимающих) их полностью или в случае нейтрализации частично (дефонологизация или же фонемное слияние), либо изменениях, 3) оставляющих неизменным общее число оппозиций, но меняющих некоторые из таких оппозиций путем их преобразования (рефонологизация, или фонемный сдвиг) (Мартине 1960, 237; Moulton 1967, 1393, 1394)³⁴.

²⁸ О последствиях, производимых в модели замещения различными видами диссимилиации, см.: Hoenigswald 1946, 212.

²⁹ О возможности классификации звуковых изменений с точки зрения влияния на распределение фонем и их аллофонов см.: Стеблин-Каменский 1966, 15.

³⁰ Как замечает В. Мултон (Moulton 1967), щепление (split) добавляет новую фонему к фонемному инвентарю по определению, а фузия и морфонологический генезис — в случае, если они не сопровождаются слиянием.

³¹ М.И. Стеблин-Каменский (1966, 13, 14) обращает внимание на то, что возникновение новых фонем не обязательно означает увеличение общего числа фонем, равным образом как и исчезновение фонем — его обязательное уменьшение. Не исключены ситуации, когда в результате смены различительных признаков в фонеме имеет место возникновение новой фонемы и одновременное исчезновение старой, что в совокупности не приводит к увеличению общего числа фонем. Далее он замечает, что возникновение фонем может сопровождаться возникновением различительного признака; соответственно исчезновение фонем — устранением различительного признака или сочетания различительных признаков, существовавших в языке раньше.

³² Ср. в этой связи также описание А. Хиллом (Hill 1966, 81) фонетического сдвига в направлении уже существующей фонемы, приводящего к изменениям фонемной модели, а именно к совпадению двух фонем и устранению при этом одной из них из общего числа фонем.

³³ О трактовке дефонологизации, рефонологизации и фонологизации как процессов, уменьшающих число фонем в системе, меняющих их взаимоотношения и увеличивающих их количество, см.: Илич 1970, 3.

³⁴ Об исчезновении и возникновении новых фонологических оппозиций см., например: Серебрянников 1968, 102.

К последствиям синтагматического характера относится появление новых (или исчезновение старых) сочетаний фонем или комбинаций различительных признаков в синтагматической цепи, в том числе перераспределение уже существующих фонем в словах (Hill 1966, 82).

Иногда производят разбиение звуковых изменений соответственно их действию на систему фонологических оппозиций (контрастов) в языке, выделяя процессы, меняющие такую систему, и процессы, оставляющие ее неизменной, как это имеет место, например, в случаях описываемого Г. Хенигсвальдом (Hoenigswald 1960, 88) "щепления в результате переэципирования неконтрастирующих фонем".

В некоторых исследованиях при описании последствий звуковых изменений речь идет не об изменении фонем, различительных признаков или оппозиций (корреляций), а об изменении (соответственно, неизменности) различительных возможностей языка в целом (Мартине 1960, 227).

Часто при классификации по характеру последствий для фонологической системы (без уточнения их конкретного типа) звуковые изменения делят на процессы, повлиявшие на фонологическую систему (системные изменения³⁵), и изменения, не оказавшие на нее существенного воздействия³⁶, а вызвавшие лишь незначительные модификации единиц в пределах синхронного среза (Мартине 1965, 451).

Согласно А. Хиллу (Hill 1966, 81), имеется несколько типов фонетических сдвигов, не вызывающих существенной перестройки в фонемической модели:

- 1) сдвиги в произношении целого ряда фонем, приводящие к изменению значащего элемента в фонеме или фонемном ряде,
- 2) сдвиги, не приводящие к изменению в фонемической модели, несмотря на то, что изменились все фонемы, ему подвергшиеся,
- 3) комбинаторные звуковые изменения, не приводящие обязательно к фонемному сдвигу до тех пор, пока вызвавший изменение звук сохраняется.

Характеристику процесса нельзя считать полной, если не указывается его механизм, под которым понимают способ связи в единую целостность компонентов процесса, внутри- и внесистемных условий его протекания и времени реализации (см.: Никитин 1970, 44).

В исторической фонологии механизм процессов изменения (развития) трактуют как совокупность упорядоченных факторов, индуцирующих изменение. Так, А. Мартине (1960, 227, 242) производит различие процессов типа заимствования, механизм которых связан с влиянием дру-

³⁵ В трактовке В.К. Журавлева (1966б, 69), системные изменения называются трансфонологизацией, под которой понимают "любое звуковое изменение, существенное для фонологической системы, когда любой элемент фонологической системы первого синхронного состояния изменяется в соответствующей элемент фонологической системы последующего синхронного состояния".

³⁶ О моделях реаранжировки фонологических структур, а также замещениях, не модифицирующих систему и кажущихся незначительными, см. также: Lehmann 1962, 148, 156.

гих языковых систем³⁷, и процессов, механизм которых обусловлен внутрисистемно, за счет действия другого изменения в этой системе. Г. Хёнигсвальд (Hoeningswald 1960, 55, 56) рассматривает звуковое изменение как специальный случай (total) диалектного заимствования со звуковой субституцией³⁸. Я.Б. Крупаткин (1966), вслед за Е.Д. Поливановым (1968, 38), трактует фонологизацию комбинаторных вариантов как процесс, при котором "дивергенция сопутствуется той или иной конвергенцией и при этом диктуется ею"³⁹.

Описание внутреннего механизма процесса звуковых изменений производят в терминах 1) реализаций фонем, аллофонов, комбинаторных вариантов и т.д., 2) фонем и их окружений, 3) акустико-артикуляционных признаков.

В качестве примера описания первого типа можно привести трактовку происхождения новых фонем как продукта нескольких комбинаторных фонетических изменений (Плоткин 1967, 17), описание изменений фонем как процессов, в ходе которых два комбинаторных варианта сливаются в один путем обобщения одного из комбинаторных вариантов, а также описание звуковых изменений как реаранжировку аллофонов, когда некоторые из аллофонов фонемы становятся похожими на аллофоны другой фонемы и могут полностью или частично слиться с ними (Lehmann 1962, 158, 159).

В качестве образца описаний второго типа в терминах фонем и их окружений можно привести описание позиционной ассимиляции как процесса, при котором некоторые близкие друг другу в системе фонемы становятся тождественными (Milewski 1967, 1362).

Наконец, образцом анализа механизма процесса в терминах акустико-артикулярных признаков можно считать трактовку образования процессов фонемных и аллофонных изменений как определенных перемещений (перераспределений, перераспределений в различительных признаках⁴⁰) (Бодуэн де Куртене 1963а, 349, 12; Журавлев 1965, 29—47; 1967, 591; Labov 1965; Hoeningswald 1960, 73, 74; 1964б, 204; Скрелина 1973). Так, процессы спондантизации, назализации, палатализации, глоттолизации,

³⁷ Об основных типах фонетической интерференции см.: Szulc 1974.

³⁸ Говоря о сфере действия "внутреннего заимствования", имеющего место при звуковых колебаниях, Г. Хёнигсвальд (Hoeningswald 1960, 44, 56, 73) связывает ее с асимметрией фонетической структуры, функциональной нагрузкой и другими свойствами языка.

³⁹ О конвергентно-дивергентных процессах как способах фонологизации аллофонов, а также об их связи с явлениями усиления и ослабления нейтрализации фонологических противопоставлений см.: Журавлев 1976, 37, 38.

⁴⁰ Ср. трактовку ослабления как процесса изменения фонемы, одновременно и в равной мере затрагивающего все составляющие ее артикуляции (Мартин 1960, 188), а также трактовку диссимилиации как процесса, производящего изменения в фонологических признаках фонемы (Milewski 1966, 122, 123). О сведении процесса трансфонологизации к явлению взаимозамены между дифференциальными и интегральными признаками, а также о трактовке процессов палатализации, лабиовеляризации согласных, делабиализации гласных как переноса признаков палатальности и лабиальности с гласного на соседний согласный см.: Журавлев 1967, 591.

ассимиляции, компенсаторного удлинения, флюктуации между тонами и ларингальными фонами, фрикации описываются как процессы изменения соответственно места и способа артикуляции, позиции небной занавески, участия голосовых связок (Lehmann 1962, 155; Журавлев 1965, 36; Hoenigswald 1960, 24)⁴¹.

Говоря о расширении фонологических возможностей, Г. Хёнигсвальд (Hoenigswald 1960, 96–98) особо останавливается на случаях возникновения новой комбинации существующих различительных признаков, изменения окружения единиц, а также перезачисления аллофона исконной фонемы в новую иноязычную фонему в результате иноязычного влияния на фонологическую систему.

В зависимости от того, идет ли речь об изменении состава признаков или комбинаций их внутри фонемы, или от того, касаются ли изменения парадигматического или синтагматического планов, можно выделить несколько базисных типов механизмов.

Во-первых, имеются парадигматические изменения различительных признаков, касающиеся изменений в составе и числе различительных признаков внутри фонем (но не в их комбинациях). В состав этого класса входят:

а) процессы возникновения нового признака при сохранении всех старых признаков, приводящие к увеличению в системе как числа различительных признаков, так и фонем;

б) процессы изменения различительного признака в признак, новый для системы, при которых один из старых признаков состава фонем сменяется новым, так что общее число признаков в системе не увеличивается;

в) процессы изменения функциональной значимости признаков, в частности, превращение дифференциальных признаков в интегральные и наоборот; см. описываемую В.К. Журавлевым (1968, 62) трансфонологизацию признака лабиальности в признак дентальности, проявляющуюся на реляционно-физическом уровне как фонологизация интегрального признака дентальности⁴².

Далее имеются парадигматические изменения различительных признаков, касающиеся преобразования их комбинаций в рамках фонем, в том числе и при сохранности их состава. К этому случаю относится возникновение новых фонем в результате образования ранее не встречавшихся в языке сочетаний различительных признаков в ходе заполнения "пустой клетки" или при заимствовании фонем⁴³. Процесс частичного перераспределения различительных признаков был описан М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 36) на примере распада противопоставления /s-z/

⁴¹ О классификации звуковых изменений по фонетическим признакам см.: Grammont 1933; Hoenigswald 1960, 74; о фонетическом механизме переходов см.: Стеблин-Каменский 1966, 122, 123.

⁴² Подробнее о сведении проблемы трансфонологизации фонем и дифференциальных признаков к проблеме "трансфонологизации дифференциального в интегральный признак" см.: Журавлев 1965, 30, 31, 46; Иванов 1968, 24, 220.

⁴³ О корреляциях как средстве увеличения числа фонем в языке без соответствующего увеличения числа различительных артикуляций см.: Мартин 1960, 134.

и возникновения /г-г̃/, когда звонкость стала irrelevantной в одной фонеме (не исчезнув из нее фонетически), но осталась релевантной в других; раскатистость стала релевантной в двух фонемах, будучи раньше релевантной только в одной, а сибилантность сохранила свою релевантность в обеих фонемах.

Наконец, имеются синтагматические изменения различительных признаков фонем, состоящие обычно в их переносе с одного отрезка речевого потока на другой (Мартине 1960, 242, 243; Мартынов 1968, 99). При этом возможны различные ситуации в зависимости от того: 1) переносятся ли с одной фонемы на другую различительные признаки (случай а) или неразличительные (б), 2) идет ли речь о переходе на соседний отрезок речевой цепи различительного признака в неразличительный (а) или наоборот (б), 3) происходит ли последующее исчезновение этого отрезка (а) или нет (б), 4) приводит ли такое распространение фонетического признака к появлению новой фонемы (а) или нет (б). Случай 4б, в трактовке А. Мартине (1960, 244, 245), представляет собой процесс, традиционно называемый ассимиляцией, случай 1б 2а 3а – лишь теоретическая возможность, случай 1а фиксирует процесс, являющийся наиболее распространенным видом изменений описываемых типов.

Характеристика основных типов процессов звуковых изменений

Рассмотрим подробнее некоторые типы звуковых изменений, традиционно выделяемые в исторической фонологии, производя их описание в терминах расчленений, предложенных при анализе аспектов изучения процессов. Для каждого типа изменений будем (по возможности) отмечать, в контексте каких противопоставлений обычно выступает этот тип, так как многие из таких типов в рамках одной теоретической концепции являются взаимоисключающими. Отражая примерно одну и ту же эмпирическую область фактов, но будучи построенными с помощью разных теоретических средств, они являются различными идеальными объектами в рамках конкурирующих теорий.

Широкую популярность в исторической фонологии получила типология звуковых изменений Р. Якобсона (Jakobson 1962, 202–220)⁴⁴, согласно которому звуковые изменения, оказывающие воздействие на фонологическую систему, рассматриваются как реализации определенных фонологических мутаций. Особенностью теории Р. Якобсона, является то, что в ней рассматриваются процессы не между отдельными элементами, а оппозициями – парой единиц ('прототипов'), объединенных отношением про-

⁴⁴ В своей классификации Р. Якобсон опирался на теорию фонетических конвергенций Е.Д. Поливанова (см.: Виноградов 1964, 13) и прежде всего на его классификацию историко-фонетических изменений (Поливанов 1968, 98, 111). О конвергентно-дивергентных процессах в фонологической системе см. также: Журавлев 1967, 36–47. О других вариантах построения типологии звуковых изменений см.: Hill 1966; Мартине 1960; Moulton 1967; Hoenigswald 1946, 1960; Bhat 1971; Lehmann 1962; Penzl 1957; Ивич 1970; Steblin-Kamenskij 1960; Журавлев 1966б, 70; Блумфилд 1968, 379–426; Авксентьева 1971; Бодуэн де Куртене 1963а, 265–347.

тивопоставленности на одном состоянии языковой системы и парой единиц ("рефлексов прототипов") на втором состоянии. Если первую пару (исходное состояние процесса) обозначить как $A - B$, а вторую пару (результатирующее состояние процесса) — как $A_1 - B_1$, то формула мутации будет иметь вид: $A:B > A_1:B_1$. Возможно представить два типа мутаций: 1) где одно из различий фонологично, например, $A:B$ или же, напротив, $A_1:B_1$, а второе — нефонологично, и 2) где оба различия $A:B$ и $A_1:B_1$ фонологичны.

Мутация, в которой лишь первый компонент ($A:B$) содержит фонологическое различие, называется согласно Р. Якобсону, дефонологизацией (*Entphonologisierung*), или процессом утраты фонологического различия. Мутация, в которой фонологическое различие содержит лишь второй компонент ($A_1 - B_1$), согласно Р. Якобсону, называется фонологизацией, или процессом возникновения фонологического различия.

Особенность мутации, в которой оба ее компонента содержат фонологические различия, состоит в том, что различия $A:B$ и $A_1:B_1$ принципиально не тождественны друг другу. Мутация, в которой произошло преобразование одного типа фонологического различия в другой, называется, по Р. Якобсону, трансфонологизацией (или рефонологизацией) (*Umphonologisierung*).

Процессы дефонологизации, фонологизации и трансфонологизации имеют свои разновидности.

Для классификации процессов дефонологизации, согласно Р. Якобсону, релевантны следующие моменты: отношение фонем до мутации (отношение прототипов), отношение между рефлексами, отношение между каждым рефлексом и его прототипом. Для первого случая обращается внимание на фонологический характер противопоставления $A:B$, а именно на то, было ли оно коррелятивной или дизъюнктивной парой. Если противопоставление $A:B$ было коррелятивной парой, то представляет интерес отметить, исчезла ли корреляция в целом или просто уменьшилось число ее коррелятивных пар. Для второго случая обращается внимание на характер внефонологического отношения $A_1 - B_1$, а именно отмечается, представляет ли оно собой вариацию (комбинаторную, стилистическую, комбинаторно-стилистическую) или отношения между двумя различными реализациями одной и той же фонемы.

При классификации процессов фонологизации обращается внимание на то, возникает ли в результате этого процесса новая корреляция или нет. При этом возможны случаи: $A_1 - B_1$, в которое переходит $A - B$ (где A и B комбинаторные варианты), может оказаться дизъюнктивной парой, парой из термов вновь образвавшейся корреляции или же парой из термов уже существующей корреляции.

Для классификации трансфонологизаций, как и для предыдущего случая, релевантно: 1) является ли рассматриваемая пара элементов ($A : B$ или же $A_1 : B_1$) коррелятивной или же дизъюнктивной парой; 2) исчезла ли при этом корреляция, сохранилась или возникла вновь. Кроме того необходимо учитывать ситуацию, когда коррелятивная пара отрывается от своей корреляции и присоединяется к другой, а также, когда одна корреляция превращается в другую.

С учетом первых двух признаков теоретически возможны следующие типы трансфонологизаций (отмечаемые Р. Якобсоном): 1) коррелятивная пара становится дизъюнктивной при сохранении корреляции, 2) коррелятивная пара становится дизъюнктивной при исчезновении корреляции, 3) дизъюнктивная пара становится коррелятивной при том, что сама корреляция, к которой принадлежит эта пара, уже существовала раньше, 4) дизъюнктивная пара становится коррелятивной парой при том, что возникает новая корреляция.

Термин "фонологизация" в современной лингвистике имеет две традиции употребления, обозначая возникновение фонологического различия в целом (или "процесс фонологической валоризации" — приобретения фонологической значимости) и частный процесс приобретения вариантом фонемы фонологических свойств и превращения его в "семиологически релевантный элемент звуковой системы языка" (Ахманова 1966, 498).

Различают несколько разновидностей фонологизаций в широком смысле слова:

- 1) превращение позиционного комбинаторного варианта фонемы в самостоятельную фонему (процесс фонологизации аллофона);
- 2) фонологизацию через "пустую клетку" с вариантом, известным под названием парадигматической фонологизации;
- 3) фонологизацию подакцентных гласных и согласных;
- 4) фонологизацию за счет изменения числа признаков фонем в синтагматической цепи.

Суть процесса "фонологизации аллофона" сводится к тому, что комбинаторные варианты какой-либо фонемы превращаются в особые фонемы в результате выравнивания контекстов, в которых выступали эти варианты, следствием чего является так называемое (рас-)щепление фонемы в системе (Ивич 1970, 4)⁴⁵.

В терминологии Я.Б. Крупаткина (1966, 16), рассматриваемый тип фонологизации, сопровождаемый изменением комбинаторных условий, получает название синтагматической фонологизации в отличие от парадигматической фонологизации, не сопровождаемой изменением такого рода⁴⁶.

В процессе возникновения фонем при фонологизации обычно действенную роль играют несколько звуков: позиционный вариант, который затем становится новой фонемой, и примыкающий звук (контекст).

В случае синтагматической фонологизации речь идет о двух комбинаторных вариантах фонемы, обусловленных различными окружениями и находящихся, таким образом, по существу, в дополнительном распределении в зависимости от своего окружения. В ходе синтагматической фонологизации происходит исчезновение различия между этими окружениями, которые могут стать тождественными либо за счет фонологического совпадения элементов, вызывающих позиционное варьирование, либо

⁴⁵ Впервые модель фонологизации аллофона была разработана У.Твэдделлом (Twaddell 1938; Стеблин-Каменский 1962) на материале фонологизации продуктов умлаута.

⁴⁶ О синтагматической фонологизации см.: Стеблин-Каменский 1966, 14, 15; Ивич 1970, 6; Биршерф 1940, 47; Twaddell 1938, 87; Trnka 1936.

за счет устранения хотя бы одного из этих элементов (Ивич 1970,4)⁴⁷. В результате исчезновения различия между контекстами комбинаторные варианты фонем оказываются в одинаковом окружении. Хотя физически комбинаторные варианты после изменения в окружениях не претерпели никакой модификации, с чисто фонологической точки зрения они интерпретируются уже не как варианты фонем, а как самостоятельные фонемы, имея другой состав различительных признаков по сравнению с теми фонемами, из комбинаторных вариантов которых они образовались. Произошедший процесс изменения позиционного варианта в самостоятельную фонему является, таким образом, лишь функциональным, а не физическим изменением.

Основные разногласия в трактовке синтагматической фонологизации касаются обычно интерпретации механизма процесса и прежде всего проблемы относительной хронологии двух подпроцессов: совпадения контекстов и собственно превращения вариантов в самостоятельные фонемы, т.е. определения того, произошла ли собственно фонологизация аллофонов после совпадения контекстов или до такого совпадения.

Одно из решений этого вопроса предполагает, что фонологизация различия происходит после исчезновения дифференциации окружения и что второй процесс есть следствие первого⁴⁸, другое решение, — что фонологизация происходит до совпадения контекстов в результате дополнительных причин и что первый процесс есть опосредованное следствие второго.

Выбор одного из двух решений зависит от того, считаются ли аллофоны (комбинаторные варианты), превращающиеся в самостоятельные фонемы, только чисто физиологическими продуктами регрессивной ассимиляции, обусловленными контекстом, или результатами каких-либо еще дополнительных явлений.

Критики первого решения обращают внимание на то, что если аллофоны по определению есть позиционно обусловленные реализации фонем, то они возникают только при изменившемся контексте и не образуются, если контекст не меняется. Соответственно они должны сохраняться до тех пор, пока контекст неизменен, и исчезать вместе с изменением контекста (с устранением условий своего возникновения)⁴⁹. Из принятия допу-

⁴⁷ Многие исследователи (см., например: Hill 1966, 82) обращают внимание на трудности определения момента, когда звук, вызывавший комбинаторное изменение, повлекшее за собой расщепление некогда единой формы, может считаться утраченным.

⁴⁸ Согласно А. Мартине (1960, 243, 244), комбинаторный вариант "может получить различительное значение, т.е. превратиться в новую фонему, только если по крайней мере в некоторых случаях причина, обусловившая его возникновение, устранена". По словам А. Ивича (1970б), ситуация фонологизации, когда процесс изменения захватывает только позиционный вариант фонемы, превращающейся в новую фонему в ходе спонтанного развития, и не затрагивает фонетического окружения звука, претерпевающего изменения, является крайне редкой.

⁴⁹ А. Мартине (1960, 244), анализируя процесс заимствования фонемой релевантной характеристики у соседней фонемы, не теряющей при этом такой характеристики, обращает внимание на ситуацию, когда различительный признак, обусловивший возникновение комбинаторного варианта, не исчезает, но перестает оказывать на соседнюю фонему влияние, приводившее ранее к возникновению комбинаторного варианта.

щения о том, что аллофоны не могут сохраняться при изменении контекста, следует, что исчезновение (редукция) окружения должно привести к обязательной модификации рассматриваемого аллофона — утрате его позиционно обусловленного качества. Отсутствие последнего обстоятельства и служит главным аргументом в пользу утверждений о том, что: 1) процесс фонологизации, при котором соответствующее качество аллофона, полученное им когда-то от окружения, перестает быть лишь комбинационным качеством, зарождается (начинается) и реализуется "еще в недрах старой фонемы", чем и подготавливается "разделение оттенков, составляющих одну фонему, на две отдельные фонемы" (Зиндер 1957, 77); 2) совпадение окружений, совершаемое после возникновения новых фонем, есть следствие, а не причина фонологизации.

По мнению Я.Б. Крупаткина (1962, 57), регрессивная ассимиляция под влиянием контекста объясняет в лучшем случае лишь возникновение аллофонов и не вскрывает причину образования новых фонем именно в определенной эпоху, так как контекст уже существовал раньше. Отклонение фактора совпадения контекстов в качестве причины фонологизации поднимает вопрос о дополнительных мотивах этого явления, поиски которых и составляют одну из нерешенных задач исторической фонологии.

Модель фонологизации через пустую клетку основывается на представлении о возможности образования в фонологической системе такой комбинации различительных признаков, которая ранее в этом языке не встречалась; например, в языке, имеющем согласные фонемы /b/, /d/, /g/, такой новой комбинацией различительных признаков явится сочетание заднеязычности и назальности в составе теоретически возможной фонемы /ŋ/, появление которой и означало бы заполнение пустой клетки.

Вариантом фонологизации через пустую клетку является парадигматическая фонологизация, или процесс возникновения фонемы под действием давления одних лишь системных факторов при неизменяющемся фонетическом контексте. Примером такого процесса может служить описанная Я.Б. Крупаткиным (1966) фонологизация древнеанглийского краткого носового $\tilde{a}$, вызванная наличием в системе долгих гласных носовой фонемы $\tilde{a}:$.

При наличии частичного сходства (отсутствие изменения в окружении), фонологизация через пустую клетку и парадигматическая фонологизация имеют и определенные различия, связанные с тем, был ли известен в фонетической системе звук, оформляемый позднее в новую фонему, или он как некая физическая сущность появляется непосредственно под давлением системы. В основе парадигматической фонологизации лежит допущение о том, что такой звук уже существует в языке, а в основе фонологизации через пустую клетку — допущение о том, что он возникает исключительно под давлением системы.

Согласно Я.Б. Крупаткину (1966, 16), варианты фонем в ходе парадигматической фонологизации, прежде чем достигнуть непосредственной автономности, проходят период, когда они становятся косвенно автономными.

Критические возражения в адрес модели фонологизации через пустую клетку сводятся обычно к перечислению ряда эмпирических фактов, про-

тиворечащих этой модели. Среди таких контрпримеров отмечают: 1) не-заполняемость пустых клеток в фонологической системе в течение длительного времени, 2) возможность возникновения новых фонем в фонологических системах без пустых клеток.

Механизм фонологизации подакцентных гласных и согласных (Каннелсон 1966, 296, 297) состоит в переходе различительного признака с суперсегментного уровня на фонематический. Возникновение новых фонем в этой модели связывается с переносом релевантности на фонематический уровень.

Фонологизация за счет изменения признаков фонем, примером которой могут служить происходящие в синтагматической цепи фонем процессы монофтонгизации и назализации, включает процессы превращения сочетания фонем в новую фонему или слияния фонем в синтагматической (речевой) цепи⁵⁰. Фонологический механизм этого процесса состоит в преобразовании сегментной фонемы в признак, причем фонема, становясь однопризнаковой, превращается в синтагматическое воплощение этого признака.

В отличие от других типов фонологизации, где обычно не бывает сомнений относительно завершенности процесса возникновения новых фонем, в случае синтагматического слияния не всегда очевидно, действительно ли в языке уже образовались новые фонемы, т.к. граница между бифонемным сочетанием и фонемой с увеличившимся числом признаков является весьма зыбкой. Это частично обуславливается тем, что процесс синтагматического слияния фонем осуществляется чаще всего в течение длительного времени.

В результате синтагматической фонологизации увеличивается число фонем в системе и не происходит обычно устранения каких-либо других фонем, в том числе даже тех сочетаний, которые послужили источником новых фонем, поскольку рассматриваемые процессы слияния редко охватывают все позиции.

Аналогом понятия фонологизации в некоторых лингвистических концепциях является в известной степени "щепление"⁵¹, понятия дефонологизации — "слияние" и наконец, понятия трансфонологизации — "сдвиг" (shift).

Под щеплением (split), примером которого может служить разложение среднеанглийского /n/ на современное английское /n/ и /ɲ/, понимается процесс раздвоения фонем⁵² (Lehmann 1962, 153, 156; Bennett 1956; Moulton 1967, 1394, 1395; Penzl 19476).

Различают две разновидности щепления — парадигматическое и синтагматическое. Примером первого является отмечаемое М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 16, 44, 45, 137) превращение дифтонга в определенных положениях в монофтонг в ситуации, когда дифтонг не исчезает из

⁵⁰ Об отличии рассматриваемого слияния от классического случая фонологизации — совпадения двух фонем в системе см.: Ивич 1970, 4.

⁵¹ Ср. отнесение М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 14, 15) к числу парадигматического расщепления фонем процесса превращения аллофона в самостоятельную фонему.

⁵² О частичном щеплении фонем см.: Herrlitz 1970, 28, 29.

языка совсем, а монофтонг не существовал раньше; примером второго — переход одной фонемы в сочетание фонем, а также превращение монофтонга в определенных положениях в дифтонг.

Считается (см. об этом: Moulton 1967), что щепления фонем обязаны своим происхождением некоторому другому фактору (независимому империю, "решающей инновации", "поливановскому фактору") типа: 1) появления другого фонологического изменения; 2) морфонологической аналогии, как это имеет место в русском языке при появлении фонологической оппозиции /к/ — /к'/ из аллофонической оппозиции [к — к']; 3) заимствования, особенно диалектного заимствования, когда в результате смещения диалектов два звука (фона) оказываются в фонологической оппозиции.

Слияние, или процесс совпадения фонем, примером которого может служить слияние древнеанглийских /i/ и /y/ в древнеанглийское /i/, — центральный процесс в звуковом изменении (Lehmann 1962, 156; Moulton 1967, 1395; Bennett 1967; Hoenigswald 1960, 77). Этот тип изменений выделяется в ряде теоретических концепций наряду с такими типами, как щепление и сдвиг. Процесс слияния получил свое название по имени основного соотношения между членами генетической пары процесса.

С точки зрения характера протекания слияние в отличие от аллофонного изменения не представляет собой постепенного перехода одной фонемы в другую (Стеблин-Каменский 1966, 10, 71, 72). В ходе этого процесса сливающаяся фонема становится функционально не вполне самостоятельной, выступая то как фонема, то как ее аллофон; причем такое колебание может иметь место в продолжение весьма долгого времени вследствие того, что разные фонемы могут встречать сопротивление неодинаковой силы.

Различают несколько типов базисных механизмов слияния: 1) постепенное фонетическое сближение реализаций сливающихся фонем до тех пор, пока после длительного перехода флюктуации обе фонемы не сольются; 2) действие другого, совершенно независимого изменения; при этом звуковые единицы (фоны) никогда сами не меняются фонетически⁵³ (Moulton 1967, 1394—1396).

Последствия слияния фонем для системы могут быть самыми разнообразными. В результате такого изменения, может измениться, например, локализация контраста, как это имело место в случае описываемого Г. Хёнигсвальдом (Hoenigswald 1960, 77) перехода индоевропейских *k^we и *k^wo с контрастирующими гласными в индоиранские ka и sa с согласными, контрастирующими, благодаря произошедшему слиянию гласных.

Обычно различают обусловленные и необусловленные слияния, а также слияния в парадигматическом и синтагматическом планах.

Разновидностью процесса слияния является так называемый к а т а л и з, обладающий, в трактовке А. Мартине (1960, 122—125), следующими осо-

⁵³ Ср. также трактовку процесса слияния (конвергенции, совпадения двух фонем) у В.К. Журавлева (1965, 61) как постепенного полного исчезновения оппозиций от нейтрализации в одной позиции к нейтрализации в другой и во всех остальных.

бенностями. Этот процесс не вызывает серьезного смещения слов или форм. В ходе катализа происходит смешение двух характерных артикуляций, приводящее к слиянию. Следствием катализа, как и параллельного смусфункциональной точки зрения процесса заполнения пустой клетки, является артикуляторная экономия без ущерба для потребностей общения.

На реализацию процесса слияния оказывают влияние разнообразные факторы, в том числе структурно-функциональные. В качестве примера можно привести описываемую А. Мартине (1960, 239) ситуацию процесса исчезновения фонем, когда "малой степени структурного включения оказывается недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать слиянию двух фонем" (см. также: Lehmann 1962, 157; Стеблин-Каменский 1966, 16, 38; Hoenigswald 1960, 76, 77)⁵⁴.

Весьма распространенным типом изменений является сдвиг (shift) или передвижение, примером которого может служить германское передвижение согласных. Термин "передвижение" используется обычно для обозначения звуковых изменений, обладающих следующими чертами (Стеблин-Каменский 1966, 90, 102; Мартине 1960, 233–237; Moulton 1967, 1393–1397; Herrlitz 1970, 28, 29, 37).

Такие изменения, во-первых, не влияют на состояние различительных возможностей языка и не приводят ни к устранению (полному или частичному) фонологических противопоставлений, ни к появлению новых различительных единиц, ни к устранению каких-либо фонемных границ. Во-вторых, изменения такого типа модифицируют природу некоторых уже существующих противопоставлений единиц путем переформулировки лежащих в их основании различительных признаков, поскольку при этом меняется фонетическая основа противопоставлений и соответственно отношения участвующих в них фонем к другим фонемам⁵⁵.

Характерной особенностью передвижения является то, что изменения анализируемого типа касаются фонологических отношений двух или более серий, т.к. в рассматриваемом случае происходят изменения в отношениях между фонологическими признаками, различающими серии. Наконец, как отмечают некоторые исследователи (Herrlitz 1970, 37), при фонемном сдвиге происходит также изменение различных признаков соседней фонемы.

Говоря о внутреннем механизме сдвига, обычно признают, что сдвиг может осуществляться вследствие изменения места артикуляции (ср. процессы типа перехода лабиальных в лабиодентальные), способа артикуляции (процессы перехода смычных в фрикативные), позиции небной занавески (деназализация), позиции голосовых связок (оглушение).

По мнению В. Херрлитца (Herrlitz 1970, 37), причина фонемного сдвига лежит скорее всего в спонтанном звуковом изменении.

⁵⁴ О роли дополнительного распределения для процесса слияния фонем см.: Kurath 1956, 2.

⁵⁵ Ср. описываемую М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 102) смену корреляции звонкости у смычных корреляцией по придыханию в ходе исландского передвижения.

Помимо слияния, щепления и сдвига, имеются некоторые более частые типы изменения. К числу таких изменений относится щепление со слиянием. Как уже явствует из названия, тип изменения, имеющий такое наименование, встречается в типологиях звуковых изменений, включающих щепление и слияние.

Имеется несколько синонимичных обозначений для этого вида изменения в различных школах исторической фонологии: 1) первичное щепление (Hoenigswald 1960, 77), 2) обусловленное слияние с первичным щеплением (Hoenigswald 1960, 91, 92), 3) обусловленное изменение или слияние, 4) частичное слияние⁵⁶ (Penzl 1957; Moulton 1967, 1398). Первое наименование, по словам В. Мултона (Moulton 1967, 1396–1398), вызывает возражения на том основании, что рассматриваемый вид щепления нельзя считать первичным ни в каком ясном смысле слова и что оно включает также слияние. Второе название, содержащее упоминание о щеплении и слиянии, является, по мнению В. Мултона, более удачным, хотя и содержит элемент избыточности, поскольку случаи другого типа обусловленного слияния неизвестны. Последнее наименование является удобным в том смысле, что оно подчеркивает параллелизм рассматриваемого процесса с частичной утратой⁵⁷.

Суть рассматриваемого процесса состоит в том, что в ходе щепления часть из отщепившихся аллофонов фонемы сливается с аллофонами из другого источника, а часть аллофонов продолжает сохраняться в исходной фонеме. У. Леман (Lehmann 1962, 156, 157) описывает ситуацию, когда [v], отщепляющийся от прагерманской фонемы /f/, сливается с [v], происходящем из протоиндоевропейского /bh/.

К числу дистрибутивных последствий щепления со слиянием относится расширение членов одной фонемы с редукцией в членах другой или, в других терминах, уменьшение сферы действия одной фонемы (охвата лексики) и увеличение сферы действия другой.

Структурные последствия этого вида изменений определяются обычно негативно: считается, что оно не приводит ни к увеличению фонемного инвентаря, ни к его уменьшению, как это делает слияние, ни к изменению фонемной структуры.

Механизм щепления со слиянием, по В. Мултону (Moulton 1967, 1398), включает следующие моменты: 1) в некотором частном окружении фонема развивает новый аллофон, который становится все более похожим на аллофон другой фонемы до тех пор, пока они не станут фонетически идентичными; 2) став фонетически идентичным с аллофоном другой фонемы, этот аллофон тем самым "отталкивается" от одной фонемы и сливается с другой. Что же касается движущих сил щепления

⁵⁶ Ср. в этой связи описание М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 143) частичного пагматического слияния, а именно процесса изменения "толстого l", ставшем функциональным l только тогда, когда оно вытеснило некоторые аллофоны фонемы /l/, т.е. частично слилось с ним. Неясен статус такого слияния, а именно представляет ли оно собой незавершенный процесс, промежуточный этап к полному слиянию или особый тип процесса.

⁵⁷ Упомянув об этом типе изменения, Р. Якобсон (см.: Moulton 1967, 1396–1398) в своей классификации звуковых изменений не дает ему специального названия.

со слиянием, то считается, что данный вид изменения, подобно чистому щеплению, требует "поливановского фактора".

В типологии звуковых изменений Г. Хёнигсвальда и У. Лемана выделяется особый вид изменений, называемый **вторичным щеплением**, или процесс превращения аллофонов в самостоятельные фонемы, когда часть или все из определяющих их окружений совпадают без одновременного снятия фонетического различия между рассматриваемыми аллофонами. В качестве примера этого процесса может служить превращение раннедревнеанглийских переднерядных огубленных аллофонов фонем /o o :/ и /u u :/ в фонемы /ø ø :/ и /y y :/, когда обуславливающие их фонемы /i i :/ и /j/ были изменены, при том что фонемы /o o :/ и /u u :/ были сохранены в системе (Hoenigswald 1960, 93,94; Lehmann 1962, 158). В трактовке У. Лемана, вторичное щепление представляет собой такое изменение, при котором введение новых фонем осуществляется путем щепления независимо от того, произошла ли утрата обуславливающих признаков для одного набора аллофонов.

Как и первичное щепление (т.е. щепление со слиянием), вторичное щепление фактически есть только следствие процесса слияния и оно не может поэтому носить спонтанный характер (Hoenigswald 1960, 78). Говоря о различии между первичным и вторичным фонемными щеплениями, Г. Хёнигсвальд (Hoenigswald 1960, 77, 78) и У. Леман (Lehman 1962, 158) отмечают, что оно обусловлено в значительной степени избранными принципами сегментации.

В типологии звуковых изменений В. Мултона выделяются два типа изменений, связанных с превращением фонемы в сочетание фонем и сочетания фонем в отдельную фонему, называемых соответственно **расщепление** (fission) и **фузия** (fusion).

Расщепление (fission), или дифонемизация, примером которого может служить разделение протоиндоевропейских единых фонем k^w и g^w в древнеанглийском в фонемные сочетания kw и gw (Penzl 1957, 194, 197; Moulton 1967, 1399, 1400), по некоторым своим признакам частично подобно щеплению, а частично отличается от него. Сходство касается механизма этих процессов. Звуковые единицы, подвергшиеся таким изменениям, не обязательно меняются фонетически. В случае обоих видов изменений имеет место другое изменение ("поливановский фактор"), который ведет к их новой фонологической интерпретации. Различие касается структурных последствий процессов: если щепление добавляет к фонемному инвентарю новые фонемы, то расщепление, напротив, устраняет из него старые фонемы.

Фузия, образцом которой может служить процесс изменения раннедревнеанглийского сочетания фонем /sk/ в среднеанглийском в единую фонему /ʃ/ (Moulton 1967, 1400), находится примерно в таком же отношении к слиянию, как и расщепление (fission) к щеплению (split). Их механизмы (т.е. механизмы фузии и слияния, расщепления и щепления) схожи, а структурные последствия — различны. Как и слияние, фузия подразумевает существование "поливановского фактора" — других изменений, ведущих к фонологической реинтерпретации. Что же касается структурных последствий, то в отличие от слияния, устраняющего

фонему из фонемного инвентаря, фузия может в него добавить новую фонему (Moulton 1967, 1400, 1401).

Следующие типы изменений — утрата и эпентеза — связаны с устранением или, напротив, появлением определенного элемента.

Имеются два типа изменений, связанных с утратой компонента. К ним относится, во-первых, полная, обусловленная утрата, примером которой может служить исчезновение *h* во всех позициях в некоторых сербохорватских диалектах или же подобная утрата древнего *h* в поздней латыни (Hoenigswald 1960, 91). Этот процесс относится к числу редких. Во-вторых, встречается частичная или обусловленная утрата, примером которой является изменение начального *kn* в ранненованглийском в *n*, когда аллофон ранневерхнеанглийского *k* сливается с $\emptyset$ (нулем)⁵⁸ (Hoenigswald 1960, 92; Moulton 1967, 1399).

Обычно утрата интерпретируется как слияние с нулем. Подобная трактовка имеет как свои недостатки, так и определенные преимущества. Недобства, связанные с постулированием нулей, состоят в возрастании произвольности описания; преимущества — в увеличении полноты, экономичности и большей адекватности описания, что позволяет, в частности, использовать термин "утрата" для наименования обеих ситуаций устранения элемента, а также рассматривать утрату и частичную утрату таким же образом, как слияние и частичное слияние (щепление со слиянием)⁵⁹.

К процессам утраты элемента относится также эпентеза, примером которой может служить изменение древнеанглийского */nɣ/* в среднеанглийское */ndr/* (Moulton 1967, 1402). Частные проявления эпентезы известны под названиями анаптиксиса, сварабхакти, звукового нароста, обусловленного добавления или приращения с первичным щеплением, т.е. с обусловленным слиянием. Рассматриваемый процесс в определенном смысле слова можно считать обратным по отношению к собственно "утрате".

Обсуждая случаи обусловленной утраты, Р. Якобсон (Jakobson 1962, 215) предполагает невозможным существование явления, противоположного данному, а именно такого, чтобы звуковой нуль при каких-либо условиях превратился в фонему. В случае эпентезы имеет место более сложный процесс⁶⁰. Для механизма звукового нароста существенно следующее (Moulton 1967, 1402). Это явление, по всей видимости, всегда включает слияние, так как развившийся звук обязательно отождествляется с какой-либо уже существующей фонемой (в противном случае речь бы шла уже не об эпентезе, а о развитии нового аллофона). Эпентеза не исключает возможности действия "поливановского фактора". По мнению Г. Хёнигсвальда (Hoenigswald 1960, 93), приращение может быть также обязано вторичному щеплению определенного типа.

Морфонологический генезис (Moulton 1967, 1393–1405) представляет собой изменение, в ходе которого фонемы возникают путем морфоно-

⁵⁸ Подробнее о типах изменений, связанных с утратой, см.: Morag 1959, 91; Hoenigswald 1960; 90–92; Penzl 1957, 197; Herrlitz 1970, 29; Lehmann 1962, 158.

⁵⁹ Ср. интерпретацию этого случая Г. Хёнигсвальдом (Hoenigswald 1960, 92) как обусловленной утраты с первичным щеплением.

⁶⁰ О возможности фонологического изменения *sr* в *str* без физического изменения в морфах см.: Hoenigswald 1960, 93.

логической аналогии. Примером такого явления может служить отмечаемое В. Мултоном появление нового $\ddot{o}$ в швейцарском немецком языке из морфонологической аналогии: $/u/ : /ü/ = /o/ : /ö/ = /ɔ/ : /x/$, где $x = \ddot{o}$.

Не добавляя новых дифференциальных признаков в фонологическую систему, морфонологический генезис через аналогию приводит к таким комбинациям различительных признаков, которые ранее не использовались. Этим он напоминает фонологическое щепление через аналогию типа русского *тк'ош*. Однако в отличие от фонологического щепления через аналогию, когда звуковые единицы (фонемы), используемые для образования новой фонемы, уже существовали раньше в качестве аллофонов, в случае морфонологического генезиса через аналогию такие единицы реально не встречались, так как новая фонема создается на основе модели содержащихся в системе дифференциальных признаков.

Очевидно, что описываемые Мултоном процессы морфонологического генезиса через аналогию и фонологического щепления через аналогию эквивалентны в определенном плане процессам парадигматической фонологизации и фонологизации через пустую клетку.

Во многих концепциях (см.: Стеблин-Каменский 1966, 9, 10, 12, 21; Мартине 1960, 72; Herrlitz 1970, 33) в противовес фонологическим изменениям выделяется специальный класс аллофонных (фонетических, фонических, внефонологических, дивергентных) изменений, касающихся норм фонетической реализации аллофонов фонем в определенных позициях при сохранении имеющейся в языке систематики фонологических единиц. Этот вид изменения, получивший свое название по имени основной меняющейся единицы — аллофона, по словам М.И. Стеблина-Каменского (1966), не сознается обычно говорящими и не отражается на письме в отличие от фонологических изменений, оставляющих свой особый след в фонологической системе. По причине этого рассматриваемый тип изменений не интересовал классическую историческую фонетику и оставался вне предмета ее исследования.

С фонологической точки зрения считается, что аллофонные изменения осуществляются постепенно, в течение длительного периода времени, хотя такой постепенный характер процесса и не выделяется часто в качестве основного признака этого типа изменений.

Считается, что аллофонные изменения возникают обычно как результат взаимодействия звуков в синтагматической цепи или же вследствие появления в языке новых сочетаний фонем, благодаря лексическим заимствованиям. Среди аллофонных изменений выделяют особые подклассы типа аллофонических щеплений и слияний (Moulton 1967, 1393, 1394).

Важной задачей исторической фонологии является моделирование не только элементарных форм процессов в фонологической системе, а также сложных процессов и их комплексов — одновременных (сосуществующих) или разновременных (последовательных или частично совпадающих во времени), протекающих внутри одной системы или в рамках одновременно существующих родственных диалектных систем.

К числу сложных и малоизученных вопросов исторической фонологии относится построение модели генезиса фонологической системы

в целом и, в частности, определение диахронических, или "вертикальных", связей процессов в рамках процессуальной схемы ее исторического движения⁶¹.

Известны две модели генезиса системы — "симметрическая" и "асимметрическая". В основе первой лежит идея о ритмической повторяемости процессов нарушения равновесия и его последующего восстановления, опирающаяся на гипотезу о том, что в языке, в том числе фонологической системе, часть изменений носит "терапевтический характер" (Vachek 1966, 21–23), возникая в силу внутренней необходимости: несовершенства целой системы или отдельных ее звеньев.

Вторая модель исходит из предположения, что восстановление равновесия в системе не всегда наступает непосредственно вслед за его нарушением ("звуковая эволюция не совершается волнами от одного периода устойчивости к другому"; Мартине 1960, 54), так как тенденция к равновесию в свою очередь встречает сопротивление со стороны факторов физиологического и акустического характера.

Иногда делается попытка представить комплексы последовательно расположенных во времени процессов как своеобразную цепную реакцию одних процессов на другие с двумя видами цепей — притяжения и отталкивания. Так, А. Мартине (1960, 74) упоминает о цепной реакции, последовательно распространяющейся от одной фонемы к другой, соседней с ней, и охватывающей значительную часть системы. А. Соммерфельт (Sommerfelt 1962, 251) говорит о цепи последовательных изменений, в частности, об ассимиляции, приводящей к изменениям в фонологических оппозициях, которые в свою очередь порождают последующие важные языковые изменения⁶².

При построении модели генезиса фонологической системы многие исследователи исходят из предположения, что развитие фонологической системы — "вероятностный процесс, идущий путем нащупывающего выбора" (Журавлев 1976, 69; 1968, 58). Ту же мысль подчеркивает и Р. Якобсон (Jakobson 1962, 105): "... внутренние законы фонологической эволюции дают лишь неопределенное уравнение, которое оставляет возможность определенного ограниченного количества решений, но не неизбежно одного".

К числу сложных процессов относятся случаи изменений системы с так называемыми компенсаторными перестройками⁶³, представляющими собой реакцию системы на произошедшие изменения. Такие перестройки возникают в ситуации, когда в процессе функционирования систе-

⁶¹ О спиралевидном восходящем развитии славянской фонологической системы, а также о наблюдаемых в ней циклических явлениях см.: Леков 1960, 15, 18, 19.

⁶² Описание цепи последовательных взаимосвязанных явлений см. также: Журавлев 1975, 69. Некоторые идеи о допустимости трактовки цепи языковых изменений в диахроническом плане с помощью средств кибернетики как процесса "самоорганизации системы, траектория которой обусловлена соотношением геоместатической тенденции системы и возмущающих воздействий среды", см.: Черкасский 1964, 73.

⁶³ О компенсации как компоненте развития в ситуации "столкновения состояний не антиномного типа" см.: Леков 1960, 46.

мы один из элементов системы или даже подсистема в целом теряют свое нормальное функционирование, приводящее к потере нормального функционирования и всей системы в целом. Для избежания этого необходимо, чтобы в исходной структуре системы произошли компенсаторные преобразования, имеющие своим предназначением ее соответствующую перестройку.

В качестве иллюстрации рассматриваемого типа изменений может служить описание А. Мартине (1960, 241) компенсации процессов слияний явлениями дифференциации⁶⁴, а также квалификация Я.Б. Крупаткиным (1962а, 199, 200) процессов фонологизации и трансфонологизации кратких гласных при рассмотрении англо-фризской палатализации германского /a/ как реакции на перестройку подсистемы долгих. Образцом звуковых изменений, вызванных общей реакцией против изменений определенного типа, действующих на "точку, подверженную редукции", может служить трактовка А. Соммерфельтом (Sommerfelt 1962, 299, 300) дифференциации -ll-, -nn- в -dl-, -dn- и -ll- в -ld- в западноскандинавских диалектах как средства сохранения различия между первоначальными ll : l, nn : n.

ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Логико-гносеологическая характеристика научного объяснения

Экспланаторная функция теории находит свою реализацию в объяснительных процедурах, результатом которых являются экспланаторные построения (объяснения)⁶⁵. Объяснение, как всякую процедуру и ее результат, можно рассматривать в двух планах — содержательном и формальном. С содержательной стороны научное объяснение трактуется как раскрытие связей между объясняемыми объектами (фактами, событиями, процессами, закономерностями) и другими явлениями (процессами, закономерностями), используемыми для объяснения первых (Бирюков 1967, 125). Такое раскрытие связей, осуществляемое в ходе объяснения, позволяет определять место объясняемых объектов в объемлющей их системе природных или общественных взаимосвязей. Поэтому после проведения процедуры объяснения объекты и их отдельные характеристики, выступавшие первоначально для исследователя как автономные и взаимонезависимые, начинают рассматриваться как внутренне связанные⁶⁶.

⁶⁴ Анализ описываемой в этом примере ситуации компенсаторности осложняется тем, что возникает дополнительная проблема определения относительной хронологии процессов слияния и дифференциации, отношения между которыми таковы, что явления дифференциации, компенсирующие процесс слияния, могли наметиться раньше, чем завершились эти слияния.

⁶⁵ О соотношении объяснения, описания и предсказания см.: Карнап 1971, 45, 324; Никитин 1970, 212, 217.

⁶⁶ Ср. трактовку объяснения в эссенциалистском подходе как раскрытия сущности объясняемого объекта (Никитин 1970, 14–17). О проблемах научного объяснения см. также: Braithwaite 1953.

Рассмотрим идеализированную модель одноактных простых объяснений в развитых теоретических дисциплинах. В основу этой модели, а также классификации и характеристики типов объяснений были положены работы Е.П. Никитина (1970) и Г.И. Рузавина (1974).

По своей логической структуре объяснение представляет собой вывод (или систему выводов), т.е. особую логическую единицу (умозаключение или сложное рассуждение), составные части которой — посылки и заключение — связаны между собой отношением логического следования (выводимости). Один из компонентов объяснения — заключение, содержащее совокупность положений, отображающих объясняемый объект, называется обычно экспланандумом (от лат. *explanandum* "то, что надлежит объяснить"), а другой компонент — посылки, или совокупность объясняющих положений, содержащих информацию, необходимую для обоснования результата (заключения) проводимого рассуждения, — соответственно экспланансом (от лат. *explanans* "объясняющий"). Естественно, что экспланандум как составная часть логической процедуры объяснения, будучи языковым отображением объясняемого объекта, существующего независимо от процедуры объяснения, не совпадает с таким объектом, а эксплананс (объясняющие положения о реальных объектах) — с теми реальными объектами, закономерные связи которых с объясняемыми объектами устанавливаются в объяснении.

Поскольку объяснение занимается сведением конкретного реального объекта к более фундаментальным закономерностям, то эксплананс объяснения должен иметь специальные средства для установления связи между объясняемым эмпирическим объектом и общими положениями науки. Поэтому в экспланансе объяснения, помимо больших посылок, выражающих универсальные положения науки (законы, принципы и др.), а также другие менее общие законы и положения науки, имеются малые посылки (положения о конкретных условиях), определяющие сферу и характер специфических условий или свойств и позволяющие обеспечивать переход от общих утверждений к единичным, устанавливая такую систему отсчета, в которой объясняемый объект был бы закономерен. В идеальной ситуации в качестве больших посылок эксплананса используют объединенные в когерентную систему теории законы науки. (Напомним, что в логико-методологических исследованиях обычно проводят различия между объективными законами, или законами объективного мира, и законами науки, отображающими с помощью определенных познавательных средств основные характеристики таких объективных законов). В этом случае объяснение объекта в теории сводится к доказательству его законосообразности, или подчиненности определенному объективному закону (или группе таких законов) как всеобщему, необходимому, инвариантному отношению⁶⁷. Обоснование законосообразности объясняемого объекта состоит в раскрытии: 1) универсальности, т.е. принадлежности всеобщему универсальному отношению, 2) необходимости, т.е. обусловленности внутренними законами рассматриваемой

⁶⁷ Определение закона через понятие регулярности см.: Карнап 1971, 39–43, в терминах ограничения разнообразия — Эшби 1958, 185; о взаимоотношении понятий отношение, связь, закон и определении понятия закон см.: Чолакян 1969.

системы отсчета в отличие от его случайности в других относительно замкнутых, автономных системах, 3) самотождественности, т.е. инвариантности в изменяющемся, тождественности в различном (Никитин 1970, 20; Рузавин 1974, 174; Карнап 1971, 264–267).

В числе атрибутивных характеристик закона, помимо признаков всеобщности, необходимости, инвариантности, называют также универсальность, общность, абсолютность, содержательную аподиктичность, объективность, существенность, постоянство, повторяемость (см., например: Никитин 1970, 48; Чолакян 1969, 115). В трактовке Б.А. Чолакяна (1969, 117), признаки повторяемости, постоянства, общности, образуют класс предметных эмпирических естественнонаучных признаков закона, а признаки необходимости, всеобщности, объективности, абсолютности, существенности — класс непредметных философских неформализуемых признаков.

Реальные объяснения, встречающиеся в науке, могут отличаться от идеализированной схемы объяснения по нескольким линиям.

Во-первых, возможны неполные объяснения, не представляющие собой целостных логических структур. К числу их относятся, например, объяснения, в экспланансе которых содержится описание лишь причин при отсутствии законов науки или, напротив, имеются лишь законы науки при отсутствии описания причин (Никитин 1970, 31, 133, 134)⁶⁸.

Во-вторых, весьма типичны ситуации, когда используемые в объяснении законы или другого рода обобщения являются изолированными и не объединены в рамках когерентной системы теории.

Наконец, возможны объяснения, в состав больших посылок эксплананса которых могут входить не только законы, но и другие менее общие положения — закономерности, эмпирические констатации, частные обобщения, правила и т.д., — напоминающие по своей логической форме или содержанию законы, но не имеющие всех его признаков. Подобное допущение оспаривается в ряде логических концепций и прежде всего в так называемом эссенциалистском подходе, где более всего настаивают на исключительной роли законов в научном объяснении (Рузавин 1974, 197; ФЭ 1967, 125; Карнап 1971, 43).

Для целей настоящей работы более приемлемой представляется точка зрения, допускающая возможность существования в составе эксплананса не только законов, но и других видов обобщений, раскрывающих сущность объясняемых явлений с меньшей степенью полноты. Такое решение, позволяющее описывать экспланаторные построения не только в развитых теоретических дисциплинах, но и в дисциплинах, находящихся в процессе своего становления, в то же время адекватнее отражает и функционирование научного предмета в целом, где происходит постоянный переход от первичных обобщений к более жестким законам в системе теории. Принятие же позиции, согласно которой объяснение может осуществляться лишь с помощью законов объясняемого объекта (ср. требование,

⁶⁸ О научном законе как элементе теории см.: Зотов 1973, 94–117; Голованов 1970; Рузавин 1974, 163; Гуссерль 1909, 61. О роли законов логики в научном теоретическом объяснении см.: Карнап 1971, 47; Гуссерль 1909, 106.

чтобы эксплананс научного объяснения содержал, по крайней мере, хотя бы один закон науки — Никитин 1970, 36), предполагает, что объяснительные процедуры возможны только в тех дисциплинах и только на таких стадиях их развития, где уже выявлены законы или даже системы таких законов.

Кроме простых неэлементарных объяснений имеются и сложные экспланаторные построения. В трактовке Е.П. Никитина (1970, 110), в их состав входят: комбинированные объяснения, конструируемые путем систематизации ("когерирования") полученных достаточно независимо друг от друга одноактных объяснений, а также смешанные объяснения, использующие более сложные научные законы, чем одноактные объяснения, и получаемые за счет одновременного изучения различных характеристик объясняемого объекта.

Общая характеристика экспланаторных средств исторической фонологии

С момента своего провозглашения историческая фонология стала стремиться к тому, чтобы стать теоретической экспланаторной дисциплиной⁶⁹. По словам А. Сеше, чисто описательная часть не исчерпывает программы диахронической лингвистики, т.к. недостаточно изложить факты, а "необходимо также их объяснить, найти их причину"⁷⁰ (цит. по: Мартине 1960, 34). Эта же мысль подчеркивается и Р. Якобсоном (Jakobson 1962, 218), полагавшим, что описание мутаций не исчерпывает исторической фонологии, задача которой состоит также в интерпретации этих мутаций.

Экспланаторность исторической фонологии обычно связывается с возможностью построения в рамках этого предмета прежде всего причинных объяснений, а возможность изучения причинности в этой дисциплине соответственно — с выбором путей изучения истории языка и, в конечном счете, следовательно, с заданием предмета исторической лингвистики. Согласно М.И. Стеблину-Каменскому (1961a, 121–123), подлинное изучение причинности достижимо лишь при системно-процессуальном подходе, развиваемом современной исторической фонологией, в отличие от других подвидов — атомарно-процессуального и системно-статического. При атомарно-процессуальном подходе изучение истории языка сводится к исследованию изменения отдельных языковых элементов независимо от системы, образуемой этими элементами в определенном состоянии данного языка, а также связей между этими изменениями; при системно-статическом подходе, при котором происходит

⁶⁹ О двух подходах к изучению истории языка — описательном и экспликативном — см.: Крупаткин 1966, 29; об историческом объяснении — Marc-Wogau 1962; Nilsson 1971; об объяснениях в лингвистике и, в частности, в фонологии, см., например: ОЯ 1973, 118; Zwart 1973; Chomsky 1970; Lenneberg 1970; Kiparsky 1972; Ritchie 1968. Об объяснениях в исторической лингвистике и исторической фонологии см.: Togeby 1960; Staji 1971; Мартине 1960, 67.

⁷⁰ Критику взглядов на невозможность обнаружения причин звуковых изменений см., например: Мартине 1960, 30–35, 53–54; Стеблин-Каменский 1964, 121–124.

фактически элиминирование диахронии, исследуются последовательные синхронные срезы языка, а в пределах каждого среза — система, образуемая отдельными языковыми элементами.

Недостижимость подлинно причинного изучения явлений в рамках атомарно-процессуального подхода, по мнению М.И. Стеблина-Каменского, связана с тем, что при таком подходе оперируют только изолированными фактами, фонетическими законами, не являющимися законами в собственном смысле слова, а также внешними причинами, которые в состоянии объяснить лишь наиболее бросающиеся в глаза стороны изменения рассматриваемого языка.

Чтобы быть экспланаторной теоретической дисциплиной историческая фонология, как и всякая другая дисциплина, должна иметь специальные средства для построения объяснений: универсальные положения (законы, принципы и т.д.), позволяющие обеспечивать вывод утверждений об определенных реальных явлениях или событиях, и знания о конкретных условиях, в которых находится объясняемый объект.

Основным экспланаторным средством научного предмета является закон. Имеется несколько классификаций законов, проводимых по разным основаниям (см. подробнее: Рузавин 1974, 168–171, 178, 179; Никитин 1970, 48, 55; Карнап 1971, 88, 301–306, 363).

В соответствии с различным отношением законов к опыту и уровню абстрактности используемых в них понятий⁷¹, законы принято делить на эмпирические/теоретические (в других формулировках, законы наблюдаемых/ненаблюдаемых, регистрирующие/абстрактные гипотетические законы). Разделение законов на эмпирические и теоретические часто считают несостоятельным на том основании, что в строгом смысле слова всякий научный закон является теоретическим (Никитин 1970, 48).

С учетом характера вытекающих из законов предсказаний, их принято делить на детерминистические (динамические), в которых предсказания имеют строго определенный, однозначный характер, а исследуемое свойство, признак или характеристика относится к каждому объекту, и статистические, в которых предсказания формулируются лишь вероятностным образом, а исследуемые свойства относятся лишь ко всему классу в целом, а не к отдельному объекту, входящему в такой класс. Детерминистические законы могут устанавливаться как в качественных, так и в количественных терминах (Карнап 1971, 363, 364).

По признаку пространственно-временной универсальности различают: 1) универсальные законы в пространстве и времени, применяемые к объектам или процессам независимо от времени и места; 2) региональные, выполняемые в ограниченных областях (регионах) пространства-времени; 3) индивидуальные, касающиеся какого-либо определенного фиксированного в пространстве объекта.

⁷¹ О понятиях "наблюдаемое" и "ненаблюдаемое", а также нетождественности понятий "наблюдаемость" и "эмпиричность" см.: Мамчур 1975; Карнап 1971, 301, 302, 305; ММЕ 1966, 90, 91.

В зависимости от того, удовлетворяют ли законы требованию "концептуальной универсальности"⁷², согласно которому все понятия, входящие в формулировку закона, должны иметь универсальный характер, законы делятся на фундаментальные, находящиеся в соответствии с этим требованием, и производные (выводимые из фундаментальных законов), имеющие форму частных или экзистенциальных утверждений (см.: Рузавин 1974, 178; Карнап 1971, 86)⁷³. Иногда говорят о различии основных законов в науке, имеющих обычно детерминистический характер, и ограниченных, выводимых из основных и представляющих собой законы, сформулированные "с оговорками" относительно времени, места или некоторых условий (Карнап 1971, 283—286, 369).

Из других видов классификаций можно отметить разделение законов по областям действительности, к которым относятся соответствующие законы, деление законов на гипотетические и негипотетические, а также законы различных уровней в зависимости от числа связываемых ими факторов (Рузавин 1974, 178; Никитин 1970, 65).

В принципе такому объекту, как фонологическая система, могут быть свойственны регулярности самого различного характера:

1) различной степени общности относительно пространства и времени (индивидуальные, региональные и универсальные закономерности, характеризующие один язык, группу языков — ареальную или генетическую — или же все языки, а среди них — синхронические, диахронические и панхронические законы, характеризующие соответственно одно синхронное состояние, ряд последовательных состояний и все состояния);

2) различной степени обязательности (детерминистические и вероятностные закономерности),

3) характеризующие различные стороны языковой системы: внешнесистемные и внутрисистемные закономерности⁷⁴, а среди последних регулярности, характеризующие парадигматический и синтагматический планы языка (парадигматические и синтагматические законы).

В практике осуществления экспланаторных построений в исторической фонологии апеллируют практически ко всем видам упоминаемых обобщений, известных в лингвистике под названиями фонетических и фонологических законов, тенденций, универсалий, фреквенталий (Серебренников 1974, 64—157) и т.д.⁷⁵.

Исторически одним из первых видов регулярностей, касающихся языка и его звуковой стороны, были так называемые фонетические (звуковые) законы (см. например: Buyssens 1965, 155; Косериу 1963,

⁷² Г.И. Рузавин (1974, 170, 171) обращает внимание на то, что понятие универсальности (общности) номологических высказываний (высказываний с законами) имеет несколько смыслов, включая: 1) "концептуальную" (понятийную) общность, относящуюся к понятиям или терминам, содержащимся в таком высказывании, 2) пространственно-временную общность законов, 3) смысл, касающийся возможности квантификации суждения, выражающего закон.

⁷³ О различии "идеальных" и "реальных" законов см.: Гуссерль 1909, 64, 143.

⁷⁴ О внутренних законах развития языковой системы см.: Серебренников 1952; Щедровицкий 1968, 52; ОССАИИ 1960, 20, о межязыковых и внутриязыковых регулярностях — Groot 1948 185.

⁷⁵ О законах в лингвистике см., например: Frei 1948; Kovács 1971.

198–212; Schneider 1973; Pulgram 1955). Их поиск в европейской лингвистике начал осуществляться в прошлом веке в рамках представления языка как организма с связи с попыткой превращения лингвистики в точную науку по образцу естественных наук. Объявив язык организмом, который живет и развивается в соответствии с такими же точными законами, какие имеются у других природных организмов, лингвисты пытались обнаружить регулярности, напоминающие по своей форме и содержанию естественные законы.

Отождествив фонетические законы с законами природы, лингвисты стали приписывать им основные черты натуралистических законов — общность и обязательность действия⁷⁶. Говоря об универсальности (абсолютности) фонетических законов, под этим понимали отсутствие какой бы то ни было пространственно-временной ограниченности их области действия. Считалось, что можно открыть законы, справедливые для всех языков, существующих в настоящее время, или по крайней мере, всех диалектов рассматриваемого языка (пространственная неограниченность), а также для генетических состояний всех языков, или, по крайней мере, хотя бы одного языка (временная неограниченность).

Следствием принятия тезиса об универсальности фонетических законов было введение допущения о том, что звуковые законы не знают исключений или, в более современной формулировке, что их действию в соответствующих условиях подчиняется "фонетическая субстанция всех слов языка" (Климов 1971, 59; см. также: Fourquet 1964; Melchert 1975; Brasington 1974)⁷⁷.

Имеются и некоторые другие выражения для передачи этого же смысла. Так, говорят о непреложности и незыблемости звуковых законов; о регулярности, безусловности, абсолютности звуковых изменений, реализующихся в соответствии с этими законами, о том, что звуковые законы действуют слепо, неуклонно, почти с той же последовательностью, как и силы природы.

Предположив, что в языке действует принцип безысключительности фонетических законов, лингвисты столкнулись с тем, что в действительности сформулированные ими фонетические законы имеют исключения и не являются, таким образом, универсальными. (Как уже отмечалось, универсальность является признаком лишь небольшой группы законов. Среди естественнонаучных законов имеются также региональные и индивидуальные законы, применяемые лишь к группе объектов или ин-

⁷⁶ Уже первые критики фонетических законов обратили внимание на специфические особенности лингвистических регулярностей, отличающие их от закономерностей других наук. Чтобы подчеркнуть неспособность фонетических законов оказывать какое-либо принуждение, первые критики фонетических законов, по словам А.В. де Гроота (Groot 1948, 183), вместо термина "фонетические законы", предпочитали использовать термин "фонетические правила".

⁷⁷ В трактовке И.А. Бодуэна де Куртене (1963б, 206), младограмматический тезис о безысключительности фонетических законов означает "известное единообразие фонетических соответствий как в области единогоязычия, так и в области многоязычия, соответствий, которые исторически обусловлены происхождением ... из общих источников".

индивидуальным объектам.) Чтобы сохранить за ними статус законов, в последующем стали вводить ограничивающие условия, в рамках которых фонетические законы имели бы силу, действуя без исключений. Такие ограничения касались: 1) величины территории, занимаемой языковым сообществом, 2) периода времени, 3) типа языковой целостности⁷⁸, 4) объема и вида речевого материала⁷⁹, 5) условий протекания звуковых изменений⁸⁰.

Случаи исключений из фонетических законов ("нарушения ожидаемой фонологической закономерности"), наблюдаемые даже после введения таких условий, называли "видимыми" исключениями, пытаясь их объяснить: 1) другими встречаемыми закономерностями, 2) результатом взаимодействия фонетических законов друг с другом, 3) результатом смешения диалектов, 4) развитием смысловых ассоциаций, 5) "дескриптивным" характером материала (звукоподражания), 6) фактором аналогии или 7) полной адаптацией материала в случае заимствований и т.д. (Климов 1971, 59)⁸¹.

После внесенных коррекций под фонетическим законом стали понимать вид обобщений или регулярностей, отражающих объективные диалектические процессы, имевшие место в "фонетической субстанции" языка, приуроченные к определенным пространственно-временным координатам; в других терминах, фонетическим законом стали называть фиксирование фонологического перехода, совершавшегося в языке или группах языков в прошлом при определенных условиях и в определенных пространственно-временных рамках (Климов 1971, 58, 59)⁸².

По мере открытия все новых исключений из фонетических законов, свидетельствующих об ограниченности области действия этих законов, лингвисты стали отказываться от своего первоначального предположения о существовании всеобщих звуковых законов, ничем не отличающихся по природе своей от универсальных естественных законов.

⁷⁸ Пытаясь отыскать однородное языковое единство, в рамках которого наблюдалось бы действие фонетических законов без исключений, некоторые лингвисты, начиная свои поиски с диалекта, доходили до индивидуальной речи и даже до ее кратчайшего отрезка; см.: Шухардт 1950, 30.

⁷⁹ По словам А.В. де Гроота (Groot 1948, 202), имеется определенная зависимость числа наблюдаемых исключений из фонетических законов от вида исследуемого материала: 1) фиксированного письменного материала в случае значительно нормализованной формы языка, как это имеет место в исторической грамматике, 2) материала в случае менее нормализованной формы языка, как в диалектной графнии.

⁸⁰ Анализ младограмматического требования рассматривать звуковые изменения в одинаковых условиях и тезиса относительно равенства фонетических условий во времени см.: Шухардт 1950, 37, 39.

⁸¹ Характеристику групп истинных ("настоящих") исключений из фонетических законов в ситуации влияния на фонетическое развитие слова его смыслового содержания или образного значения см. у А. Мартине (1960, 47, 48, 257), где говорится также о невозможности объяснения отклонений от фонетических законов "боязнью омонимии".

⁸² См., например, трактовку закона как "регулярности определенной группы исторических явлений" у Г. Пауля (1960, 87).

Пересмотр онтологической картины языка и замена трактовки языка как организма пониманием его как социального явления (института) выдвинули вопрос об адекватности фонетических законов и привели к тому, что языковые законы стали сравнивать и отождествлять уже не с натуралистическими, а с социальными законами или нормами⁸³. Обращалось внимание на то, что фонетические законы (так, как они понимались до того времени в лингвистике) и социальный характер языка несовместимы. По словам Г. Шухардта (1950, 49, 53), "учение о непреложности фонетических законов, хотя фактически не восходящее к А. Шлейхтеру, но возведенное в его духе, маячит перед нами словно древность, перенесенная в нашу эпоху, признающую за языкознанием право именоваться наукой о духе, видящую в языке не созданный природой организм, но продукт социальной жизни".

Задавшись вопросом о том, имеет ли языковый закон свойственные социальному закону признаки императивности и общности, Ф. де Соссюр (1933, 97) приходит к выводу, что ответ на вопрос в такой общей форме целесообразно получать для разных видов языковых законов — синхронических и диахронических, если бы последние имелись, — отдельно, так как "говорить о лингвистическом законе вообще равносильно желанию схватить призрак". Синхронический закон, или закон в синхронии, отображающий определенный распорядок, принцип регулярности, в трактовке Ф. де Соссюра, это общий закон, но не императивный. Общность его состоит в том, что отображаемая им связь в определенных пространственно-временных границах действительно простирается на "все случаи", а неимперативность — в том, что, являясь отображением существующего порядка вещей, он лишь констатирует некоторое состояние, но не гарантирует неизменности установленной регулярности. Что же касается диахронических законов, то о таковых, по мнению Ф. де Соссюра, нет оснований говорить, поскольку они не удовлетворяют ни признаку общности, ни императивности.

Учение о фонетических законах, являясь одним из первых опытов осознания природы и особенностей языковых регулярностей, стимулировало дальнейшие поиски в этом направлении. Последующие разработки в данной области пошли по нескольким линиям.

Во-первых, продолжались попытки уточнить круг ситуаций, в которых уместно было бы применение традиционного понятия фонетического закона (иногда, правда, в более широком значении этого термина).

Во-вторых, продолжался процесс осмысления природы языковых регулярностей и определения их специфики, приведший к смене ориентации в поисках законов о языке.

Типичной для первого направления является концепция звукового закона А.В. де Гроота (Groot 1948; Schogt 1961), пытавшегося в рамках трактовки языка как социального явления оправдать применение понятия фонетического закона. Согласно А.В. де Грооту, термин "фонетический закон" ("звуковое правило") подразумевает нормативную, структурную

⁸³ О разграничении законов природы и законов социальной деятельности см.: СВЯ 1967, 56; о законах природы и нормах — Виндельбанд 1904, 195–224.

закономерность, касающуюся изменения форм слов и не распространяющуюся на другие типы звуковых изменений — изменений фонем как элементов системы и системы фонем в целом.

Фонетические законы, представляющие собой формулировки "регулярного изменения форм слов в определенном языке в определенный период в отношении одной и той же фонемы или фонем в одной и той же позиции" (типа утверждения, что все слова в латинском языке определенного периода с интервокальным *s* изменяются в слова с *r* между теми же самыми гласными), отличаются, согласно А.В. де Грооту (Groot 1948, 178, 181, 198), от так называемых диахронических фонемных и структурных законов (типа утверждения, что более чем в одном языке наблюдается заполнение "пустых клеток" в фонологической системе) в основном тем, что представляют собой внутриязыковые регулярности, свойственные одному языку в отличие от регулярностей второго типа, свойственных ряду языков. Правда, де Гроот замечает, что во втором случае также может идти речь о регулярности, наблюдаемой лишь в одном языке в определенных случаях, как это имеет место в случае приводимой им констатации, что согласные *k*, *p*, *t* иногда одновременно становятся придыхательными.

Среди фонетических законов как законов изменения форм слов де Гроот различает два типа регулярностей: синхронические и диахронические фонетические законы. Первые из них трактуются как нормативные структурные правила относительно комбинаций фонем в форме слова и их возможностей находиться в определенных позициях⁸⁴, а вторые — как "подстановки одного синхронического фонетического закона вместо другого"⁸⁵.

Синхронические фонетические законы, в трактовке де Гроота, произвольны, конвенциональны и специфичны для каждого отдельного языка. Будучи категориальными структурными правилами построения форм слов, они оказываются действенными для одних категорий слов (например, для класса нормальной лексики) и непригодными для других (например, для междометий, заимствованных слов, собственных имен, архаизмов, экспрессивных слов, которые могут иметь аномальные сочетания фонем), не подчиняющихся действию соответствующих фонетических законов.

Синхронические фонетические законы как социальные нормативные образования связаны с существованием гомогенной, когерентной социальной группы (языковой общности). Поэтому, согласно де Грооту, они имеют менее строгий и регулярный характер в ситуациях негомогенности и некогерентности такой группы. Подобное явление возможно: 1) на границе локальных диалектов (т.е. в синхронном, горизонтальном направлении), 2) на границе социальных диалектов (т.е. в синхронном

⁸⁴ Имеются менее строгие формулировки этого определения у де Гроота (Groot 1948, 193), учитывающие и другие признаки форм слов — акцент и фонологические слоги.

⁸⁵ Как замечает Р. Якобсон (Jakobson 1962, 106), отношение диахронического закона к синхроническому может быть определено как отношение средств к полученному результату.

вертикальном направлении), 3) в период изменения языковой общности в переходной период.

В рамках первого направления предпринимались также попытки более строгого определения понятия фонетический закон, а также экспликации содержания связанных с ним понятий.

Опыт формализации фонетического закона и лежащего в его основе принципа регулярности фонетических изменений содержится, например, в исследовании А. Дайен (Dyen 1963, 631—637), которая исходит из предположения о детерминированности регулярного характера фонетического изменения функций языка как средства коммуникации.

Особенно расширился круг вопросов, связанных с понятием звукового закона, после создания фонологии. Постепенно от фонетического закона как индивидуального конкретного синтагматического правила стали переходить к более общим законам строения, функционирования и развития фонологической системы.

Как уже отмечалось, экспланаторность исторической фонологии связывается прежде всего с ее способностью вскрывать причинно-следственные связи процессов развития фонологической системы. Поэтому актуальной становится дискуссия о специфике причинно-следственных связей в языке и о статусе причинных законов в лингвистике. Многие исследователи обращают внимание на большую сложность причинно-следственных связей в звуковых изменениях по сравнению с явлениями, имеющими только социальную или физическую природу. По наблюдению М.И. Стеблина-Каменского (1966, 112), сходство между языковыми и натуралистическими причинными законами состоит в принципиальном признании множественности взаимозависимых причин, а различие — в количестве ограничений, которым подвергаются такие причинные законы (см.: Рассел 1957, 351), а также в возможности математической формулировки естественнонаучных законов. Что же касается вопроса о статусе причинных законов в лингвистике, то он является далеко не решенным. Имеются исследователи, которые продолжают относить причинные законы лингвистики к числу законов естественнонаучного типа (Juillard 1953, 200).

Хотя многие исследователи давно пришли к выводу о необходимости преобразования фонетических законов как эмпирических законов в теоретические законы, вскрывающие причинно-следственные отношения (см.: Шухардт 1950, 49)⁸⁶, тем не менее задача подобного преобразования, а также сознательного поиска таких подлинно причинных законов была поставлена в полную меру лишь в исторической фонологии. Это стало возможным потому, что именно в этой дисциплине были разработаны специальные средства для раскрытия более глубоких инвариантных связей и отношений в звуковой системе языка. С выдвиганием понятия фонологической системы звуковые изменения в исторической

⁸⁶ «Фонетические законы» — пишет И.А. Бодуэн де Куртене (1963б, 208), констатируют лишь то, что происходит на поверхности явлений. Действительные «законы», законы причинности скрыты в глубине, в запутанном узле самых различных элементов. «Законы» существуют, но не там, где их ищут».

фонологии стали трактоваться как явления, определяемые системой имеющиеся, следовательно, отношение ко всем реализациям фонемы, не только к изолированным реализациям, обусловленным определенной позицией в речевой цепи (Juilland 1953, 200), как это допускалось исторической фонетике.

По мере становления исторической фонологии как теоретической дисциплины, рефлексивно осознающей свои средства исследования, в нее все большую актуальность приобретает проблема законов исторического развития фонологических систем и прежде всего определения фактических особенностей класса регулярностей, которые могут быть названы фонологическими законами.

В трактовке М.И. Стеблина-Каменского (1966, 23), законами исторической фонологии следует считать утверждения относительно звуковых изменений, обобщающие факты в конкретных языках, отражающие основные черты звуковых изменений и формулируемые на основе фонологической точки зрения о характере протекания звуковых изменений. Из этих трех требований бесспорно, по-видимому, лишь третье. Принятие первого требования приводит к исключению из числа законов исторической фонологии пандиахронических законов (универсалий), принятие второго — ограничивает класс регулярностей в исторической фонологии лишь обобщениями, касающимися изменений фонологической системы, исключая остальные типы регулярностей, свойственные генезису фонологической системы.

Признавая, что всякий закон имеет обязательный характер, М.И. Стеблин-Каменский исключает из числа законов исторической фонологии две категории обобщений как не обладающие таким свойством: универсалии⁸⁷ и фонетические законы, относя к законам исторической фонологии фактически только один тип законов — детерминистические (динамические) законы⁸⁸.

По-видимому, и универсалии, и фонетические законы тем не менее могут быть включены в состав экспланаторных средств исторической фонологии. Диахронические универсалии, имеющие вероятностный характер, будут относиться к числу вероятностных (статистических) законов, сформулированных в качественном языке, а фонетические законы с их многочисленными исключениями — к детерминистическим зако-

⁸⁷ О возможности существования универсалий языковых изменений см., например: Хёнигсвальд 1970; о синхронических и диахронических универсалиях в фонологии — Гринберг 1972.

⁸⁸ Ср. позицию И.А. Бодуэна де Куртене (1963б, 203), который обращал внимание на то, что закон как функциональную зависимость (объективный закон, касающийся комбинации наблюдаемых явлений и фактов) не следует смешивать, с одной стороны, с простым чередованием или последовательностью явлений и со статистической констатацией фактов или с простым совпадением, а с другой — с логическими, методологическими и гносеологическими постулатами, формулировками условия *sine qua non* для каждого научного положения в отдельности и субъективными законами "для всякой теоретической мысли". Подчеркивая специфику законов в отличие от другого рода обобщений, И.А. Бодуэн де Куртене (1963а, 348) утверждал, что никаких "звуковых законов" не имеется. Ср. также его замечания (1963б, 204) о констатациях, которые следует исключить из сферы фонетических законов.

нам с сильно ограниченной предметной областью. Хотя наличие исключений и ограничивает в достаточной степени предметную область действия фонетического закона, однако в ее пределах этому закону подчиняются все включаемые в нее объекты.

Иногда в диахронических экспланаторных построениях апеллируют не к законам, а к регулярностям, имеющим менее строгий характер. К числу их относятся, в частности, тенденции (см. например: Панов 1963; Поливанов 1968, 80; Горшкова 1964б; Abrahams 1949; Calleman 1950; Galton 1954; Sturtewant 1934; Haudricourt 1939, 270; Sommerfelt 1962, 46; Brosnahan 1960, 234). Так, переход палатальных в шипящие в положении перед йотом и гласной переднего ряда объясняется тенденцией к максимальной дифференциации, а расширение гласного трактуется как результат действия тенденции к устранению имплозивной части слога (Мартине 1960, 189–230)⁸⁹.

Отметим несколько смыслов, связываемых с понятием тенденции в лингвистике.

Тенденция обычно обозначает регулярность, касающуюся направления развития исторически развивающихся объектов социальной природы. Иногда даже признается, что для части объектов такого рода — это единственно наблюдающийся вид закономерностей и что в исторических дисциплинах речь может идти только о тенденциях. По словам А.В. де Гроота (Groot 1948, 181), для изменений фонем и фонемных структур в отличие от изменений форм слов не было найдено строгих законов, а лишь тенденции.

Развивая эту идею, И. Леков (1960, 8) замечает, что главная роль в звуковом развитии принадлежит так называемой внутренней вероятности, напоминающей внутренние законы или тенденции. По мнению М.И. Стеблина-Каменского (1966, 22, 23), действие структурных факторов невозможно представить в виде причинно-следственных законов типа "если имеется такое-то явление, то должно произойти такое-то другое явление", из-за того, что "никакой структурный фактор звукового изменения не обуславливает явление сам по себе". Подобные обобщения можно выразить только в виде утверждений типа "если имеется такое-то явление, то может произойти такое-то другое явление, но может и не произойти".

В зависимости от степени общности различают более частные тенденции, касающиеся процессов развития одного языка, и более общие, формулируемые относительно развития ареальной совокупности языков (в том числе генетически близких) или даже всех языков. В зависимости от общепринятости различают (Леков 1960, 7, 8) индивидуальные ("механические") тенденции и общественные ("целесообразные").

⁸⁹ Критический анализ трактовок процессов, связанных с англо-фризской палатализацией германского *a* как следствия некоторой "загадочной" общей тенденции к переднеязычному произношению, охватившей праанглофризские /a/ и /ā/ (< зап. герм. *ā* < герм. *e*₁), а также как результата общей тенденции, охватившей гласные и согласные, см.: Крупаткин, 1962а, 199, 200; Martinet 1952, 16, 17.

С учетом того, о направленности какого фрагмента развития фонологической системы идет речь, различают общесистемные, структурно-функциональные, субстанциональные (фонетические) тенденции.

Фонетическая тенденция (drift) определяется обычно как: 1) "бессознательные формальные ощущения" (Sapir 1933, 164), 2) "унаследованные речевые навыки" (Hockett, 1948, 128), 3) особенности артикуляции, являющиеся в ходе эволюции артикуляторной системы различными языков и конституируемые "артикуляторными привычками", определяющими произношение отдельных групп говорящих (Sommerfelt 1962, 51). Критикуя подобное толкование фонетической тенденции, М.И. Стеблякин-Каменский (1966, 118) приходит к выводу, что единственным реалистическим пониманием фонетической тенденции является трактовка ее как процесса, приводящая к тому, что слово "тенденция" оказывается излишним и заменяется словом "процесс". По-видимому, в этом случае речь идет об отождествлении сущностей различной природы и его вряд ли можно признать целесообразным.

В отличие от закона, где обычно четко фиксируются временные ограничения, в тенденции отмечается момент длительности и непрерывности ее действия без уточнения величины временного интервала такого действия.

Особенностью тенденции является то, что в ней не подчеркивается момент необходимости, непреложности, незамедлительности реализации, а речь идет скорее о потенциальной реализуемости. Так, утверждение о наличии в системе структурной тенденции к заполнению "пустой слетки" не означает ничего большего, кроме того, что имеется лишь некоторый шанс для такого заполнения. "Но не следует удивляться — пишет А.В. де Гроот (Groot 1948, 181), — если этого не произойдет вообще, например, если пустая клетка исчезнет некоторым другим способом", или, добавим, если она так и останется пустой клеткой.

На основе одной и той же тенденции может быть осуществлен ряд различных процессов.

Говоря о тенденции, акцентируют внимание на некотором идеализированном состоянии системы, которого она могла бы достичь в процессе своего развития, если бы тенденции полностью реализовались. Однако чаще всего это не достигается, и в подобных случаях речь идет о незавершенных процессах или, точнее сказать, о процессах, не завершаемых системой⁹⁰.

Источниками меньшей степени строгости тенденций по сравнению с законами могут быть как объективные факты (особенности связей и отношений внутри объекта), так и субъективные (недостаточная изученность объекта). Соответственно обращение к тенденциям в экспланаторных построениях исторической фонологии происходит обычно в двух различных ситуациях. Во-первых, это может произойти в случае, когда

Описание ситуации, когда общая тенденция полностью реализуется в определенном процессе или группах процессов, см.: Sommerfelt 1962, 208. О частичных тенденциях, возникающих вследствие влияния противодействующих явлений, см.: Леков 1960, 22, 23.

за тенденцией скрывается выраженный в качественном языке статистический (вероятностный) закон развития объекта. Во-вторых, в ситуации, когда в тенденции в общих чертах "схватываются" определенные черты еще не открытого и не исследованного объективного закона, который по своей природе может быть как детерминистического, так и статистического типа. Обращение к тенденциям в этом случае означает, что научная дисциплина находится еще на достаточно низком уровне развития своих теоретических средств.

В некоторых исследованиях делается попытка выявить и типологизировать экспланаторные средства лингвистики. Одна из таких попыток была предпринята А. Соммерфельтом (Sommerfelt 1962, 15), различающим "закон", "тенденцию" и "формулу". Соотношения закона и тенденции, в трактовке Соммерфельта, противоречивы. С одной стороны, закон и тенденция — сущности равнопорядковые и их основное отличие друг от друга состоит в том, что закон передает содержание изучаемой регулярности с помощью точного правила, а тенденция лишена такой способности. С другой стороны, между ними констатируется отношение воплощения и закон определяется как манифестация (реализация) тенденции. Такая трактовка соотношений закона и тенденции проводится Соммерфельтом, однако, непоследовательно, и фонетические законы квалифицируются им, вслед за М. Граммоном, как манифестации и реализации эволютивных тенденций, определяемых предшествующей эволюцией языка, а фонологические законы — как уточнение панхронических фонологических тенденций.

Законы как особого рода абстракции, по А. Соммерфельту, противостоят специальным частным формам, принимаемым ими в определенном языке, — так называемым формулам, соответствующим традиционному фонетическому закону. В противоположность формулам, ограниченным в пространстве и времени и зависящим от фонетической системы языка, законы характеризуются универсальным характером. Подчеркивая однопорядковость закона и тенденции, А. Соммерфельт говорит как о формуле закона, так и формуле тенденции (Sommerfelt 1962, 15–21, 36–51, 52–65, 72–80, 202–209).

При рассмотрении концепции А. Соммерфельта остается неясным: 1) может ли существовать тенденция без своего уточнения в форме закона и без манифестации в виде формулы, 2) является ли тенденция только онтологическим понятием или она может рассматриваться и методологически (логически) как компонент объяснения, 3) имеют ли формулы онтологический или только методологический статус как компонент экспланаторного построения лингвистики.

Как видим, экспланаторные средства исторической фонологии включают обобщения различной силы — от диахронических универсалий до фонетических законов и тенденций. Более подробный анализ экспланаторных средств предполагает оценку объясняющей способности (степени общности) рассматриваемых обобщений по отношению к объектам отображаемой ими предметной области (области предикации закона), экспланаторной силы (степени глубины проникновения в сущность или структуру материальной организации объектов каждого из отмечен-

типов регулярностей), а также степени надежности объяснений с помощью этих средств (Никитин 1970, 45–55).

Если принять допущение, что объяснительную функцию по отношению к объектам отображаемой ими предметной области могут выполнять не только законы науки, но также обобщения меньшей силы, то очевидно, следует признать, что в рамках исторической фонологии могут выполнять объяснительную функцию и выступать в роли экспланаторных средств и такие виды обобщений, как фонетический закон и тенденция.

Объясняющую способность универсальных положений науки оценивают обычно по объему отображаемой ими предметной области, полагая, что чем больше предметная область, отображаемая законом науки, тем больше и его объясняющая способность (Никитин 1970, 45). В таком случае окажется, что наибольшей объясняющей способностью обладают исторические универсалии, а наименьшей — фонетические законы и тенденции.

С экспланаторной силой законов тесно связан вопрос о степени надежности объяснений. Обычно считается, что наиболее надежными будут объяснения, характеризующиеся наибольшей степенью проникновения в сущность исследуемого объекта. К ним относятся экспланаторные построения, посылки которых содержат законы универсального характера, включенные в когерентную систему теории. Соответственно менее надежными признаются объяснения, базирующиеся на статистических законах, и наконец, наименее надежными — объяснения, базирующиеся на простых индуктивных обобщениях эмпирического опыта (Рузавин 1974, 198)⁹¹.

Иногда за отдельными видами регулярностей в исторической фонологии признается такая незначительная объясняющая сила, что экспланаторные построения с их помощью вообще не считаются объяснениями. В трактовке М.И. Стеблина-Каменского (1966, 118), такой силы лишены, например, фонетические тенденции, дающие лишь мнимое тавтологическое объяснение звуковым переходам, поскольку чаще всего в подобных объяснениях фонетическая тенденция "остается некой перманентной и необъяснимо действующей, т.е. в сущности мистической силой". По словам Стеблина-Каменского (1966, 118), нельзя считать объяснением трактовку перехода /p > b/ с помощью тенденции к ослаблению артикуляции, поскольку при этом остается открытым вопрос о причине возникновения такой тенденции в данном языке и о появлении ее именно в данном периоде. Отметим, что иногда Стеблин-Каменский (1966, 111) склонен все же квалифицировать объяснение с помощью фонетической тенденции как объяснение, раскрывающее возникновение соответствующих аллофонов. По-видимому, объяснение перехода /p > b/ тенденцией к ослаблению артикуляции можно считать объяснением, хотя и с небольшой экспланаторной силой; постановка же вопроса о возникновении самой тенденции — это переход к новому типу объяснения — номологическому.

⁹¹ О проблеме достаточного объяснения см., например: Карнап 1971, 43, 44.

Видимо, по мере развития исторической фонологии как теоретической дисциплины, когда будут открываться более точные законы, роль тенденций, по крайней мере, фонетических, в экспланаторных построениях и функции компонентов эксплананса из-за их низкой экспланаторной силы будет снижаться (см. подробнее: Кругаткин 1966, 29).

Типы объяснений в исторической фонологии

Признав объяснение структурой, состоящей из экспланандума, эксплананса, объединенных отношением вывода, используем, вслед за Е.П. Никитиным (1970, 27, 40, 79, 94, 103, 104, 48–55), в качестве оснований для классификаций объяснений в научном предмете следующие признаки: 1) характер экспланандума, 2) характер эксплананса, 3) характер взаимосвязи экспланандума и эксплананса (механизм объяснения), 4) характер логической связи между экспланандумом и экспланансом (тип структуры объяснений).

С учетом первого признака объяснения распадутся на классы: 1) фактологические, экспланандумами которых являются факты, — научные положения, отображающие индивидуальные объекты или конечные группы таких объектов, 2) номологические, экспланандумами которых являются универсальные положения науки, отображающие закономерности реального мира; 3) теориологические, экспланандумами которых являются теории, отображающие системы реальных закономерностей.

С учетом характера эксплананса, в частности, вида законов, входящих в его состав, объяснения распадутся на классы: 1) субстанциональные, раскрывающие определенный субстрат (материал), с которым объясняемый объект закономерно связан, 2) атрибутивные, раскрывающие закономерную связь объясняемого объекта с каким-либо его неизлимируемым свойством — атрибутом, 3) генетические и контрагенетические объяснения, в том числе причинные и следственные (функциональные), основанные на раскрытии временных и генетических связей и отношений, 4) структурные, раскрывающие внутреннюю структуру объекта как некую целостность или же определяющие место объекта во внешней структуре в некоторой большей системе.

По характеру механизма объяснения делят на такие экспланаторные построения, в которых связь между экспланандумом и объясняющими средствами эксплананса устанавливается непосредственно, и построения, в которых такая связь устанавливается косвенно.

В зависимости от вида отношений логического следования, имеющего место в объяснении, — необходимого (дедуктивного) или следования вероятностного типа, характерного для индукции, — выделяют дедуктивное объяснение, осуществляемое по схеме дедуктивного рассуждения, в котором экспланандум следует с логической необходимостью из эксплананса, и индуктивное, в посылах которого (экспланансе) лишь с определенной степенью вероятности подтверждается заключение (экспланандум).

Поскольку все приведенные классификации объяснений проводятся по разным основаниям и являются перекрещивающимися, то каждое

конкретное объяснение можно характеризовать в терминах всех этих различий.

Большинство экспланаторных построений в исторической фонологии с точки зрения характера экспланандума относится к числу фактологических. В них раскрываются самые разнообразные индивидуальные объекты: процесс развития фонологической системы в целом, изолированные процессы общего характера (например, процессы возникновения изменений и их последующего распространения), изолированные процессы частного характера и т.д.

Некоторые объяснения в исторической фонологии могут быть квалифицированы как номологические или условно номологические. В таких экспланаторных построениях объясняются диахронические фонологические законы или другие менее общие регулярности, выступающие в функции законов. Образцами таких объяснений являются, например, квалификация закона открытых слогов у В.К. Журавлева (1965, 10) как следствия определенной группы праславянских фонетических явлений; объяснение У. Леманом (Lehmann 1962, 172) тенденции к симметрии закономерностью, согласно которой считается необходимым сохранить контрасты между фонемами для того, чтобы избежать обеднения звуковой системы, а также трактовка А. Соммерфельтом (Sommerfelt 1962, 61, 62, 15) обусловленности идиосинхронических тенденций идиосинхроническими свойствами языков, в которых они наличествуют⁹².

В исторической фонологии нередки ситуации, когда номологические объяснения ряда явлений еще отсутствуют, однако уже возникает вопрос об их необходимости. Так, А. Мартине (1960, 120) говорит о необходимости объяснения постоянного действия в полную силу тенденции к структурному включению, а М.И. Стеблин-Каменский (1966, 118) ставит вопрос о причинах возникновения определенной тенденции в определенном языке в определенном периоде.

Поскольку теориологический тип объяснения характерен для сравнительно развитой дисциплины, то в исторической фонологии, находящейся в начальной стадии своего формирования, такие объяснения, например, объяснения имеющихся в ее теории парадоксов⁹³, крайне редки.

Рассмотрим объяснения в исторической фонологии с точки зрения характера эксплананса с учетом типа входящих в его состав законов и другого рода обобщений.

Объектом объяснения в диахронических дисциплинах, к числу которых принадлежит и историческая фонология, является сложная динамическая система естественно-исторического типа, способная к самосохранению. Для систем такого типа, характеризующихся последовательной сменой своих состояний, могут быть свойственны самые разнообразные закономерные связи: структурные, функциональные, генети-

⁹² Ср. также объяснение В.К. Журавлевым (1975, 64) основных тенденций в эволюции звуков изменением артикуляционной базы.

⁹³ О необходимости объяснений парадоксов в фонологической теории см.: Стеблин-Каменский 1966, 144.

активное, действующее начало, в причинном объяснении сущность раскрывается как нечто пассивное, страдательное, производимое другим объектом.

Как показано в исследовании Е.П. Никитина (1970, 89), широкая распространенность причинного объяснения на ранних этапах развития науки, а также его относительная простота по сравнению, например, с анализом активного функционирования объекта или с раскрытием его структуры, способствовали тому, что новые объяснения, в том числе функциональные и структурные, появляющиеся с развитием познания, стали формулироваться на языке причинного объяснения.

Подобная ситуация характерна и для исторической фонологии, где представлены разнообразные типы объяснений, имеющие внешне форму причинного объяснения, и где в число причин (факторов) включены структурно-функциональные характеристики объекта.

Рассмотрим модель генетического объяснения энтимемного типа⁹⁵ в исторической фонологии.

Согласно представлениям, лежащим в основе этой модели, процесс исторического движения фонологической системы, в том числе, возникновение изменений и их последующее распространение⁹⁶ детерминировано определенными силами (мотивами, импульсами, см.: Серебренников 1968, 40), иначе говоря, факторами, влияющими на его ход⁹⁷.

Факторы делят на условия и причины, различие между которыми определяется с помощью пары коррелятивно взаимосвязанных признаков: постоянный/переменный (случайный) и активный/пассивный. При этом постоянные пассивные факторы именуются условиями, а переменные активные — причинами⁹⁸. Иногда такого отождествления не производят, поскольку, как считает М.И. Стеблин-Каменский (1966, 16, 17), для связей, выражаемых словами "причина" и "следствие", "условие" и "то, что им обусловлено", "фактор" и "то, чему он способствовал", "то, что порождает", и "то, что порождено", необходимы другие определения, кроме тавтологических.

А. Жуиан (Juilland 1953, 199) обращает внимание на известное подобие активных по своей природе внешних факторов действующей причине традиционной логике, а пассивных реактивных внутренних факторов — конечной причине.

⁹⁵ Об объяснениях — "энтимемах", не представляющих собой целостных логических структур, см.: Никитин 1970, 31, 133, 134.

⁹⁶ Обычно процесс изменения объекта раскрывается с помощью простых генетических объяснений, а процесс возникновения — с помощью причинных объяснений (Никитин 1970, 88).

⁹⁷ Иногда говорят не о факторах, а о доводах, которыми оперируют в рамках экспликативного исторического языкознания (Крупаткин 1966, 29). Об источниках изменения звукового состава языка см.: Каспаранский 1971; о мотивах языковых, в том числе фонологических изменений — Miller 1973; о факторах изменения — Косериу 1963, 217—219.

⁹⁸ Критические замечания в адрес отнесения в число пассивных факторов собственно внутренних или фонологических факторов и о признании активными только внешних факторов см.: Мартине 1960, 36, 37. Проблема причинности языковых, в том числе и звуковых изменений, обсуждается, например: Косериу 1963, 144, 217; Ломтев 1966; Звегинцев 1963; Колесов 1962; Krupatkin 1966; Atchison 1974; Lerchner 1973; Rauch 1967; Furdal 1964.

ческие. Поэтому в дисциплинах, исследующих подобные объекты, используются разные типы объяснений: структурные, генетические (включая причинные) и контрагенетические (включая следственные с их разновидностью — функциональными объяснениями).

Структурные объяснения, превращающиеся в современной науке в доминирующий тип объяснения (Никитин 1970, 104–106), применяются обычно при анализе как самих сложных систем, так и их характеристик, определяемых структурой.

Генетические и контрагенетические объяснения используются при анализе процессов и событий. Согласно Е.П. Никитину (1970, 93, 94), генетические объяснения объекта осуществляются путем апелляции к предшествующему во времени объекту или состояниям этого объекта, с которыми у объясняемого объекта устанавливается закономерная связь, а контрагенетические — путем апелляции к последующему во времени объекту или состояниям этого же объекта.

Исторически одним из первых видов объяснения объектов в диахронических дисциплинах были причинные объяснения⁹⁴. Причинное объяснение в типологии объяснений Е.П. Никитина противостоит, с одной стороны, простому генетическому объяснению как второй разновидности собственно генетического объяснения, а с другой — следственному (функциональному) объяснению как разновидности собственно контрагенетического объяснения.

Особенность собственно генетических и собственно контрагенетических объяснений, по Е.П. Никитину (1970, 23, 83–85), состоит в том, что они опираются на законы прямой и обратной связи состояний, отображающие инвариантность перехода объекта из одного состояния в другое в инвариантных условиях, а также на причинно-следственные и следственно-причинные законы.

Соответственно квазигенетические и квазиконтрагенетические объяснения, не являющиеся генетическими и соответственно контрагенетическими по содержанию и имеющие лишь форму, напоминающую такие объяснения, опираются на законы простого временного следования и предшествования.

В отличие от простого генетического объяснения, где констатируется лишь переход объекта из одного состояния в другое в определенный момент времени в соответствии с законом прямой связи состояний, причинное объяснение раскрывает внутренний механизм генезиса объекта — его "причину" и основания, в соответствии с которыми эта причина осуществляет порождение объясняемого объекта (Никитин 1970, 86, 87, 93, 95, 96).

В отличие от следственного объяснения, осуществляемого путем указания следствия и закона, в соответствии с которым оно порождается объясняемым объектом, и где объясняемая сущность предстает как

⁹⁴ Обсуждение принципа причинности в современной науке и общих проблем детерминизма см.: Иванов 1974; ФЭ 1967; СДН 1973, 1975, специфических черт причинной связи — Карнап 1971, 212. О причинности как частном случае детерминистических связей в противоположность связям структурным, функциональным, генетически-временным, статистическим см.: Мамардашвили 1968, 43.

активное, действующее начало, в причинном объяснении сущность раскрывается как нечто пассивное, страдательное, производимое другим объектом.

Как показано в исследовании Е.П. Никитина (1970, 89), широкая распространенность причинного объяснения на ранних этапах развития науки, а также его относительная простота по сравнению, например, с анализом активного функционирования объекта или с раскрытием его структуры, способствовали тому, что новые объяснения, в том числе функциональные и структурные, появляющиеся с развитием познания, стали формулироваться на языке причинного объяснения.

Подобная ситуация характерна и для исторической фонологии, где представлены разнообразные типы объяснений, имеющие внешне форму причинного объяснения, и где в число причин (факторов) включены структурно-функциональные характеристики объекта.

Рассмотрим модель генетического объяснения энтимемного типа⁹⁵ в исторической фонологии.

Согласно представлениям, лежащим в основе этой модели, процесс исторического движения фонологической системы, в том числе, возникновение изменений и их последующее распространение⁹⁶ детерминруется определенными силами (мотивами, импульсами, см.: Серебренников 1968, 40), иначе говоря, факторами, влияющими на его ход⁹⁷.

Факторы делят на условия и причины, различие между которыми определяется с помощью пары коррелятивно взаимосвязанных признаков: постоянный/переменный (случайный) и активный/пассивный. При этом постоянные пассивные факторы именуются условиями, а переменные активные — причинами⁹⁸. Иногда такого отождествления не производят, поскольку, как считает М.И. Стеблин-Каменский (1966, 16, 17), для связей, выражаемых словами "причина" и "следствие", "условие" и "то, что им обусловлено", "фактор" и "то, чему он способствовал", "то, что порождает", и "то, что порождено", необходимы другие определения, кроме тавтологических.

А. Жуийан (Juilland 1953, 199) обращает внимание на известное подобие активных по своей природе внешних факторов действующей причине традиционной логики, а пассивных реактивных внутренних факторов — конечной причине.

⁹⁵ Об объяснениях — "энтимемах", не представляющих собой целостных логических структур, см.: Никитин 1970, 31, 133, 134.

⁹⁶ Обычно процесс изменения объекта раскрывается с помощью простых генетических объяснений, а процесс возникновения — с помощью причинных объяснений (Никитин 1970, 88).

⁹⁷ Иногда говорят не о факторах, а о доводах, которыми оперируют в рамках экспликативного исторического языкознания (Крупаткин 1966, 29). Об источниках изменения звукового состава языка см.: Каспаранский 1971; о мотивах языковых, в том числе фонологических изменений — Miller 1973; о факторах изменения — Косериу 1963, 217–219.

⁹⁸ Критические замечания в адрес отнесения в число пассивных факторов собственно внутренних или фонологических факторов и о признании активными только внешних факторов см.: Мартине 1960, 36, 37. Проблема причинности языковых, в том числе и звуковых изменений, обсуждается, например: Косериу 1963, 144, 217; Ломтев 1966; Звегинцев 1963; Колесов 1962; Krupatkin 1966; Atchison 1974; Lerchner 1973; Rauch 1967; Furdal 1964.

Условия делятся на общие и специфические, появляющиеся только в определенной группе языков (Sommerfelt 1962, 44).

Иногда считается целесообразным иерархизировать причины исторических событий и выделять среди них наиболее важную, ведущую, определяющую, прямую причину (Groot 1948, 189; Леков 1960, 10), а также проводить различие между конечными⁹⁹ и промежуточными причинами языковых изменений.

В модели объяснения звуковых изменений А. Мартине (1960, 55–57) различаются три компонента в ситуации изменения системы: 1) постоянные, нормальные условия фонетических изменений; 2) неустойчивое состояние системы, где должно произойти изменение, 3) случайные причины (толчки и среди них "начальный толчок").

Помимо разбивки на постоянные/переменные и активные/пассивные, факторы языковых (в том числе звуковых) изменений делят также на: языковые/неязыковые и внутренние (возникающие в рамках одного языка)/внешние, границы между которыми определяются далеко не всегда однозначно (см. об этом: Леков 1960, 8).

Говоря об основаниях разделения факторов фонетической эволюции на внутренние и внешние, А. Мартине (1960, 37–39; 252) отмечает несколько распространенных интерпретаций оппозиции внутреннее/внешнее¹⁰⁰.

Во-первых, оппозиция внутреннее/внешнее связывается с противопоставлением духовного (проистекающего из "деятельности духа") и материального.

Во-вторых, эта оппозиция может отождествляться с делением лингвистическое (т.е. произвольное в соскоровском смысле слова)/нелингвистическое (т.е. то, что в процессе человеческой деятельности в рамках однородного коллектива может оказать влияние на природу языковых систем). При таком понимании, например, к числу внешних факторов относят влияние асимметрии и инертности органов речи, а к числу внутренних — функциональную необходимость и давление структуры.

Согласно третьей точке зрения, линия раздела между двумя типами факторов проводится с учетом их релевантности для процесса общения между говорящими. При таком понимании потребность выражения, например, будет считаться внутренним фактором, а влияние другого языкового коллектива, который лишь случайно участвует в процессе нормальной языковой деятельности, — внутренним.

Внутренние факторы именуются иногда внутренней обусловленностью, а внешние — внешней обусловленностью (Juillard 1953, 199)¹⁰¹.

⁹⁹ Ср. замечания Р. Карнапа (1971, 258, 259) о невозможности квалификации отдельной причины как "определенной причины" в сложной ситуации каузального характера, где имеется множество относящихся к ней компонентов.

¹⁰⁰ О категориях внутреннее/внешнее см., например: Попов 1968.

¹⁰¹ О понятии внутренней причинности см.: Мартине 1960, 147; Moulton 1961, 229; Журавлев 19676; о факторах, внешних по отношению к системе языка, — Крупаткин 1966, 29; Косериу 1963, 147; о взаимодействии внешних и внутренних факторов в развитии языковой (соответственно фонологической) системы — Vachek 1962; Серебренников 1968, 119; Добродомов 1968; о соотношении "внутрилингвистических" и "экстралингвистических" факторов функционирования и развития языка — Панфилов 1964.

Из комбинации пар признаков языковой/неязыковой и внутренних/внешний могут быть образованы следующие типы факторов: 1) языковые внутренние; 2) языковые внешние; 3) неязыковые внешние¹⁰². Случай неязыковых внутренних факторов, формально возможный, с содержательной точки зрения исключается.

Среди внутренних факторов, а также среди узкой группы внешних неязыковых факторов можно выделить несколько подгрупп, избрав в качестве оснований деления категориальные парадигмы системного подхода, включающие, например, такие категории, как система, структура, функция, материал (субстанция), или же избрав в качестве такого основания парадигматические и синтагматические отношения в языке. Тогда по рассмотренным основаниям с учетом возможных ограничений могут быть выделены следующие группы факторов:

- языковые внешние функциональные,
- языковые внутренние субстанциональные,
- языковые внутренние функциональные,
- языковые внутренние структурные,
- языковые внутренние собственно системные, касающиеся системы в целом, в отличие от принципов или свойств, относящихся только к одному из представлений системы — структурному, функциональному или субстанциональному (как материала)¹⁰³,
- языковые внутренние парадигматические,
- языковые внутренние синтагматические,
- неязыковые внешние.

В случае выбора категориальной парадигмы, включающей категорию процесса, можно различать факторы, характеризующие динамичность и относящиеся к процессу, и факторы, характеризующие устойчивость и относящиеся к чему-то, лежащему вне процесса¹⁰⁴.

Помимо причинных, в исторической фонологии встречаются и чисто структурные объяснения. М.И. Стеблин-Каменский (1961а, 123) обращает внимание на возможность исследования в рамках системно-процессуального варианта исторической фонологии не только причинных связей между отдельными изменениями в системе, но также и структурных, например, в ситуации, когда рассматриваемое языковое изменение связано с другим изменением, представляющим собой изменение структуры или системы.

В исторической фонологии встречаются также телеологические объяснения, эксплананс которых содержит апелляцию к какой-либо цели. Как показано в исследовании Е.П. Никитина (1970, 98–100), в класс телеологических объяснений в науке относят, помимо реальных телео-

¹⁰² См.: Журавлев (1976, 24), где к числу "внешнесистемных внутрилингвистических факторов", определяющих развитие определенного яруса языковой структуры, относятся "явления и устройство соседних ярусов".

¹⁰³ О роли системных факторов в историческом изменении см.: Якобсон 1965а; Крупаткин 1962б, 58; Steblin-Kamenskij 1957.

¹⁰⁴ Ср. также выделение генетических факторов (Brosnahan 1961), фонологических и нефонологических (Wells 1958; Иванова 1966), экстралингвистических (Задорожный 1975).

логических объяснений (разновидности причинных — генетических — объяснений), также псевдотелеологические (относящиеся к следственным — контрагенетическим — объяснениям). Сферой применения первых является "область осознанных, целенаправленных человеческих действий" (Никитин 1970, 100). В псевдотелеологических объяснениях, напротив, не может идти речи о сознательной постановке цели или о сознательном стремлении к ней, так как в них субъект вообще не предполагается, и понятие цели, лишённое этой своей существенной характеристики, совпадает с понятием функции¹⁰⁵.

По словам Е.П. Никитина (1970, 101), наблюдаемое в науке смешение телеологических и функциональных (следственных) объяснений вызывается отождествлением понятий цели и результата, обозначаемых часто одним и тем же термином "цель", а также влиянием традиций, когда научное функциональное объяснение, заимствовав язык преднаучных телеологических объяснений с их выражениями типа "для того, чтобы", "в целях того, чтобы" и т.п., внешне стало напоминать телеологическое.

Большинство объяснений в исторической фонологии, именуемых телеологическими, представляют собой псевдотелеологические объяснения.

В качестве самостоятельного вида телеологическое объяснение в лингвистике¹⁰⁶ возникло относительно недавно в противовес сосюровскому пониманию¹⁰⁷ языковых изменений как случайных толчков, разнородных с точки зрения системы. Обратив внимание на то, что языковые изменения часто имеют своей целью упрочнение и перестройку системы, лингвисты высказали предположение о возможности трактовки с помощью телеологических объяснений всей эволюции языковой системы (Крупаткин 1958)¹⁰⁸.

В соответствии с общей тенденцией современной науки к элиминированию телеологических объяснений подобный способ объяснения не получил широкого распространения и в лингвистике. Постепенно от телеологической трактовки процессов развития системы начинают отказываться и сами сторонники этой концепции. По мнению Ж. Гугенема (Gougenheim 1939, 268–269), имеется ряд контрпримеров, свидетельствующих об ограниченности "финалистского" подхода. К числу их могут быть отнесены, во-первых, случаи разрушения систем, находившихся в совершенном равновесии, например разрушение латинского вокализма, объяснимое лишь "внефонологической случайностью" — трансформацией высотного ударения в силовое. Во-вторых, об ограниченности финалистского подхода могут свидетельствовать также случаи выбора пу-

¹⁰⁵ О соотношении причинности, предсказуемости и телеологии см., например: Klaus 1960; Косериу 1963, 156, 213, 215; Макаров 1974; Трубников 1968.

¹⁰⁶ Отдельные замечания о возможности рассмотрения языка с телеологической точки зрения см.: Шухардт 1950, 72, 37.

¹⁰⁷ По утверждению Ф. де Соссюра (1933, 91, 92), у говорящих нет сознательного намерения изменить систему.

¹⁰⁸ О "целевой" модели языка, телеологической модели речевой деятельности и каузально-телеологических объяснениях в лингвистике см. также: Collinder 1936; Косериу 1963, 149, 189; Hoenigswald 1960; Якобсон 1965б; Jakobson 1962, 1, 2, 218; Troubetzkoy 1933, 245.

тей развития языковой системы, противоположных тем, какие можно было бы ожидать с финалистической точки зрения. Примером этого является развитие латинского g, не параллельного развитию с-перед теми же гласными.

Критические замечания в адрес телеологической концепции языкового развития сводятся обычно к доказательству невозможности объяснения развития языка стремлением только к одной цели и указанию на то, что в рассматриваемой концепции не получала разрешения проблема выяснения источников нарушения равновесия системы, поскольку в ней подобное нарушение принималось от противного; считалось, что, если в системе имеется движение к равновесию, то ему предшествовало нарушение равновесия (Крупаткин 1958, 37, 38).

Хотя телеологический стиль мышления в современной науке малопопулярен, отдельные элементы такого рода рассуждений встречаются в отдельных лингвистических работах до сих пор. В этом отношении показательна позиция пражских лингвистов, которые, отказавшись от первоначального варианта телеологического подхода с его поисками глобальной цели, сохранили понятие конкретной цели, определяемой на каждом историческом этапе конкретными условиями развития (Vachek 1957, 20, 21; Крупаткин 1958, 37). Уклонившись от ответа на вопрос о том, следует ли говорить в исторической (диахронической) фонологии о целенаправленности или же причинности, А. Мартине (1960, 131, 35) в своей реальной исследовательской практике предпочитает использовать вместо телеологического понятия "гармония" структурно-функциональное понятие "включение в систему". По мнению А. Мартине (1960, 35), введению в научную дискуссию терминов "целенаправленность" и "телеология" препятствует их излишняя аффективность.

При типологизации экспланаторных построений в исторической фонологии дискуссионной является возможность отнесения в класс телеологических таких объяснений, в эксплананс которых входят тенденции. Примером подобных рассуждений может служить трактовка А.В де Гроотом (Groot 1948, 190) типичного произношения в языке как "организованной системы направленных к определенной цели тенденций", которая "не может быть объяснена причинно из законов физического автоматизма, поскольку она телеологически причинна".

Если называть телеологическими только такие объяснения, в которых речь идет не просто о направленности в развитии и функционировании системы, а о целенаправленности¹⁰⁹, то к числу телеологических могут быть отнесены объяснения с помощью тенденций, понимаемых в этом узком смысле (ориентира в направлении к цели).

С точки зрения полноты структуры эксплананса объяснения в исторической фонологии распадаются: 1) на целостные объяснения, где имеются и большие посылки (универсальные положения) и малые (положе-

¹⁰⁹ Обсуждение понятийных различий направленности и целенаправленности, а также "направленно организованных" и "целенаправленно организованных" систем см.: Никитин 1970, 100.

ния о конкретных условиях); 2) на неполные объяснения ("энтимемы"), где имеются либо большие, либо малые посылки; 3) на объяснения, где представлены в нерасчлененной форме оба типа посылок. Образцом объяснений третьего типа в исторической фонологии являются объяснения, эксплананс которых состоит из одних только факторов (в крайнем случае одного, в большинстве случаев — из нескольких), расчленяющихся иногда на причины и условия.

Состав экспланаторных средств исторической фонологии (факторы, тенденции, законы)

Остановимся подробнее на описании экспланаторных средств исторической фонологии, используемых при построении объяснений. В состав таких средств входят факторы, тенденции и законы развития фонологической системы.

С точки зрения роли в структуре объяснения эти средства не однородны. Так, факторы, очевидно, будут квалифицироваться как составная часть малых посылок эксплананса объяснений (положений о конкретных условиях). В трактовке Е.П. Никитина (1970, 140), положения о конкретных условиях в случае причинного объяснения описывают причину объясняемого объекта и необходимые условия ее действия, в случае следственного объяснения — следствия, в случае структурного объяснения — структуру, в случае атрибутивного объяснения — свойства объекта.

Как уже отмечалось, в диахронических экспланаторных построениях факторы обычно интерпретируются либо как причины, либо как условия реализации процессов.

Законы, применяемые в исторической фонологии, квалифицируются, естественно, как составная часть больших посылок эксплананса объяснения.

Что же касается тенденций, то их статус достаточно неопределен. При соответствующей интерпретации они могут входить как в состав больших посылок эксплананса объяснений, так и малых (в состав положений о конкретных условиях объясняемого объекта). Однако чаще всего в экспланаторных построениях исторической лингвистики тенденции выступают в одинаковой функции с законами в роли компонента больших посылок эксплананса. Так, В.К. Журавлев (1975, 52) говорит о необходимости подведения основных закономерностей процесса развития праславянского языка "под два основных закона, под две основные тенденции (тенденция к палатализации и закон открытых слогов)", употребляя термины "закон" и тенденция" в одинаковых смысловых контекстах.

Естественно, что в номологических и в теориологических объяснениях законы и тенденции могут выступать в роли их экспланандума.

Рассматривая факторы, тенденции и законы, будем приводить их в авторских формулировках, в каких они встречаются в текстах по исторической фонологии. При этом может оказаться, что некоторые из таких обобщений, квалифицируемых лингвистами, например, как за-

коны¹¹⁰, являются лишь гипотезами, не прошедшими этапа предварительного обоснования¹¹¹. Однако для настоящей работы это несущественно, так как описание экспланаторных средств исторической фонологии в ней носит лишь иллюстративный характер.

Приводя списки факторов, тенденций и законов, будем опираться на рассмотренные классификации данных логических единиц.

Рассмотрим факторы, оказывающие влияние на развитие фонологической системы. К группе внешних языковых факторов, интерпретируемых обычно в экспланаторных построениях исторической фонологии как причины или условия звуковых изменений (Мартине 1960, 39), относятся явления, связанные с воздействием на языковую систему (а следовательно, и на фонологическую) других языковых систем¹¹². Это может наблюдаться в нескольких ситуациях:

1) когда после завоевания одного народа другим побежденный народ передает победившему определенные особенности своей артикуляторной базы;

2) когда наблюдается непосредственное взаимовлияние языков в результате контактов (ср. билингвизм);

3) когда языковая система может меняться вследствие смешения и взаимовлияния диалектов: ср. переход интервокального -г- в [z] в одной из разновидностей французского языка в результате спорадической имитации регулярного изменения, имевшего место в других его разновидностях (Мартине 1960, 45; см. также: Hill 1966, 83).

К числу внешних языковых факторов, обуславливающих звуковые изменения, могут быть отнесены с известной долей условности также внешние связи звуковых изменений с подобными изменениями в других диалектах или языках (Стеблин-Каменский 1966, 126).

В состав группы внешних неязыковых факторов, особенно интенсивно исследовавшихся в исторической фонетике, относятся различные импульсы, непосредственно влияющие на человека извне, и предположительно (прямым или косвенным образом) на его язык, а также факторы, касающиеся некоторых физиолого-психологических сторон человека.

¹¹⁰ О логической форме законов и отличии утверждений, имеющих форму закона, от утверждений, не имеющих такой формы, см.: Карнал 1971, 39, 40, 281; Икитин 1970, 25; Рузавин 1974, 171, 207.

¹¹¹ О подтверждении теоретических и эмпирических законов см.: Карнал 1971, 60, 61, 285, 307–309; Густерин 1969, 61. Говоря о законах общей фонологии, упоминаемых Р. Якобсоном, И.Д. Юлианов (1968, 141) замечает, что они "интересны и важны как относительные обобщения, выведенные относительно определенного круга (или определенного количества языков); и вместе с тем они нуждаются в довершении для большого количества еще других языков или же в доформулировках на основании этих других языков".

¹¹² Иногда при абсолютизации этого фактора предполагается, что всякое звуковое изменение есть процесс заимствования; см.: Стеблин-Каменский 1966. О проблемах языковой (звуковой) интерференции см.: Weinreich 1957; Petrovici 1957; 1964; Chochralski 1971; Ritchie 1968; Haugen 1950; Pike 1960; о проблемах заимствования – Deroo 1956; Rosetti 1961; Griffen 1974; Верещагин 1968; Серебренников 1968, 11; Мартине 1960, 215; 1963, 558; 1965, 452. О влиянии внешней среды на языковые изменения см.: Серебренников 1968, 9–39.

В рамках этой достаточно разнородной группы может быть выделено несколько подгрупп¹¹³: 1) антропологические (антропологическая неприиспособленность к определенному типу произношения); 2) культурно-исторические, связанные с традициями, особенностями среды, условиями жилища; 3) географические, связанные с приспособлением органов речи к условиям почвы и климата; 4) социально-экономические, включающие социальную эволюцию (в том числе изменения в социальной структуре), развитие общественного сознания, табу в обществе, образ жизни народа, общее состояние нации, различие в потребностях носителей языка, смену поколений.

Иногда выделяют особую группу социально-психологических факторов, включающую явления, обладающие социальной и психологической природой: национальный характер и темперамент носителей языка, влияние моды, включая подражание иностранной речи или консервативному произношению.

При оценке роли внешних неязыковых факторов в изменениях фонологической системы и соответственно при выявлении их роли в структуре объяснения имеются две точки зрения. Согласно первой, — участие такого рода факторов сводится лишь к косвенным опосредованным воздействиям, а объяснение с их помощью, по словам М.И. Стеблина-Каменского (1966, 20), — "обычно лишь курьез". Согласно второй точке зрения, некоторым из таких факторов — прежде всего социальным — приписывается особенно действенная роль¹¹⁴. Считается, что язык как социальный феномен может быть объяснен только лишь через социальные факты — влияние общества, обслуживаемого этим языком, а не с помощью внутрисистемных факторов, поскольку система сама по себе не вызывает изменений (Sommerfelt 1966, 35–51, 56, 59, 64, 65, 72–80, 155–157, 210–213).

К числу постоянных условий общего характера, играющих большую роль там, где языковые изменения вызываются другими факторами, в трактовке А. Соммерфельта (Sommerfelt 1962, 44), относится, например, смена поколений. В класс постоянных факторов звукового изменения, по А. Мартине (1960, 63, 64), входит подражание консервативному произношению.

Группа внутренних языковых факторов, особенно интенсивно исследуемых в исторической фонологии, включает общесистемные, субстанциональные, структурные и функциональные факторы.

Условно в эту группу могут быть включены также морфологические факторы, интерпретируемые как внутренние экстрафонологические¹¹⁵.

¹¹³ Критический анализ этой группы факторов см. например: Журавлев 1976, 24; Поливанов 1968, 61, 86–89; Соссюр 1933, 140, 142; Мартине 1960, 38, 39, 249; 1963, 529–532; Стеблин-Каменский 1966, 20, 116, 125; Lomax 1973; Groot 1948, 188; Koppelman 1939, 6, 38; Леков 1960, 7, 8; Lehmann 1962, 172; Sommerfelt 1962, 41, 65, 156, 299; Labov 1963, 275, 297–308; Sturtevant 1965, 74–84; Fischer 1958, 52; Joos, 1952, 229; Bright, Ramanujan 1964, 1108; ОССАИИ 1960, 130.

¹¹⁴ Анализ позиции Е.Д. Поливанова, признающего лишь опосредованный характер влияния социально-экономических факторов на язык, см.: Крысин 1964, 23; Поливанов 1968, 86–89.

¹¹⁵ О роли морфологического фактора в звуковых изменениях см.: Hoenigswald 1964b, 214; Lehmann 1962, 101; Соссюр 1933, 151–160; Мартине 1963, 553, 554; Стеблин-Каменский 1966, 40; Колесов 1964a, 67.

В состав субстанциональных факторов входят явления, связанные с ограничениями голосового аппарата, проистекающими из-за недостаточной приспособленности органов речи к звуковой природе человеческого языка (Мартине 1960, 78, 128)¹¹⁶. К числу таких ограничений относятся инертность и асимметрия органов речи.

Инертность, проявляющаяся, например, в ассимиляции звуковых единиц со своим контекстом, возникает вследствие неспособности органов речи мгновенно переходить от одного состояния к другому (Мартине 1960, 65, 128, 131; 1963, 557)¹¹⁷.

Асимметрия органов речи (или неодинаковость акустико-артикуляторных возможностей разных органов речи и разных участков речевого канала) проявляется в том, что не все комбинации звуковых признаков во всех условиях в одинаковой степени физиологически (артикуляторно) удобны для произношения и безупречны для акустической различимости и восприятия. Таким физиологически неудобным является, например, сочетание носового с глухим щелевым (Крупаткин 1966, 8)¹¹⁸.

К числу субстанциональных факторов можно отнести также темп речи, способ произношения слова (типичное словопроизношение, являющееся, по мнению А.В. де Гроота, единственной прямой причиной большинства изменений и самых регулярных изменений в формах слов), а также некоторые особенности индивидуальной речи; дефекты органов речи, недостаток слуха и другого типа патологии (Groot 1948, 189)¹¹⁹.

Критикуя рассмотрение аномалий, характерных для отдельных говорящих, в качестве факторов языковой эволюции, обращают внимание на то, что такие особенности, во-первых, не являются фактами языка и что, во-вторых, человек в качестве отдельного индивида не может оказать воздействия на развитие языков. Исключения составляют случаи, когда такой индивид выступает в роли носителя социальной функции и когда, например, его произношение усваивается всеми лицами, говорящими на этом языке. Возможность же подобных случаев типа ситуации, когда щепелявое произношение Карла пятого стало причиной появления глухого междубного в испанском, по мнению М.И. Стеблина-Каменс-

¹¹⁶ Чисто фонетические причины звуковых изменений относят иногда к числу внешних языковых факторов (доводов); см.: Крупаткин 1966, 29. По словам В.К. Журавлева (1976, 24), к внешнесистемным факторам относится также фонетика, "собственно антропофоника". Согласно А. Жуилян (Juilland 1953), к числу постоянных внешних условий звуковых изменений, имеющихся во всех языках на всех этапах их исторического развития, относится асимметрия органов речи.

¹¹⁷ О роли инертности в ослаблении и упрощении артикуляции в слиянии нескольких фонем в одну см.: Hoenigswald 1939, 270. Примеры объяснения отклонений от нормы при звуковых изменениях с помощью асимметрии органов речи см.: Мартине 1960, 234.

¹¹⁸ Об антропофонических ограничениях, накладываемых особенностями речевого и слухового аппаратов на реально существующие фонологические системы, см.: Журавлев 1966б, 68.

¹¹⁹ Подробнее о субстанциональных факторах см., например: Мартине 1960, 65, 78, 128, 131, 145-146, 228-229; 1963, 557, 565; Buysens 1965, 1330; о факторе литературной нормы см.: Журавлев 1976, 54.

кого (1966, 20), представляется весьма сомнительной и, в принципе, недоказанной.

Подчеркивая особую значимость функциональных факторов при построении объяснений, исследователи обычно противопоставляют их либо структурным факторам, замечая, что "языковая изменчивость находит свое объяснение не в том, как устроен язык, а в том, каково его назначение" (Hockett 1965, 204), либо субстанциональным, подчеркивая, что при решении конкретных задач фонетических изменений определяющими являются не физические критерии, а фонологическая функция.

Важным функциональным фактором, влияющим на направление, а отчасти и само возникновение изменений в языковой системе является необходимость обеспечения взаимопонимания в процессе языкового общения, способствующая сохранению полезных фонологических противопоставлений¹²⁰.

К функциональным факторам изменения фонологической системы относится функциональная нагрузка единиц (их относительная частота), а также эстетическая функция звуков ("эстетические потребности")¹²¹.

Характерной особенностью исторической фонологии как экспланаторной дисциплины, занимающейся построением сложных структурно-генетических объяснений, является выдвигание на первый план структурных факторов, получивших в лингвистике широкое признание именно с развитием этого предмета¹²².

Основное предназначение структурно-генетических объяснений сводится к демонстрации того, каким образом "структура языка определяет фонетическую эволюцию" (Мартине 1960, 91).

При характеристике статуса структурных факторов в качестве компонентов эксплананса причинных, а также сложных структурно-генетических объяснений дискуссионной является возможность рассмотрения структурных факторов в качестве причин изменений или лишь пассивных условий постоянного характера, сопутствующих таким изменениям¹²³. Наиболее популярны в исторической фонологии решения, приписывающие

¹²⁰ Подробнее о влиянии потребностей общения на фонологическую структуру, приводящем к фундаментальной перестройке фонологических систем, а также критический разбор возражений против тезиса о сохранении полезных противопоставлений как факторе фонологической эволюции см.: Мартине 1960, 77, 78, 166; 1963, 558; 1965, 452; о гиперкоррекции (сверхстарательности) как факторе в изменении см.: Labov 1966a; Леков 1960, 11.

¹²¹ О функциональных факторах см., например: Мартине 1960, 62–64, 73–74, 79; Doroszewski 1939; Журавлев 1965, 36; об эстетической функции – Мартине 1960, 61, 62; Шухардт 1950, 34; о функциональной нагрузке – Мартине 1960, 79, 82, 136, 137, 179, 180; Плоткин 1967, 7, 21; Vachek 1969; Mańczak 1969, 1970; Hockett 1966; Wang 1967; Walter 1974; Mathesius 1931; King 1967; Meyerstein 1970.

¹²² Отдельные замечания о генезисе структурных объяснений звуковых изменений см.: Мартине 1960, 91, 94. О роли факторов структурного характера при объяснении историко-фонологических явлений, казавшихся "загадочными", см.: Крупаткин 1958, 38, 83–85; Trnka 1936, 14, 15; Penzl 1964, 2; Joos 1952.

¹²³ Критику позиции, согласно которой наличествующие в языковой системе фонологические отношения рассматриваются как достигнутый результат, а не движущая сила изменения, см.: Крупаткин 1958, 37.

структурным факторам действительную роль в механизме языковых изменений (Стеблин-Каменский 1966, 22; Anderson 1973; Juilland 1953, 200; Troubetzkoy 1933a; Haudricourt, Juilland 1970; Erdmann 1972; Lüdtkе 1956; Мартине 1960, 232; ОССАИИ 1960, 130).

В состав структурных факторов включают прежде всего давление системы. Понятие давления системы, под которым обычно понимается тяготение к "внутренне логичной, экономной организации", существовало еще в работах Э. Сиверса и Г. Пауля (Иванов 1968, 10; Пауль 1960, 22, 76, 79; Стеблин-Каменский 1966, 22). Однако наиболее глубокое развитие оно получает в исторической фонологии (Макаев 1962; Клычков 1962; Moulton 1961a; Malkiel 1961).

Как показал А. Мартине (1963, 555; 1960, 44, 84, 188), в каждой точке речевого потока звуковая реализация и семантическое содержание единиц высказывания — различительной (фонемы) или значимой (монемы) — подвергается двойному давлению: "боковому" со стороны соседних единиц речевого потока и "вертикальному", направленному на сохранение обычных артикуляций, со стороны единиц, способных выступать в той же позиции, что и рассматриваемая единица.

Давление системы находит свое выражение в процессах притяжения и отталкивания (выталкивания) из группировки¹²⁴ единиц с различной степенью включенности в систему. К числу таких единиц относятся, например, фонемы, имеющие фонетическую структуру и поведение (функционирование), характерные для определенной серии, но формально не включенные в корреляцию из-за отсутствия соответствующих коррелятов в другой серии¹²⁵.

Видоизменение характера и направления давления системы на свои единицы может приводить, в частности, к изменению традиционной артикуляции или даже всей совокупности реализаций фонемы (Мартине 1960, 44).

В экспланаторных построениях лингвистики весьма распространено апеллирование к устойчивости, стабильности и равновесию системы, которые понимаются часто недифференцированно, как тождественные (Hoenigswald 1960, 82; Мартине 1960, 108, 135; 142, 143; 1963, 537, 538; ОССАИИ 1960; Хлебникова 1969; Martinet 1939a; Косериу 1963, 149, 175, 176, 186; Sommerfelt 1962, 213 и др.). Однако чаще устойчивость, трактуемую как способность системы в течение достаточно длительного времени оказывать сопротивление силам, направленным на ее изменение, относят к атрибутам системы, а равновесие — к ее состоянию¹²⁶.

¹²⁴ О давлении, притяжении, отталкивании, а также о благоприятных условиях протекания процесса притяжения организованной группировкой фонемы, лишь частично включенной в систему, см.: Мартине 1960, 233, 84, 85, 109, 128; 1963, 358, 359.

¹²⁵ О степени включенности в систему см.: Журавлев 1976, 63. О связи явления включения в систему с тенденцией движения определенного элемента "из периферии в центр системы" см.: Журавлев 1976, 65.

¹²⁶ О мере устойчивости системы, измеряемой количеством имеющихся в ней "пустых клеток", см.: Журавлев 1966б, 68.

В известном смысле синонимом устойчивости является традиционное понятие гармоничности. Применительно к фонологической системе гармоничность трактуют иногда как устойчивость, достигаемую "максимальным использованием релевантных артикуляторных типов" (Мартине 1960, 138).

Необходимость устойчивости (стабильности, равновесия) языковой системы рассматривается как следствие ее основной коммуникативной функции, направленной на сохранение взаимопонимания и непрерывности общения: именно для того чтобы языковая система могла успешно выполнять свои функции, она (и соответственно ее компоненты) должна обладать определенной стабильностью, в частности, ограниченными темпами своего развития.¹²⁷

Анализ фонологической системы в терминах устойчивости/неустойчивости является весьма популярным в исторической фонологии. Так, А. Мартине говорит об устойчивости системы гласных (1960, 159), об устойчивости определенных типов корреляции (1960, 106, 107, 146, 150, 160), а также фонем, включенных в корреляцию (1963, 564). Соответственно он рассуждает об элементах неустойчивости в системе и неустойчивой системе в целом (1960, 158, 159), об источниках неустойчивости гласной системы, создаваемой, например, за счет перегруженности серии (1960, 120), о неустойчивости противопоставлений по интенсивности (1960, 170). Согласно А. Мартине (1960, 30, 160), корреляция по придыханию выступает с диахронической точки зрения как "неустойчивое переходное образование", а корреляция по артикуляторному типу является неустойчивой по самой своей природе.

Весьма распространенным является также анализ системы в терминах равновесия, которое, по словам Я.Б. Крупаткина (1958, 38), понимается в современной лингвистике более конкретно по сравнению с эпохой зарождения исторической фонологии.

В теоретической лингвистике имеются две точки зрения относительно наличия в языковой системе полного или частичного равновесия. Первая — концепция абсолютного равновесия языковой системы в ее синхронном состоянии — восходит к позиции Ф. де Соссюра (1933, 120; см.: Крупаткин 1958, 38), усматривавшего в языке "сложное равновесие взаимнообуславливающих себя элементов"¹²⁸; вторая, — основывающаяся на предположении о динамичном характере синхронии, исходит из гипотезы относительного и подвижного равновесия языковой системы с достаточно широким диапазоном колебания такого равновесия, следствием чего является то обстоятельство, что "большинство известных фонологических систем содержит следы нарушения равновесия" (Мартине 1960, 44). Соответственно фонологическая система также понимается как "сис-

¹²⁷ Ср., однако, обратную ситуацию, когда изменение одной из подсистем вызывает стабилизацию другой; например, значительные изменения в области вокализма индоевропейских языков обусловили стабильность модели консонантизма (Клычков 1963, 5). О попытках определения меры стабильности и "лабильности" системы см.: Журавлев 1976, 66—68.

¹²⁸ Ср. также замечание А. Мартине (1963, 558) о возможности обнаружения в любой точке речевой цепи действия различных уравнивающих друг друга сил.

тема неустойчивого равновесия, стремящаяся к устойчивости, но никогда не достигающая ее" (Журавлев 1976, 59; 1968, 58).

Движение фонологической системы во времени в рамках второго представления трактуют (см.: Крупаткин 1958, 36) как последовательно осуществляющиеся циклы изменений, приводящие к нарушению и последующему восстановлению равновесия с целью улучшения системы функционально противопоставленных элементов¹²⁹.

Согласно Р. Якобсону (Jakobson 1931, 265, 247), "восстановление равновесия в одной точке системы может привести к нарушению равновесия в другой точке, что в свою очередь может повлечь за собой новую цепь мутаций, вызванных требованием стабилизации".

В некоторых исследованиях (Яковишин 1969, 27, сн. 8) обращается внимание на закономерный характер такой цикличности. Отмечается, что в самом стремлении системы к равновесию содержится предпосылка к разрушению равновесия и движению к новому неравновесию (в силу инерционности движения). "Развитие системы, по-видимому, можно представить как колебательный процесс, — пишет В.С. Яковишин (1969, 27, сн. 8). В постоянном взаимодействии с фонетическими изменениями система то приближается к равновесному состоянию, то удаляется от него (при этом отсутствие элемента в системе является лишь предельным случаем неравновесия)". По словам А. Мартине (1960, 120, 121; 1963, 558), идеальное фонологическое равновесие принципиально недостижимо, даже если какая-либо система "казалась приближающейся к структурному совершенству". Этому препятствуют факторы, нарушающие такое равновесие. К их числу относятся, во-первых, изменения свойственных носителям языка потребностей, оказывающих воздействие на фонологическую систему через синтаксис, лексику, морфологию, ритм, интонацию и др., во-вторых, непрерывное образование новых единиц, в том числе за счет проникновения в фонетические системы инноваций, видоизменяющих расположение действующих сил в системе, вызывая поиски нового равновесия. По утверждению Я.Б. Крупаткина (1958, 38), факторы, приводящие к нарушению равновесия, — иноязычное влияние и действие мутаций к восстановлению равновесия — имеют необязательный характер.

Факторы стремления системы к равновесию, устойчивости, стабильности используются в различных функциях при построении объяснений и интерпретируются то как причина, то как пассивное условие последующего изменения.

С известной долей условности к группе структурно-функциональных факторов может быть отнесен также принцип простоты (см.: Булыгина 1977, 89–109). В соответствии с этим принципом предполагается, что идеалом построения системы является простота, а усложненность структурной организации фонологической системы служит стимулом ее изменения. Так, В.В. Колесов (1966, 184) рассматривает в

¹²⁹ О попытке представить неустойчивый динамический характер системы как непосредственное следствие коммуникативной функции языка см.: Журавлев 1976, 59.

качестве одной из причин изменения фонологической системы древнерусского языка ее усложненность за счет гласных средневерхнего и средне-нижнего подъема — самых "невыразительных" гласных в системе фонологических оппозиций, а А. Мартине (1960, 179, 180) трактует сложность фонем серии как один из факторов, определяющих или облегчающих мутацию в случаях заметного возрастания частотности этих фонем.

Экспланаторная сила этого фактора часто подвергается сомнению на том основании, что доказательство развития системы в направлении простоты имеет известные трудности (Lehmann 1962, 171). Поэтому о звуковых изменениях, имеющих тенденцию к развитию в направлении простоты, можно высказывать лишь самые общие суждения.

Проявлением принципа простоты служат: требование структурного параллелизма (Плоткин 1967, 22), идея пропорциональности соотношений (Мартине 1963, 420, 421) и пропорциональной аналогии (Леков 1960, 11), а также широко распространенный принцип симметрии (ФЭ 1970, 13, 14). Согласно В.К. Журавлеву (1976, 60), "идея о тенденции к симметрии в лингвистике вытекает из фундаментального положения об оппозициях как о клеточках целостного организма системы языка", так как "... самая суть оппозиции в языковой системе базируется на принципе симметрии"¹³⁰.

Экспланаторные построения, опирающиеся на принцип симметричности, различаются тем, что считается движущим фактором эволюции языковой системы — симметрия или симметрия и асимметрия вместе¹³¹.

Согласно первой позиции, исходящий из предположения, что идеальным состоянием системы является симметрия, а наличие асимметрии в системе — показатель ее неустойчивости, признается, что движение фонологической системы во времени происходит по направлению к симметрии¹³². В крайних вариантах такого подхода считается, что после каждого очередного изменения, вызвавшего асимметрию, вся система под действием не встречающей сопротивления структурной тенденции к симметрии "автоматически перестраивается в направлении новой симметрии и всегда сразу же достигает ее" путем заполнения всех возможных пустых клеток и достижения строго симметричного расположения фонем (Benedikts-

¹³⁰ В исследовании В.К. Журавлева (1976, 61) делается попытка вывести из тенденции системы к симметрии ряд важных понятий исторической фонологии: тенденцию к заполнению пустых клеток, понятия степени включенности в систему, давления системы, периферии и центра языковой системы. О соотношении симметрии и структуры, а также о трактовке симметрии как особого рода единства сохранения и изменения см. у Н.Ф. Овчинникова (ПИСС 1965, 12—14).

¹³¹ Попытки связать апеллирование к асимметричности / симметричности в звуковой системе с типом изменения — фонетическим или же фонологическим — имеются у И.Лекова (1960, 13).

¹³² Описание этой точки зрения и ее критический анализ см.: Стеблин-Каменский 1966, 68.

¹³³ Ср., например, признание В.В. Колесовым (1966, 184) асимметричности фонологической системы древнерусского языка за счет гласных переднего ряда как одной из причин ее изменения. О факторе уменьшения и нарушения симметрии в фонологической системе см.: Hoenigswald 1960, 96; Мельников 1970.

son 1959; Стеблин-Каменский 1966, 68–70)¹³⁴. Однако чаще всего в рамках рассматриваемой позиции требование обязательной реализуемости тенденции движения асимметричной системы к симметрии отсутствует и признается, что асимметричная система посредством звуковых изменений и их фонологических следствий не обязательно может стать симметричной (Herrlitz 1970, 36)¹³⁵.

Вторая позиция допускает двоякое движение системы во времени: движение от асимметрии к симметрии и обратное движение от симметрии к асимметрии, хотя и считается, что движение от асимметрии к симметрии обычнее, чем обратное (Twaddell 1948, 290–293; Lehmann 1962, 171, 182).

Возражения против абсолютизации фактора симметрии (см.: Стеблин-Каменский. 1966, 8, 70) сводятся к тому, что симметрия в реальных языках фактически никогда не бывает полной, показателем чего служат многократные существенные перестройки в фонологической системе, из-за которых симметрия в расположении фонем одновременно разрушается и создается. Это в свою очередь означает, что тенденция к симметрии так и остается тенденцией, так как предел, в направлении к которому должно было бы идти развитие в соответствии с принципом симметрии, если бы оно было абсолютно "правильным" и не встречало никакого сопротивления, в действительности никогда не достигается.

Иногда делается попытка связать фактор стремления системы к симметрии с тенденцией к равновесию и обосновать наблюдающееся в системе циклическое движение от симметрии к асимметрии и обратно в рамках закона стремления системы к равновесию. По словам В.С. Яковишина (1969, 27), "движение к равновесию, которое нередко заканчивается образованием симметрии, содержит в себе предпосылку нового асимметричного состояния. Обусловленные асимметрией изменения с некоторого момента, возможно, перестают стимулироваться системой и, обладая определенной инерцией, сами увлекают систему в разрушительное движение".

Одно из центральных мест в экспланаторных построениях исторической фонологии занимает общесистемный универсальный принцип экономии¹³⁶. Под разными названиями он встречается в работах И.А. Бодуэна де Куртене, Г. Пауля, П. Пасси, О.Есперсена, Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, З. Штибера, А.Мартине и др. Так, например, Г. Пауль (1960, 372–384) го-

¹³⁴ О двух путях достижения симметрии – заполнении "пустой клетки" и элиминации элемента, противоречащего симметрии, – см. подробнее: Журавлев 1976, 61.

¹³⁵ О субъективных мотивах построения решений в фонологии в соответствии с принципом симметрии в связи с проблемой неединственности фонологических решений см.: Стеблин-Каменский 1966, 8, 56, 64–66.

¹³⁶ О принципе экономии см., например: Бодуэн де Куртене. 1963а, 228, 298; Passy 1890, 229, 230; Jespersen 1962, 391; Щерба 1956, 257; Stieber 1946; Стеблин-Каменский 1966, 18; Крупаткин 1958, 39; Иванов 1957, 39. О попытках объяснения принципа экономии в рамках современной теории информации см.: Крупаткин 1958, 39, 40. О теории лингвистической экономии Е.Д. Поливанова, предвосхитившего теории Дж. Ципфа и А. Мартине, см.: Виноградов 1964, 15.

ворит об экономии языковых средств; И.А. Бодуэн де Куртене (1963а, 228) — о стремлении к экономии центробежной силы; Е.Д. Поливанов (1968, 137, 81–83, 60, 73, 70) — об экономии ("самоэкономии") фонетической системы, "трудовой энергии", "фонационной энергии", "психологической деятельности" и т.д.

Среди лингвистов нет единого мнения по поводу интерпретации этого принципа и оценки его статуса. Принцип экономии, понимаемый весьма узко, пытаются часто объединить вместе с поисками "легких артикуляций" в единый закон наименьшего усилия (см.: Мартине 1960, 1963, 532, 533)¹³⁷. Иногда принципу экономии пытаются придать, напротив, такое широкое толкование, что выдвигается вопрос о целесообразности его введения (Стеблин-Каменский 1960, 18, 19) и возможности применения в экспланаторных лингвистических построениях¹³⁸.

Принимая принцип экономии в качестве экспланаторного средства теоретической лингвистики, многие исследователи по разному оценивают его онтологический статус, считая этот принцип важным фактором развития языка или же просто эстетическим идеалом исследователя.

А. Мартине пытается раскрыть содержание данного принципа путем экспликации лежащих в его основе противоречий. Согласно А. Мартине, принцип экономии представляет собой "синтез потребностей и инерции", проявляясь в постоянном стремлении к достижению равновесия между разнонаправленными силами — потребностями общения, с одной стороны, и инерцией памяти и органов речи, с другой. Такая трактовка принципа экономии отличает позицию А. Мартине от позиции его предшественника П. Пасси, который противопоставлял этот принцип так называемому принципу эмфазы. Согласно принципу экономии, в трактовке Пасси, "язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним", в противовес принципу эмфазы, в соответствии с которым "язык постоянно стремится выделить то, что является необходимым". Подобное противопоставление принципов при отсутствии их последующего синтеза приводит фактически к ограничению значения термина "экономия" понятием бережливости и является, с точки зрения А. Мартине, неправомерным.

Действительно, при таком противопоставлении создается впечатление о возможности существования в любой языковой ситуации значительной зоны, не затрагиваемой ни одним из этих принципов. Однако это не соответствует реальности: действие принципа экономии ощущается в любой точке речевого потока, где происходит столкновение потребности общения и инерции, равновесие между которыми достигается путем использования этого принципа.

¹³⁷ Согласно И.А. Бодуэну де Куртене (1963а, 248), "причиной, двигателем всех изменений языка является стремление к удобству, стремление к облегчению в трех областях языковой деятельности: в области произношения (фонации), в области слушания и воспринимания (аудиции) и, наконец, в области языкового мышления (церебрации)".

¹³⁸ Критику таких позиций см.: Крупаткин 1958, 39, 40. Критику абсолютизации принципа экономии см., например.: Крысин 1964, 25, 26.

Принцип экономии, в трактовке А. Мартине, относится к числу универсальных принципов, определяющих строение, функционирование и генезис языковой системы¹³⁹. При таком понимании речь может идти об экономии: 1) фонетической системы в целом, создаваемой, в частности, за счет оптимального использования фонем и различительных признаков (Мартине 1960, 130; Herrlitz 1970, 36; Pak 1973); 2) парадигматической и синтагматической экономии (Мартине 1963, 533, 534; Herrlitz 1970); 3) экономии единиц первого и второго членения (Мартине 1963, 377, 378, 381, 460); 4) экономии противопоставлений по силе в пределах слога (Мартине 1960, 158–170).

Для концепции А. Мартине характерно понимание экономии как сложного динамического явления, в реализации которого участвуют факторы различного порядка. Динамизм экономии выражается в том, что она находится постоянно как бы в колеблющемся состоянии, а не представляет собой нечто застывшее и константное. Это связано с тем, что полезность фонологических различий для языкового коллектива с течением времени может изменяться (увеличиваться или уменьшаться). Соответственно, затраты энергии¹⁴⁰ и дополнительное внимание, необходимые для сохранения различий, тоже могут меняться как в плане значащих элементов — слов, морфем и т.д., так и в плане различительных и выделительных элементов — фонем, просодических единиц.

Применение универсального принципа экономии в экспланаторных построениях исторической фонологии позволяет объяснять многие сложные моменты развития языковой системы, приводя вместе с тем часто и к наипростейшему решению (Мартине 1960, 73, 185). Так, с позиций экономии появление или укрепление в языке силового ударения трактуется А. Мартине (1960, 220, 221) как процесс утраты "бесполезных элементов", подлежащих исключению из развивающейся структуры. В терминах артикулярной экономии трактуется процесс исчезновения некоторых единиц и отношений как ликвидация фонологических различий, оказавшихся не настолько полезными, чтобы оправдать затраты энергии и дополнительного внимания, необходимые для их сохранения. С помощью понятия экономии (экономичности) может быть объяснено отсутствие (непоявление) некоторых ожидаемых процессов, например, расширения круга единиц вследствие того, что это приводит к большей затрате усилий, чем та, которая считается в этой ситуации оправданной.

Большую экспланаторную нагрузку в теории экономии А. Мартине несет понятие артикуляционной (артикуляторной) экономии. Согласно Мартине, принцип экономии определяет в конечном счете само существование фонематической артикуляции.

Об артикуляционной экономии речь может идти в различных исследовательских ситуациях. Артикуляционная экономия может создаваться,

¹³⁹ В качестве основного (панхронического) общезыкового закона, проявляющегося во всех областях языка, принцип экономии выступает также в концепции Е.Д. Поливанова. См.: Крысин 1964, 25.

¹⁴⁰ Об использовании понятия энергии при описании действия принципа экономии см.: Мартине 1960, 171; 1963, 536.

во-первых, за счет исчезновения из языка фонемы, не принадлежащей ни к какой корреляции, и ее релевантного признака (и соответственно не может — при исчезновении из языка фонемы, входящей в корреляцию). Экономия различительной артикуляции может иметь место далее при появлении новой коррелятивной пары. Об артикуляционной экономии речь может идти в диахронии при оценке заполнения пустых клеток и процесса катализа.

Тенденции, используемые при объяснении процессов функционирования и развития фонологической системы, образуют несколько групп.

В группу общесистемных тенденций входят тенденции:

к экономии языковых средств (Поливанов 1968, 84; Мартине 1963, 433; Серебренников 1968, 79)¹⁴¹;

к изменению языка и совершенствованию его системы;

к консервации языка и к устранению слишком очевидных нововведений;

к ограничению сложности речевых сообщений (длины слова), а также к четко очерченной типологической цели (Hoenigswald 1960, 80, 82);

к изменениям по аналогии;

экстрафонологическая тенденция к единству отдельных манифестаций в пределах морфемы, касающаяся общесистемных нефонологических закономерностей в отличие от других общесистемных закономерностей, относящихся и к фонологической подсистеме (Колесов, 1964, 68).

К классу структурных тенденций (Tauli 1958, ОЯ 1970, 274–278; Moulton 1961a; Wijk 1939, 306; Lehmann 1962, 145, 171; 1959, 240; Hoenigswald 1960, 81; Стеблин-Каменский 1964, 45; Мартине 1963, 557; 559; 1960, 197, 88, Naudricourt 1939, 270) относятся тенденции:

к созданию симметричной системы фонем (Серебренников 1968, 91);

к устойчивости, равновесию, выравниванию взаимных давлений (Мартине 1960, 44, 85; Журавлев 1966b, 68), к структурному включению, к заполнению в системе лакун, гармоничности системы¹⁴²;

к установлению равнодистантности (равноудаленности друг от друга) у фонем внутри одной системы (тенденция, о существовании которой, по словам А. Мартине 1960, 44, 85, догадывался еще К. Луик, говоривший о "стремлении к приблизительно равным дистанциям");

к максимуму фонем при минимуме различительных артикуляций;

¹⁴¹ О тенденции к упрощению фонологической системы см.: Jakobson 1962, 73. О тенденции к унификации фонем, реализовавшейся в большинстве случаев в форме обобщения основного варианта фонемы в позиции после непарных согласных, см.: Jakobson 1962, 70.

¹⁴² Об ограниченных пределах действительности тенденции к гармоничности, вытекающих из физической природы органов речи и восприятия, и попытке сведения существа тенденции к гармоничности — к экономии см.: Мартине 1960, 130, 138. Подробнее о тенденции к симметрии и гармоничности системы как о важном стимуле фонологических изменений см.: Журавлев 1976, 61.

тенденция фоном к максимальной дифференциации по отношению к соседним единицам системы (Мартине 1963, 557; 1960, 197, 88)¹⁴³, а также тенденция различительных элементов языка "быть настолько различными, настолько это допускается возможностями органов речи" (Мартине 1963, 559).

Имеются также частные тенденции структурного характера, действующие лишь в ряде языков в определенных условиях¹⁴⁴. К их числу могут быть отнесены, например, тенденции:

- к дефонологизации различия по количеству между гласными и к превращению двух подсистем с качественными и количественными различиями в систему с одним качественным различием в ситуации асимметрии кратких и долгих гласных (Стеблин-Каменский 1966, 28, 29);

- к превращению долготы как свойства гласного в просодему;

- к более тесной структурной связи между сонорными и шумными щелевыми;

- к ритмической дифференциации;

- к образованию новых рядов;

- к устранению сильных гласных;

- к большей открытости или более заднему образованию назализованных гласных;

- к централизации или утрате неударных гласных;

- к "нулизации" узких гласных (Поливанов 1968, 105, 106), или к превращению узких гласных в редуцированные (Серебренников 1974, 97); к сужению гласных конечного слога (Серебренников 1974, 66);

- к стяжению дифтонгов в абсолютном исходе слова (Серебренников 1974, 72); к укреплению односложных слов (Серебренников 1974, 82–84).

В класс функциональных тенденций входят (см.: Серебренников 1968, 81–92) тенденции:

- к устранению форм, утративших функцию;

- к освобождению от дифференциальных признаков, функционально слабо нагруженных;

- к устранению языковых элементов, имеющих незначительную семантическую нагрузку;

- к "устранению избыточности средств выражения";

- к компенсации коммуникативно необходимых языковых элементов (ср. необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности);

¹⁴³ А.В. де Гроотом (см.: Мартине 1960, 88) был выдвинут принцип максимальной дифференциации (действенный как для парадигматики, так и синтагматики), в соответствии с которым сосуществующие в языке различительные единицы — фонемы — имеют тенденцию наилучшим образом использовать представляемые им органами речи возможности, стремясь настолько "быть удаленными от своих соседей, насколько позволяет их артикуляция и восприятие". Этот принцип является, по словам А. Мартине (1960, 197, 198), "великим организующим началом фонологических систем в границах естественной инерции и наиболее экономичного строения".

¹⁴⁴ О частных структурных тенденциях см.: Стеблин-Каменский 1966, 113; Hoenigswald 1960, 74, 75; Мартине 1960, 162; Sommerfelt 1962, 205, 292.

к сохранению полезных противопоставлений;

к изменению фонетического облика слов при утрате им лексического значения, а также основная функциональная тенденция языка, благоприятствующая "развитию тех признаков, благодаря которым различные единицы легче воспринимаются и более четко отличаются от других фонем системы" (Мартине 1960, 233, 234).

Особо можно отметить класс структурно-функциональных тенденций, включающий, например, тенденцию к сохранению неизменным различия между самыми употребительными фонемами или же сочетаниями фонем (Haudricourt 1939, 270) и тенденцию фонем со сходной артикуляцией одинаково видоизменять свои дифференциальные особенности (Мартине 1963, 559).

Имеется ряд частных структурно-функциональных тенденций, действующих в некоторых языках в определенных условиях, к числу которых могут быть отнесены тенденции:

к артикуляторному сближению рядов, а также серий (Мартине 1960, 240, 241);

к постепенному обобщению в безударной позиции гласных, не образующих с ударными гласными пересекающихся рядов (Колесов 1964, 75);

к комплементарному распределению "толстого l" с латеральным дентальным "тонким l" и слиянию с ним в одну фонему в рамках всей норвежско-шведской альвеолярно-какуминальной области (Стеблин-Каменский 1966, 135—137).

Особый класс образуют субстанциональные (фонетические) тенденции, часть которых можно включить в комплекс следствий из общесистемного универсального принципа экономии. В состав этого класса входят, например, тенденции:

к ассимиляции единиц языка со своим контекстом (Мартине 1963, 557);

к расширению (касается носовых гласных);

к облегчению произношения — к более легким артикуляциям и простым формам (Lehmann 1962, 168), в частности, к упрощению, ослаблению артикуляции вследствие инертности органов речи.

Эта последняя тенденция конкретизируется в ряде более частных тенденций:

к упрощению артикуляционных движений (тенденции, проявляющейся обычно в замещении одного фона другим, похожим на соседний фон, или более легко комбинирующимся по анатомическим причинам с окружающими фонемами, или представляющим менее напряженную комбинацию различных признаков);

к слиянию нескольких фонем в одну (гласных в зиянии, согласных в эксплозивных или имплозивных сочетаниях);

к упрощению сложных фонем (дифтонгов, аффрикат, лабиовелярных согласных, носовых гласных), в частности, к замене двух артикуляций одной¹⁴⁵.

¹⁴⁵ О рассмотренных субстанциональных тенденциях см. также: Мартине 1960, 129, 170, 171, 240, 241; Locke 1972; Haudricourt 1939, 270; Hoenigswald 1960, 73; Серебренников 1968, 42.

Рассмотрим некоторые из законов и закономерностей строения, функционирования и развития фонологической системы, используемых нередко при построении объяснений в исторической фонологии.

Особый класс лингвистических законов образуют регулярности, представляющие собой спецификации принципа иерархичности. Примером обобщений такого рода, касающихся соотношения фонологической и семантической подсистем в языковой системе, может служить утверждение А. Мартине (1960, 46) о том, что "значение и употребление данного слова никак не влияют на эволюцию составляющих его фонем".

В класс общесистемных регулярностей, представляющих собой спецификацию принципа целостности, входят:

закон фонологической компенсации, согласно которому "исчезновение одного различия компенсируется возникновением другого"; ср. оглушение исландских носовых и плавных перед бывшими глухими смычными (Стеблин-Каменский 1966, 112);

закономерности, выражающие зависимость устойчивости фонологической системы от степени включенности фонем в систему ("... противопоставления между фонемами, включенными в корреляцию или в пучок корреляций, более устойчивы, чем противопоставления между фонемами, не входящими ни в какие корреляции, или между фонемами, одна из которых входит в корреляцию, а другая нет" — Мартине 1960, 108, 109), а также зависимость поведения единиц от места в системе, в частности, от степени включенности в систему ("фонемы, не включенные в коррелятивную систему, в значительно большей степени подвержены изменениям" — Мартине 1960, 109)¹⁴⁶. К проявлениям этой закономерности можно отнести, например, описываемую М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 133) зависимость силы альвеолярности от места этого признака в системе консонантных противопоставлений на материале различия в поведении переднеязычного г в норвежском языке, где имеется тенденция к слиянию переднеязычного г с последующим дентальным, и в русском языке, где такой тенденции не наблюдается.

Особый класс образуют обобщения о соотношении структурно-функциональных и субстанциональных характеристик языка, к числу которых могут быть отнесены утверждения типа:

1. "Система противопоставленных в языке звуков сохраняется дольше, чем фонетическое качество этих звуков" (правило Сепира, см.: Успенский 1965, 25).

2. "При любом одиночном изменении либо произношение, либо структура остаются стабильными" (Groot 1948, 29).

3. Зная место фонемы в системе, можно предсказать амплитуду возможных фонетических реализаций фонемы (правило Трубецкого).

4. Фонологическая система может допустить или, напротив, начать препятствовать изменениям вариантов фонемы в зависимости от того,

¹⁴⁶ Ср. трактовку А. Мартине (1960, 138) как наиболее устойчивой с теоретической точки зрения такой системы, "все члены которой включены в корреляции и пучки". По наблюдению А. Мартине (1960, 133), имеется обратная зависимость между устойчивостью системы и вероятностью смещения фонем вследствие неизбежно возникающих в речи артикуляторных отклонений.

угрожает ли это нарушению взаимопонимания; ср. ситуацию, когда вследствие угрозы смещения артикуляций вариантов одной фонемы с артикуляцией, обычной для другой фонемы, может задержаться или даже совсем прекратиться смещение артикуляции вариантов одной фонемы в сторону другой, в зону, где ее варианты представляются нежелательными (Мартине 1963, 559).¹⁴⁷

5. "Аллофонное изменение обычно предшествует фонемному" (Стеблин-Каменский 1966, 100).

6. "Фонетические тенденции меняются по мере того, как меняются фонологические условия" (Стеблин-Каменский 1966, 40).

Класс структурно-функциональных закономерностей включает обобщения о границах разных уровней интеграции и их соотношениях. В качестве примера обобщения, касающегося соотношения числа различительных признаков и числа фонем в фонологической системе, можно привести сформулированный М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 23) закон изменения различительных признаков, согласно которому число различительных признаков в системе не увеличивается, если одновременно не происходит увеличения числа фонем, и обратный ему закон, в соответствии с которым "если не уменьшается число фонем, то не должно уменьшиться и число различительных признаков в данной системе", хотя, естественно, возможно исчезновение фонемы без того, чтобы сократилось число различительных признаков в системе (ср. также вариант данного определения: "поскольку в пределах одной системы различительных признаков всегда меньше, чем фонем, число первых не может увеличиться, если одновременно не увеличивается число вторых" — Стеблин-Каменский 1966, 36).

В класс структурно-функциональных закономерностей входит также закон переноса признаков, согласно которому не происходит переноса нерелевантных признаков с одной фонемы на другую (Тинка 1939).

Ряд обобщений касается изменений различительных признаков.

Согласно М.И. Стеблину-Каменскому (1966, 23, 46, 112), "возникновение нового различительного признака сопровождается исчезновением какого-то другого существенного различия".

К обобщениям этого класса относится также закон смены различительных признаков, в соответствии с которым "одновременно не изменяется больше одного различительного признака данной фонемы" (Стеблин-Каменский 1966, 23, 34).

Менее обобщенной формулировкой этого же закона является правило Остина (Austin 1957)¹⁴⁸, в соответствии с которым "фонема не может изменяться одновременно и по оси места артикуляции, и по оси спосо-

¹⁴⁷ Ср. замечания Г.А. Климова (1967, 15) о невозможности однозначного лимитирования пределов "варьирования физических субстратов лингвистических единиц" системой дифференциальных признаков, а также утверждения А. Sommerfeldt (Sommerfeldt 1962, 78) об известной обусловленности системой выбора среди различных возможностей.

¹⁴⁸ Характеристику эмпирических и теоретических соображений в пользу правильности правила Остина см.: Клычков 1962, 127.

ба артикуляции". В.В. Крупаткин (1966, 11) приводит уточненный вариант этого закона: "при звуковом изменении могут одновременно смениться не более одного качественного признака фонемы". Формулировка частного случая данного закона, согласно которому "... одновременно в качестве одного шага развития и способ и место артикуляции измениться не могут"¹⁴⁹, имеется у Г.С. Клычкова (1962, 127).

На определенную зависимость поведения оппозиции от ее функциональной значимости обратил внимание А. Мартине (1960, 64) утверждавший, что "фонологическое противопоставление, полезное для взаимопонимания", при прочих равных условиях сохраняется лучше, чем другое, менее полезное¹⁵⁰.

Ряд закономерностей касается выражения зависимости сложности строения и поведения единиц от их частоты¹⁵¹. Отметим некоторые из них.

1. "Изолированная фонема какого-либо языка, если она не слишком часта, в конце концов, займет ближайшую пустую клетку" (Haudricourt 1939, 270, 271).

2. "Если фонема (или сочетание фонем) стремится приблизиться к другой фонеме и если одна из них редка, они перестанут различаться (смешиваются), если же обе часты и встречаются в тех же сочетаниях, они сохраняют различие между собой" (Haudricourt 1939, 270, 271).

3. "Малая частота и слабая функциональная нагрузка фонологического противопоставления благоприятствуют, естественно, его исчезновению" (Jakobson 1962, 213).

4. Противопоставление артикуляторных признаков, служащее для различения не просто изолированных фонем, а больших серий и рядов, "окажется, при прочих равных условиях, относительно более устойчивым" (Мартине 1960, 107).

5. "Функциональная нагрузка, даже если она практически равна нулю, автоматически противодействует слиянию двух фонем" (Мартине 1960, 122).

6. Закон обратного соотношения сложности строения фонемы и ее частотности в речевом потоке, согласно которому "если частотность определенной фонемы изменяется, то следует ожидать, что ее сложность изменится в обратном направлении" (правило Ципфа) (Мартине 1960, 173).

¹⁴⁹ Ср. также предположение А. Мартине (1960, 18, 106) о том, что во многих случаях изменение и реализация фонемы является результатом какого-то видоизменения лишь одной из различительных артикуляций, совмещающихся в фонеме.

¹⁵⁰ По словам А. Хилла (Hill 1966, 84), принцип разграничения "опасных" и "неважных совпадений" был предложен французской школой лингвистической географии для объяснения сохранения слов-омонимов. Критику концепции противодействия "угрожающей омонимии" силам стремления к артикуляционной легкости см.: Hoenigswald 1960 79, 80.

¹⁵¹ О появлении тенденции к ослаблению и упрощению удвоенных согласных, когда они становятся такими же употребительными, как и соответствующие "простые", см.: Мартине 1963, 552.

Соответственно принимается, что сочетание, обладающее большой частотностью, имеет тенденцию к уменьшению объема¹⁵².

Обобщения относительно процессуального представления фонологической системы включают утверждения, касающиеся характера протекания процессов изменения и их механизмов. Примером закономерностей о характере протекания процесса являются сформулированные М.И. Стеблиным-Каменским (1966, 23, 9, 10, 12, 27) правила постепенности ("постепенными могут быть только аллофонные изменения") и регулярности (1. "аллофонные изменения регулярны и их регулярность не может быть нарушена действием смысловых ассоциаций, в частности, грамматической аналогией", 2. "синтагматические фонемные изменения ... не обязательно регулярны").

К числу закономерностей, касающихся механизма процессов изменений, могут быть отнесены следующие обобщения:

1) "Аллофоны одной фонемы, оказавшись в одинаковом окружении в результате исчезновения различия между двумя различными окружениями, становятся разными фонемами, не претерпевая никакого физического изменения" (Стеблин-Каменский 1966, 14, 23).

2) "При ассимиляции по определенному признаку ассимилируется та фонема, для которой данный признак иррелевантен, и наоборот"; или, в другой формулировке: "При ассимиляции по какому-либо признаку при прочих равных условиях ассимилируется та фонема, в которой данный признак не является различительным, и наоборот" (Стеблин-Каменский 1966, 21, 23, 111, 133).

3) "Если фонема встречается в слове или в языке в двух главных позициях: одной сильной (тонированной, ударной, эксплозивной), а в другой слабой (безударной, импловивной), то эта фонема в слабой позиции подвергнется диссимиляции, т.е. будет замещена в этой позиции самой близкой фонемой языка" (Haudricourt 1935,).

4) "Существование слишком большого числа случаев угрожающей омонимии может воспрепятствовать смешению двух фонем" (Мартине 1960, 46) (правило соотношения омонимии и смешения фонем).

Иногда в экспланаторных построениях обращаются к так называемому закону наименьшего усилия, согласно которому, человек затрачивает свои усилия лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели.

Критикуя этот закон применительно к звуковой стороне языка, обычно обращают внимание на то, что в отношении каждого языка, а тем более в отношении всех языков невозможно определить, что является более легким или более трудным для произношения.

Действительно, что с одной точки зрения, например, физиологической, для одного состояния одного языка представляется более трудным, с

¹⁵² Ср. в этой связи отмечаемую А. Мартине (1960, 172) возможность обратной связи между сложностью строения фонемы и ее экономичностью, а также попытку М.И. Стеблина-Каменского (1960, 130) объяснить сложность фонематического статуса норвежских и шведских альвеолярных незавершенностью процессов образования соответствующих фонем и наличием в их функционировании пограничных случаев.

другой, например, психологической, — оказывается более легким; ср. отмечаемое еще Ф. де Соссюром (1933, 141) различие в усилиях при произношении и восприятии кратких гласных.

Далее понятие простого и сложного не совпадает для различных языков, а также для различных эпох одного и того же языка. По словам Г. Хенигсвальда (Hoenigswald 1960, 79), артикуляции, элиминированные из фонологической системы на одном этапе, производят на носителей языка на более позднем этапе "впечатление особенно трудных и поэтому естественно предрасположенных к замещению". Наконец, сложные артикуляции, упраздненные в ходе звукового изменения на одном этапе, часто могут быть введены в ходе другого звукового изменения через короткий промежуток времени. К числу уязвимых сторон закона наименьшего усилия относят также его слабую экспланаторную силу, заключающуюся в том, что он разъясняет, по словам Ф. де Соссюра (1933, 140), лишь некоторое число случаев, и не исключены ситуации, где наблюдается обратное.

Мы отметили в порядке иллюстрации ряд закономерностей, используемых в экспланаторных построениях исторической фонологии. Список таких законов в этой научной дисциплине пока еще весьма ограничен.

Многие лингвисты обращают внимание на возможность существования некоторых закономерностей, не сформулированных эксплицитно в настоящее время. Так, А. Мартине (1960, 193, 194) говорит о потенциальной допустимости всеобщих лингвистических законов, основанных на априорных соображениях относительно несовместимости или обязательного сопутствия определенных признаков, а М.И. Стеблин-Каменский (1966, 112) упоминает о необходимости формулирования закона относительной зависимости направления фонетической ассимиляции от фонологических условий, частично "предугаданного" М. Граммоном в его "законе более сильного".

Методологические проблемы построения объяснений в исторической фонологии

Основные методологические проблемы построения объяснений в исторической фонологии касаются достижения полноты (всеохватываемости), исчерпываемости и надежности объяснения. Допустимы несколько решений проблемы возможности объяснений (в рамках научного предмета) всех имеющихся фактов и приближения тем самым к идеалу полноты описания: 1) объяснение возможно всегда во всех познавательных ситуациях; 2) объяснение невозможно вообще; 3) объяснение возможно лишь в некоторых случаях для части фактов.

Первая точка зрения, — очевидно, лишь теоретическая возможность, вторая точка зрения имеет в исторической лингвистике (в том числе фонологии) некоторых сторонников. Согласно позиции дескриптивного характера исторической лингвистики, в том числе исторической фонологии, объяснения (и прежде всего генетические) невозможны, так как, по словам Чарльза Хоккета, причины звуковых изменений невозможно "обнаружить внутри системы привычек, называемой языком" (цит. по: Плоткин 1967, 8). Поэтому следует ограничиваться

простой констатацией явлений в историческом развитии языковой системы и, оставаясь на уровне наблюдения, выносить за рамки лингвистики любого рода исторические объяснения фактов языка (см.: Allen 1957; 1953, 52–108; Климов 1971; Клычков 1962, 125; Стеблин-Каменский 1966, 17).

К этой точке зрения, по мнению В.В. Иванова (1968, 9), склоняются фактически и те исследователи, которые видят причину языковой эволюции в физиологических изменениях звуков, установление которых представляется невозможным.

Наиболее популярна в современной исторической фонологии третья точка зрения.

Мотивы недопустимости объяснения всех наличествующих фактов и по необходимости частичного характера объяснений исторической фонологии могут быть как субъективными, так и объективными. К числу объективных причин относится прежде всего отсутствие ряда данных для объяснения. Считается, например, что поиски причинно-следственных связей осуществимы лишь для документированных периодов в истории (см.: Плоткин 1967, 9; Стеблин-Каменский 1961а, 124). Введение понятия причинности в историческое исследование "оправдывает себя лишь в некоторых особо благоприятных случаях, — пишет В.Н. Топоров (1962, 234), — в частности тогда, когда известно, что в нашем распоряжении находится предельно полное множество языковых фактов, причем возникновение данного факта объясняется воздействием предельно малого числа причин. В историческом языкознании, напротив, чаще такие ситуации, когда исследователь не знает всей совокупности фактов и уже поэтому не в состоянии определить всю сеть причинных отношений, вызвавших появление исследуемого факта".

Невозможность причинных объяснений в исторической лингвистике в ряде случаев связывается с тем, что эволюция имеет весьма замедленный характер и причинно-следственные связи, подлежащие изучению, бесконечны и не могут быть в силу этого раскрыты до конца (Мартине 1965, 453; Стеблин-Каменский 1966, 17, 18). "В диахронии... не удастся распутать все нити клубка причинности, хотя бы потому, что причинность не имеет ни начала, ни конца", — пишет А. Мартине (1960, 53).

По мнению Г. Гутензема (Gougenheim 1939, 5), невозможность полного объяснения фактов в рамках телеологического (финалистского) подхода связана с тем, что "причины разрушения равновесия могут быть случайными, а коррекции — часто неожиданными" (исправление положения не всегда идет по ожидаемому пути).

Говоря об объяснении сил, трансформировавших фонологические системы, А. Соммерфельт (Sommerfelt 1962, 297) обращает внимание на существование определенных деталей, которые не могут быть объяснены, поскольку они являются результатом действия специальных и единичных факторов.

К числу факторов, которые лингвист не в состоянии определить, но которые могут сыграть решающую роль в эволюции, относятся, например, мотивы заполнения "пустой клетки" в ходе языкового изменения,

когда часть носителей языка выбирают одну из "пустых клеток", а часть — другую.

Ситуация с причинным объяснением в исторической фонологии весьма типична для исторических наук, в которых последние основания данного во времени явления "не удастся вскрыть путем подведения под общие законы" и где "во всяком историческом и индивидуальном. . . остается доля необъясненного — нечто невыразимое, неопределенное" (Виндель-банд 1904, 332). Историческая ситуация, по словам С.С. Аверинцева. (ФЭ 1970, 622), "не может быть охвачена познанием во всей своей полноте", включая "неучитываемое", игнорирование чего и есть ненаучность.

Исследователи в области исторической фонологии, как и в других исторических дисциплинах, стремятся к тому, чтобы сократить число необъясненного. Один из путей достижения этого состоит в сокращении сферы необъяснимого за счет расширения объема обусловленного и соответственно сокращения спонтанного или явно необусловленного окружением (Стеблин-Каменский 1966, 17; Шухардт 1950, 32; Крупаткин 1962а, 197). Отметим, что часто спонтанность рассматривается шире как нечто невыясненное, причина которого в этот момент не ясна, хотя и безусловно существует (Мартине 1960, 229).

При построении эксплананса генетических объяснений в исторической фонологии исследователь сталкивается с проблемой выбора факторов и их комбинирования в рамках объяснения.

Решая, какое количество факторов целесообразно вводить в эксплананс объяснения с целью раскрытия рассматриваемого явления исчерпывающим образом, лингвисты присоединяются к одной из двух возможностей: концепции единой универсальной причины или же концепции многих причин (факторов). Первая концепция особенно характерна была для начального этапа развития исторической лингвистики (ср. гипотезу "лениности" Г. Курциуса или идею распространения "ошибочного произношения отдельных личностей" Э. Зиверса). В качестве универсальных причин звуковых изменений выдвигались различные явления: 1) удобство произношения (или, в более современной формулировке, принцип экономии), 2) варьирование произношения, 3) смешение языков и диалектов, 4) несовершенное усвоение младшим поколением языка старшего поколения.

Критические замечания в адрес гипотезы универсальной причины идут обычно по двум линиям: пытаются охарактеризовать подобную концепцию как ошибочную в целом с гносеологической точки зрения или же обосновывают неуниверсальность каких-либо конкретных факторов, т.е. необязательность их действия во всех языках¹⁵³ (Стеблин-Каменский 1966, 18, 191, 18), и связанную с этим невозможность рассмотрения определенного фактора в качестве единственной причины объяснения звукового изменения. Так, доказывая неуниверсальность принципа экономии, обращают внимание на неединственность каждого из предполагаемых

¹⁵³ О неуниверсальности принципа экономии см. также: Иванов 1968, 10. О невозможности объяснения звукового изменения во всех случаях отсутствием равновесия в системе и стремлением к его устранению см.: Gougenheim 1939.

этим принципом взаимодействующих факторов — стремления к более удобному произношению и стремления быть понятным (Стеблин-Каменский 1966, 18).

Анализируя точку зрения, согласно которой причиной языковых изменений является смена поколений, приводящая к тому, что неисправленные в детстве неточности в произношении, укрепившись у целого ряда индивидов, охватывают все подрастающее поколение, А. Sommerfelt (Sommerfelt 1962, 44, 156, 157) отмечает, что гипотеза, лежащая в ее основе, имеет ограниченный характер, не объясняя ряда фактов. К числу таких фактов относится: 1) отсутствие в определенных языках изменений в течение длительного времени, 2) неосуществляемость языковых изменений везде и всегда и распространение определенных явлений именно в определенную эпоху, 3) различная скорость развития языка, а также избирательность в усвоении соответствующим поколением одних из неисправленных и усвоенных в детстве неточностей в произношении, а не других, в одинаковой мере естественных.

Одним из аргументов в пользу точки зрения о том, что объяснение звуковых изменений какой-либо одной причиной не может не быть ошибочным, служит обычно указание на сложность процессов развития и бесконечное разнообразие звуковых изменений (Стеблин-Каменский 1966, 18; Мартине 1960, 55). Заметив, что предлагаемые универсальные причины звуковых изменений констатируют обычно какое-либо общее свойство языка, М.И. Стеблин-Каменский (1966, 18) обращает внимание на невозможность объяснения с помощью такой "постоянно действующей и тождественной себе причины" каких-либо конкретных звуковых изменений.

Выступая против однофакторных объяснений, обращают внимание не необходимо фрагментарный характер таких объяснений. По словам Г. Хёнигсвальда (Hoenigswald 1960, 79), объяснения с помощью фактора легкости артикуляции являются неполными, так как в них остаются непредсказуемыми "частные сегменты, которые упростились, частное направление, в которое они упростились, и частное время и диалект, в котором сегменты иногда после тысячелетий ничем не потревоженного спокойного существования начинают изменяться".

Согласно М.И. Стеблину-Каменскому (1966, 21), причинные объяснения ассимиляции с помощью субстанциональных (физиологических) факторов имеют далеко не исчерпывающий характер: в рамках такого рода построений невозможно объяснить тот факт, что направление, характер и степень ассимиляции могут оказаться различными в фонетически тождественных сочетаниях в разных языках или в различные периоды одного и того же языка вследствие того, что физиологическая обусловленность ассимиляции оставляет известную свободу для контактирующих звуков. Поэтому такие объяснения должны быть дополнены фонологической трактовкой, позволяющей объяснить сам факт наличия или отсутствия ассимиляции и ее направление (Стеблин-Каменский 1966, 21; см. также: Lehmann 1962, 172).

В отличие от концепции единой универсальной причины звуковой эволюции сторонники концепции многообразных и перекрещивающихся

факторов (Косериу 1963, 268; Стеблин-Каменский 1966, 17, 20, 125; Мартине 1960, 37, 55; Крупаткин 1958, 39; Malkiel 1967, Sommerfelt 1962, 42; Groot 1948, 189; Иванов 1968, 10; Rauch 1967, 49; Мельников 1968) исходят из предположения, что в основе возникновения и развития языковых процессов лежит комплекс причин, поскольку всякое изменение детерминировано множеством внутренних и внешних факторов. А это означает, следовательно, что ни одна из причин звукового изменения не может рассматриваться как его единственная причина даже в случае, например, явно обусловленных звуковых изменений¹⁵⁴.

В качестве методического принципа отбора факторов и последующего введения в объяснение используется обычно функциональный критерий их значимости в иерархии. Естественно, что представление о такой значимости находится в прямой зависимости от трактовки самого предмета исторической фонологии. Имеются концепции, где делается акцент на внутренних структурных или функциональных факторах, и концепции, где учитываются и другие факторы, например, внутренние субстанциональные или внешние.

Согласно одному из принципов, широко распространенных в исторической фонологии, наибольшего внимания при формировании объяснений служат языковые факторы, а среди языковых — внутренние. К неязыковым же факторам следует обращаться лишь в случае невозможности объяснения рассматриваемого явления действием собственно языковых факторов.

Определенным подтверждением положения о важности внутренних факторов является, по мнению А. Мартине (1960, 230, 231), крайняя малочисленность изменений, которые невозможно объяснить ни влиянием системы, ни речевого потока. Соответственно такому пониманию объяснение рекомендуется начинать с самого рассматриваемого языка, затем рассматривать явления, связанные с взаимодействием "языковых употреблений" или отдельных языков и, наконец, в последнюю очередь, исчерпав все средства объяснения, базирующиеся на изучении эволюции структуры и исследовании процессов взаимодействия, — обращаться к рассмотрению исторических данных (Мартине 1963, 566)¹⁵⁵.

Представление о примате внутрисистемных факторов, согласно которому причины языковых изменений "следует искать прежде всего в самой системе языка . . . а не в явлениях адстратного или субстратного характера" и в соответствии с которым ". . . причины изменений . . . в морфологии следует искать прежде всего собственно в морфологии, фонологии — в фонологии и т.п.", по словам В.К. Журавлева (1976, 52, 56), является следствием из постулата о гомогенности, одного из спецификаций принципа системности в исторической фонологии. "Постулат системности, — пишет В.И. Журавлев (1976, 53), — диктует определен-

¹⁵⁴ Замечания о необходимости поиска причин каждого отдельного изменения в развитии всей фонологической системы см.: Клычков 1962, 123; о зависимости неразличительных признаков высказывания от большого числа факторов, а не только от "неумолимых" звуковых законов см.: Hill 1966, 84.

¹⁵⁵ Демонстрацию примата внутрисистемных факторов в фонологии на примере исследования проблемы аканья см.: Журавлев 1976, 53.

ную последовательность исследовательской работы при выяснении причин и механизма того или иного языкового изменения: оппозиция → корреляция → подсистема¹⁵⁶ → система данного языкового яруса → смежные ярусы и вся система данного языка в целом. И только потом следует переходить к рассмотрению возможного действия экстрасистемных и экстралингвистических факторов¹⁵⁷.

Дискуссионным является вопрос, отдавать ли приоритет в объяснении количеству или качеству исследуемых единиц. Так, А. Мартине (1963, 538–555) относит к числу факторов упрощения удвоенных согласных как одинаковую частотность удвоенных и простых согласных, так и звуковую природу системных единиц, влияющих на реализацию этого процесса.

Часть критериев отбора и квалификации факторов связана с вопросом о соотношении уровней языковой системы в плане их влияния друг на друга; ср. гипотезу о примате высших уровней — морфологического над фонологическим, собственно фонологического — над антропофоническим (Kurylowicz 1956). Подобный "учет уровневой иерархии, позволяющей в свою очередь ввести принцип взаимосвязанности как элементов подсистем, так и систем в целом в пределах ярусов и между ярусами", по словам В.А. Виноградова (1964, 18), является конкретизацией принципа системности.

Опираясь на идеи системно-структурного анализа с его принципами целостности и иерархичности, современные исследователи-диахронисты трактуют звуковое изменение как сложное явление, полагая, что исчерпывающее его объяснение должно учитывать взаимосвязь факторов самых разных классов — структурных, структурно-функциональных, субстанциональных, а также экстрафонологических (грамматических)¹⁵⁸.

В основе многих теоретических построений исторической фонологии лежит диалектическая идея о развитии фонологической системы как результата борьбы разнородных противоположно направленных сил (тенденций)¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Уточняя порядок объяснения, В.К. Журавлев (1976, 52) замечает далее: "... и только исчерпав объяснительную способность данной подсистемы, следует переносить неразрешенный остаток в соседнюю, наиболее тесно связанную с этим явлением или элементом подсистему ...".

¹⁵⁷ Развивая эту идею, В.К. Журавлев (1976, 52) пишет: "Следствием из постулата гомогенности и является представление об относительной автономности оппозиции по отношению к корреляции, корреляции по отношению к подсистеме (например, вокализма и консонантизма ...), данной подсистемы по отношению к ярусу языковой системы, яруса языка по отношению ко всей системе данного языка в целом, и наконец, автономности языковой системы по отношению к разному рода экстрасистемным экстралингвистическим факторам (языковые контакты, билингвизм, явления адстрата и субстрата, история народа, географический, экономический и другие)".

¹⁵⁸ В статическом плане динамической задаче комбинации факторов соответствует определение типов объяснений: субстанционального, структурного, структурно-функционального и др.

¹⁵⁹ О внутренних противоречиях в языке и их характере см., например: Серебренников 1968, 104; Скредина 1970. Трактовка историко-фонетических изменений как процесса диалектического развития (тезис диалектического развития — антитезис — синтез) содержится в исследовании Е.Д. Поливанова (1968, 108–113), где описывается "мутационное (революционное) разрешение паросшего противоречия" посредством конвергенции.

Подобная трактовка языковой эволюции как результата борьбы различных факторов была характерна, по словам Я.Б. Крупаткина (1958, 39), уже для И.А. Бодуэна де Куртене, называвшего в числе подобных явлений "привычку", "стремление к удобству", "бессознательное забвение", "обобщение", "абстракцию", которые при определенной переинтерпретации (снятии психологизма), напомнят многие из "тенденций" и "потребностей" современной исторической фонологии.

Приведем несколько образцов комбинирования противоречивых факторов в экспланаторных построениях исторической фонологии.

Согласно одной из лингвистических гипотез (ОЯ 1970, 198), в основе функционирования и развития языка лежат две разнонаправленные тенденции, отражающие его двуприродность, — тенденция к изменению языка и совершенствованию его системы и тенденция к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности и противодействия начинающимся сдвигам. Эта идея выражена в парадоксе языка, сформулированном Ш.Балли (цит. по: Косериу 1963, 143), состоящем в том, что "языки непрерывно изменяются, однако они могут функционировать только не изменяясь".

В трактовке А. Жуийана (Juilland 1953, 200), диалектический процесс, лежащий в основе фонологических изменений, объясняется балансом антагонистических сил — внешних факторов неустойчивости и отсутствия равновесия, приводящих систему к изменениям, и внутренних факторов стабильности и равновесия, вступающих в действие, когда давление, оказываемое внешними факторами на систему, становится достаточно сильным, чтобы заставить ее уступить¹⁶⁰.

Движущей силой языковых изменений, согласно А. Мартине (1963 532; 1960, 129), является "постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия", проявлением которого является наблюдаемое в любой точке речевого потока противоречие между потребностями общения и инерцией. Варьируя эту идею, А. Мартине (1960, 65; 1963, 557, 558) говорит о постоянном противоречии между "тенденцией соседствующих фонем речевого потока к ассимиляции и консервативным влиянием системы", а также об ограничении ассимилятивного воздействия контекста необходимостью сохранения в речевой цепи отношений контраста и идентичности мнем и фонем, "соотносимых с теми, между которыми делает выбор говорящий при составлении высказывания".

Согласно Я.Б. Крупаткину (1958, 38), конфликт между "выразительными потребностями", предполагающими стремление к симметричной, уравновешенной системе, и инерцией, препятствующей полной реализации таких потребностей, может быть сведен к противоречию между факторами структурного характера и противодействующими им особенностями физиологического строения речевого аппарата человека.

Согласно И. Лекову (1960, 46), устойчивость в функционировании языка является результатом равновесия (компромисса) между двумя

основными противоположными силами развития — интеграции и дифференциации.

Я.Б. Крупаткин (1958, 39) говорит о двух противоположных тенденциях в развитии языка — стремлении к сокращенным формам (эллипсы, опускание звуков и т.д.) и обратной тенденции к дифференциации форм, обусловленной потребностями общения.

При построении эксплананса объяснений исследователи-диахронисты прибегают иногда к сложным комбинациям противоречивых факторов. Так, А. Мартине (1963, 565; 1965, 451) дает описание сложной игры противоборствующих сил, когда тенденция к установлению наиболее плотных корреляций встречает двойное сопротивление со стороны асимметрии органов речи, с одной стороны, и необходимости противопоставления в речи единиц, резко различающихся по степени открытости — с другой.

Иногда у исследователей наблюдается склонность к трактовке и частных процессов развития как результата различного рода противоборствующих сил. Согласно М.И. Стеблину-Каменскому (1966, 138), одной из возможных причин вытеснения "толстого l" из шведского произношения, а также неприятия его в произношении норвежского риксмолла является противоречие между распределением этой звуковой единицы и ее фонологическим содержанием, не согласующееся с нормативной тенденцией литературного произношения¹⁶¹.

Особую трудность при построении объяснений процессов изменений вызывает интерпретация отдельных компонентов в причинно-следственной цепи как причин или же, напротив, как следствий. Примером этого служат, например, различные трактовки нейтрализации при передвижении согласных в германских языках Ю. Куриловича (Kurujowicz 1974) и М.И. Стеблина-Каменского (1966, 107; см. также: Журавлев 1975, 66).

Достаточно сложным является также установление причин изменений. Так, М.И. Стеблин-Каменский (1966, 19, 107) критикует включение рядом авторов в число причин звуковых изменений возможность перехода от одной артикуляции к другой, устанавливающую лишь наиболее вероятные промежуточные этапы такого перехода, а также подвергает критике квалификацию в качестве причины изменения элемента его "прошлого", особенно, в ситуации, когда анализируемый элемент является исключением с точки зрения рассматриваемого состояния языка.

Конструктивное значение для развертывания предмета исторической фонологии, а также построения объяснений в ее рамках имеет методологический принцип, согласно которому "в диахронической фонологии ничто не исчезает бесследно" (Журавлев 1976, 46; см. также Бодуэн де Куртене 1963а, 349, 13)¹⁶². Развивая этот тезис, В.К. Журавлев (1976,

¹⁶¹ О двух противоречивых тенденциях — тенденции падения редуцированных и тенденции к открытому слогу см.: Журавлев 1975, 58.

¹⁶² Переформулировав этот тезис, можно было бы сказать, что ничто в фонологической системе не возникает из ничего. "... фонологическая система не может иметь порожденных фонем при отсутствии их породивших, и может иметь фонемы, от которых не порождены другие", — пишет В.В. Мартынов (1968, 15).

46) пишет: "В действительности все сводится к тому, что изменяющиеся элементы фонологической системы либо опускаются на более низший уровень, либо поднимаются с одного уровня на другой, или переносятся с одной оси на другую, либо передвигаются с периферии к центру, или, наоборот, от центра — к периферии. Остатки старого, либо не реализовавшиеся элементы нового могут закрепляться на периферии других ярусов языка (морфология, лексика)".

Очевидно, что высшей ступенью экспланаторной науки является объяснение в ее рамках не изолированных фактов, а их совокупности¹⁶³. Приближаясь к решению этой проблемы, исследователь приступает к реализации также интегрирующей и систематизирующей функций теории.

Для современного этапа развития исторической фонологии характерно появление тенденции к поискам единых причин для целого ряда звуковых изменений и отказ от принципа разработки независимых объяснений для отдельных звуковых изменений, предполагающих сохранение "мозаично-атомистического подхода" к изучению материала, свойственного в значительной степени исторической фонетике XIX в. (Колесов 1962, 161; Плоткин 1967, 6; Леков 1960, 10; Мартынов 1968, 92). В качестве иллюстрации этого явления можно привести попытку построения единого объяснения трех явлений в славянских языках — палатализации, совпадения *o* и *a* и закона открытых слогов — у В.К. Журавлева (1965), а также выдвижение В. Колесовым (1964, 66) задачи установления основных тенденций развития восточно-славянской системы гласных, обусловивших переинтеграцию элементов локальных систем, что повлекло за собой появление моделей, способствовавших возникновению аканья.

Анализ рассмотренных эмпирических данных о характере экспланаторных средств исторической фонологии свидетельствует о том, что в настоящее время она еще далека от идеала развитой теоретической дисциплины. Основное внимание в этом предмете, как и в момент его зарождения, направляется на построение моделей фонологических исторических процессов и значительно меньше — на поиски объяснения этих процессов.

При построении единых объяснений для ряда фрагментов генезиса фонологической системы исследователи опираются прежде всего на фундаментальный для исторической фонологии принцип системности, а также вытекающий из него принцип многофакторности изменений (и соответственно объяснений). Естественным, что принцип системности не исключает возможности трактовки отдельных изменений как независимых; ср., например, квалификацию распространения или, напротив, оттеснения генетически связанных между собой переходов как независимых друг от друга.

Пытаясь разобраться, почему лингвистика до сих пор не стала экспланаторной дисциплиной, А. Мартине (1960, 30–32, 215–218, 248; 1963, 566) включает в число причин такой ситуации: 1) власть описательного идеала, заимствованного вместе с другими ценностями из традиционной лингвистики; 2) влияние авторитета младограмматиков, приведшего к задержке

¹⁶³ Об исследовании взаимодействия фонологических и морфологических процессов см., например: Fonagy 1971; Brent 1973.

исследований по проверке причинных гипотез, хотя и не помешавшего самому выдвижению и обсуждению этих гипотез; 3) преувеличенное представление о сложности задачи объяснения и признание невозможности ее решения даже в рамках синхронического исследования, когда речь идет о фонетическом изменении, совершающемся на глазах, в отличие от изменений в диахронии, реконструируемых лингвистами; 4) стремление к формальной строгости своей дисциплины.

Многие исследователи обращают внимание на сложность ситуации поиска причин фонетических изменений, когда удается обнаружить лишь условия изменений, а не причины, которые постоянно "ускользают" и которые определить весьма трудно (Buysens 1965, 148, 152).

Как уже отмечалось, элементы экспланаторных построений имелись еще в исторической фонетике, однако они существенно отличались от объяснений в исторической фонологии. Это отличие состоит прежде всего в типе "причинностей", которыми оперируют эти дисциплины. Если традиционная историческая фонетика при объяснении необусловленных изменений акцентировала свое внимание на причинности, проявляемой в речевом потоке, и на внешних языковых факторах, то историческая фонология перешла к рассмотрению глубинных связей в фонологической системе ("внутренней причинности"), исследуя взаимосвязь структурно-функциональных факторов в рамках сложных комбинаторных объяснений.

Очевидно, что дальнейшее успешное развитие исторической фонологии как экспланаторной дисциплины находится в прямой зависимости прежде всего от выявления и объединения в когерентную систему ее принципов и законов, на которые можно опираться при построении историко-фонологических объяснений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы сделали попытку провести логико-методологический анализ строения, функционирования и генезиса исторической фонологии как самостоятельной научной дисциплины, а также выявить ее основания.

Историческая фонология рассматривалась как дисциплина, осуществляющая генетическое представление фонологической системы языка. Было отмечено, что подобный предмет может существовать как целостная автономная сущность при трех допущениях: 1) возможности и целесообразности генетического (генетико-диахронического) представления системы наряду с другими видами ее представления¹, 2) предположении, что фонологическая система языка есть система (или подсистема языковой системы, что в случае принятия системно-структурного принципа иерархичности безразлично), допускающая автономное рассмотрение, 3) предположении, что фонологическая система принадлежит к числу исторически развивающихся систем, допускающих генетическое представление. Первое допущение находит свое обоснование в системологии (общей теории систем) и методологии системного подхода, второе и третье — в рамках металингвистики и, в частности, метаслоя исторической фонологии.

В своем анализе мы исходили из предположения, что исследования в рамках классического варианта исторической фонологии, какими бы далекими друг от друга они ни были и к каким бы различным школам ни принадлежали, написаны в духе идей системного подхода, независимо от того, осознается это или нет их авторами. А это означает, что все они исходят из понимания языка как динамической системы, находящейся в развитии, и признания возможности автономного рассмотрения фонологической системы².

Такая позиция в оценке статуса и задач исторической фонологии в лингвистике не является единственной и общепринятой. Имеются школы и направления, не признающие самостоятельного характера историчес-

¹ О структурно-синхроническом и генетико-диахроническом изучении объектов см.: Огурцов 1971.

² Согласно П. Ивичу (1970, 9), например, высокая степень "эволютивной автономии" фонологических систем подтверждается случаями обогащения фонемного инвентаря из нефонологических источников.

кой фонологии либо из-за отрицания возможности осуществления генетического представления систем вообще, либо из-за непризнания фонологической системы в качестве самостоятельной (автономной) системы.

Остановимся подробнее на правомерности основных допущений этой дисциплины и пронаблюдаем, как изменение таких допущений, приводящее к известному перепредмечиванию в пространстве лингвистических дисциплин, коснулось бы статуса исторической фонологии и смежных с ней дисциплин о звуковой стороне языка.

Прежде всего возникает вопрос, автономна ли фонологическая система. Отрицание автономного характера фонологической системы привело бы, очевидно, к признанию нецелесообразности выделения в качестве самостоятельных предметов ни исторической фонологии, ни синхронической фонологии, ни фонологии вообще, поскольку идея самостоятельности (автономности) фонологической системы является для введения этих предметов исходной.

Отрицание того, что фонологическая система как подсистема языковой системы принадлежит к числу исторически развивающихся объектов, стало бы означать, что историческая фонология как самостоятельная дисциплина в принципе невозможна при том, что синхроническая фонология допустима.

Наконец, весьма существенным для статуса исторической фонологии является выбор одного из альтернативных решений вопроса о возможности генетического (процессуального) представления системы вообще: 1) решения, при котором различаются два плана процессуального исследования сложных органических (исторически развивающихся) объектов — функциональный (структурно-функциональный) и генетический — и соответственно выделяются два типа предметов науки — наук о функционировании и наук о генезисе объекта; 2) решения, при котором стремятся задать единое процессуальное (иногда структурно-процессуальное) представление системы, где генезис и функционирование слиты в рамках единой дисциплины³.

При первом решении статус исторической (диахронической) и синхронической фонологии как самостоятельных дисциплин остается неизменным. Второе решение, связанное с выделением дисциплины, занимающейся построением единого функционально-генетического (процессуального) представления объекта с двумя планами соответственно отмеченным аспектам исследования объекта внесло бы существенное изменение в картину современных предметов о звуковой стороне языка. В такой комплексной дисциплине исследовались бы различного рода процессы изменения (развития), включая и так называемые процессы варьирования (сосуществования) единиц в процессе функционирования и развития системы. В рамках подобной дисциплины, очевидно, не было бы необходимости в полном выключении времени из синхронии

³ Идея синтеза структурно-функционального и генетического изучения объектов (при сохранении специфики каждого из этих подходов) выдвигалась в концепции К. Маркса; см.: Огурцов 1971.

и имело бы смысл ввести различие двух типов времени системы: времени₁ — времени функционирования, которым обычно при синхронно-функциональном описании пренебрегают, и времени₂ — исторического времени развития системы.

Если исходить из идеи (идеала) глобального моделирования системы, где все представления (планы) слиты и речь идет о едином процессе существования системы во времени, то при таком подходе ни историческая (диахроническая) фонология в рассматриваемом смысле, ни синхроническая фонология не могли бы выделяться в качестве самостоятельных предметов, а вошли бы как составные части в единую дисциплину — фонологию, занимающуюся глобальным представлением фонологической системы. В такой дисциплине в качестве самостоятельных могут быть выделены разделы, занимающиеся структурным, функциональным и генетическим представлениями фонологической системы. В ней целесообразно было бы иметь раздел, посвященный изложению общefonологической концепции, и специальные разделы, занимающиеся изложением как структурно-функционального, так и генетического анализов фонологической системы.

Целесообразность создания синтетической дисциплины, конфигурирующей представления исторической (диахронической) и синхронической фонологии как взаимодополняющих, очевидна. В такой дисциплине удалось бы избежать излишних пересечений понятийных средств синхронической и исторической фонологии и многие проблемы в каждой из этих областей в свете синтетической дисциплины показались бы избыточными. Напротив, в дисциплине такого типа могли бы быть исследованы свойства систем, которые нельзя в полной мере на достаточной степени глубины изучить в рамках как исторической (диахронической), так и синхронической фонологии, например, инвариантные свойства процессов фонологической системы⁴.

Вопрос о возможном слиянии наук о синхронических состояниях и развитии системы в одну дисциплину обсуждается в лингвистике часто как проблема соотношения синхронии-диахронии и взаимодополнительности синхронических и диахронических методов⁵. "Не следует воздвигать непроходимых барьеров между синхроническими и диахроническими методами", — отмечалось в "Манифесте" первого конгресса славистов (цит. по: Haudricourt, Juilland 1970, 5). Определенный путь к упрощению антиномии между синхронической и диахронической характеристикой звуковой материи языка первые фонологи (Jakobson 1962, 20) видели во введении принципа системности, согласно которому изменения необходимо рассматривать в зависимости от фонологической

⁴ Об изучении структурных моделей языка, инвариантных при различных диахронических преобразованиях, и о приближении тем самым к исследованию панхронии см.: Успенский 1965, 25.

⁵ Из работ общего характера, где дискутируется вопрос о структурализме и историзме как дополняющих друг друга методах анализа развивающихся систем см., например: ПИСС 1965, 151. О перспективах диахронических исследований и о возможностях применения структурных методов к историческим наукам см.: Vachek 1968; Nöth 1974; Greimas 1966; Hjelmslev 1947; Juilland 1967.

системы, которая их претерпевает. "Будущая наука о языке, — пишет В. Вартбург (Wartburg 1945, 123), — должна стремиться достичь стадии, которая соединила бы два метода, синхронический и диахронический, в органическое единство и выделила бы со всей желаемой ясностью взаимозависимость системы и движения"⁶.

Однако чаще всего вопрос о синтезе синхронических и диахронических дисциплин не возникает и обсуждение ограничивается рассмотрением соотношений этих двух подходов в плане выявления их взаимозависимости (Крупаткин 1958, 35; 1956, 308; Стеблин-Каменский 1966, 6, 17; Hoenigswald 1960, 86; Косериу 1963, 148, 153—157, 220, 223; Барнет 1966; Fonagy 1956; Maack 1959) и определения степени универсальности, важности и целесообразности каждого из рассматриваемых подходов (Стеблин-Каменский 1961а, 7, 124; Крупаткин 1958, 36; Соссюр 1933, 94, 95; ОССАИИ 1960, 52; Malmberg 1945, 22—32). Кроме того дискутируется возможность использования понятийного аппарата и методов одного из подходов в рамках другого подхода — методологический аспект (Курилович 1965, 400; Макаев 1973, 230) или использования фактов, полученных в рамках одного подхода, при решении задач другого подхода — онтологический аспект проблемы.

Проявлением тенденции к синтезу структурно-функционального и генетического подходов в лингвистике является сближение проблематики диахронических и синхронических дисциплин. Органической проблемой диахронической лингвистики, по словам Р. Якобсона (1963, 104; см. также: Trim 1959, 24, 25), становится проблема устойчивости и статичности во времени, а "динамика, взаимодействие субкодов внутри языка в целом вырастает в один из центральных вопросов лингвистической синхронии".

В русле обсуждаемой тенденции современной науки находится также дискуссия о характере фонологической теории, которая может быть положена в основу синхронической и диахронической (исторической) фонологии.

Единая теория, которая должна лежать в основе обеих ветвей фонологии — диахронической и синхронической — как считает В.Я. Плоткин (1967, 10, 11), не может быть построена на синхронической основе и затем перенесена на диахронию, поскольку синхроническая фонология, рассматривающая фонологическую систему в статике и редуцированном виде, дает более упрощенное описание, чем диахроническая фонология, рассматривающая тот же самый объект (точнее предмет) — фонологическую систему — в более полном и сложном динамическом аспекте'. По словам В.Я. Плоткина (1967, 11), такая единая фонологическая теория должна носить динамический характер, включая "синхроничес-

⁶ Ср. в этой связи замечание Г. Хёнигсвальда о недостаточном подчеркивании сторонниками синтеза исторической и дескриптивной работы определенной взаимозависимости этих видов исследований (Hoenigswald 1960, 3).

⁷ Ср. также позицию Г. Хёнигсвальда (Hoenigswald 1960, 3), полагавшего, что построение исторической теории на более эксплицитных синхронических основаниях сэкономило бы много времени и усилий исследователям.

кую фонологию как частный случай, приложимый к редуцированным системам с нулевой динамикой”.

Некоторые конструктивные идеи для изучения взаимоотношений и синтеза панхронического, синхронического и диахронического подходов, а также для разработки единой теории исторически развивающихся объектов могут быть получены, по-видимому, путем развертывания категориальной оппозиции логическое/историческое⁸ и использования основных принципов метода восхождения от абстрактного к конкретному, используемого К. Марксом как основной способ теоретического движения в “Капитале”⁹.

Можно попытаться также извлечь определенные содержательные утверждения (при соответствующем переосмыслении) из гегелевской диалектической идеи, выдвинутой им применительно к историческому познанию о тождественности исторического развития (движения) объекта с функционированием его «сложившихся и “снятых” элементов в системе более позднего состояния» (Мамардашвили 1968, 157). Согласно такой трактовке, историческое движение (развитие) объекта происходит сходным образом по тем же законам последовательности, что и функционирование в сложившейся системе; соответственно “связь и переход функционально различных элементов сложившейся системы выступает как история их возникновения друг от друга” (Там же). Интересно отметить, что в чисто операциональном плане как прием исследования сходная идея о типе связи функционирования и генезиса (истории) используется в лингвистике; ср. работу А.А. Зализняка (1964) о связи между операциональными определениями, принятыми в синхронии, и диахроническими фактами.

Осознание необходимости соединения структурно-функционального и генетико-диахронического подходов к исследованию объектов не является сугубо лингвистической проблемой, а составляет характерную черту современной науки и методологии познания. Уже давно обращалось внимание на то, что понимание структуры функционирования объекта зависит от понимания структуры его генезиса и наоборот: “чтобы понять результат, надо знать его историю, но чтобы выделить в истории главные тенденции, надо знать ее результат” (ПИСС 1965, 219, 220).

Тенденция современной науки к синтезу этих двух подходов, по словам А.П. Огурцова (1971), находит свое выражение в неудовлетворенности “чисто эволюционистской трактовкой” генезиса, игнорирующей законы функционирования исследуемого объекта, и в попытках модифицировать структурно-функциональный аппарат с тем, чтобы иметь возможность применять его к исследованию генезиса структур и их развития.

⁸ О проблеме единства логического и исторического см. у Э.В. Ильенкова (ФЭ 1964, 242–245); см. также: Мамардашвили 1968, 141–190. Об историческом и логическом методах исследования (в интерпретации Б.А. Грушина 1961, – структурно-генетическом и генетико-структурном) как конкретном выражении единства структурно-генетического подхода см., например: ПИСС 1965, 217–221).

⁹ О методе восхождения от абстрактного к конкретному и о его генетических вариантах см.: СВЯ 1967, 30–38, 65; Щедровицкий 1975б, 174–176.

В некоторых исследованиях выдвигается задача построения единой теории исторически развивающихся объектов. Задачей теории такого рода, как это эксплицитно сформулировано Э.Г. Юдиным (ПИСС 1965, 49; см. Грушин 1961), является «выявление структуры в генезисе и... генезиса в структуре (т.е. выявление в генетической структуре тех функций, связей и элементов, которые "работают" специально на актуальное функционирование и, наоборот, выявление в актуальной структуре тех функций, элементов и связей, которые "работают" специально на генезис)»¹⁰. Другими словами, в теории такого типа должно содержаться "структурное описание генезиса и генетическое описание структуры" (ПИСС 1965, 49; Грушин 1961).

Неудовлетворенность односторонним характером как функционального, так и генетического анализа, поднимает вопрос о необходимости разработки специального способа исследования, сочетающего приемы этих двух видов анализа¹¹. При таком подходе «исследование "ставшего" состояния объекта было бы средством для воспроизведения его генезиса, а знание законов генезиса служило бы средством для анализа и более глубокого понимания структуры и функционирования в самом развитом состоянии» (Щедровицкий 1964б, 31).

Как мы видим, трудности, которые возникают на пути решения задачи получения синтезированного представления фонологической системы, снимающего оппозицию синхроническое/диахроническое (или, в других терминах, структурно-функциональное/генетическое), в лингвистике не случайны и не специфичны только для нее. Проблема получения такого представления не может быть разрешена непосредственно в пределах теории какой-либо частной научной дисциплины, изучающей конкретные типы систем. Задача конфигурирования различных представлений системы, по-видимому, может быть поставлена и решена лишь в рамках системологии и методологии науки в целом. Ее решение — одна из актуальных задач современной методологии научного познания.

¹⁰ Г.М. Аксельрод и О.И. Генисаретский (ПИСС 1965, 173) обращают внимание на существование свойств-функций, которые сами по себе не поддаются генетическому анализу вследствие того, что "они всегда определены относительно ставшего состояния всей структуры в целом".

¹¹ Анализ познавательной ситуации, приводящей к необходимости структурно-генетического анализа объектов, см.: ПИСС 1965, 45–49.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс, Энгельс 1959 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13.
- Аванесов 1947 — *Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. — Вестн. МГУ, 1947, № 1.
- Авксентьева 1971 — *Авксентьева А.Г.* Конститутивные признаки сонорных и их роль в диахронических изменениях. — Уч. зап. Московского пед. ин-та, т. 450, 1971.
- Акчурина 1974 — *Акчурина И.А.* Единство естественнонаучного знания. М., 1974.
- Алексеев 1968 — *Алексеев И.С.* О принципах и средствах методологического подхода к анализу измерений. — В кн.: Проблемы научного познания. Новосибирск, 1968.
- Алексеев 1974 — *Алексеев И.С.* Возможная модель структуры физического знания. — В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974.
- Арутюнова 1968 — *Арутюнова Н.Д.* Стратификационная модель языка. — Филол. науки, 1968, № 1.
- Ахманова 1966 — *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Барнет 1968 — *Барнет В.* Методологические проблемы синхронного среза в диахронии. — В кн.: VI Международный съезд славистов в Праге, 1968. Резюме докладов. Прага, 1968.
- Батищев 1963 — *Батищев Г.С.* Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963.
- Белецкий 1974 — *Белецкий А.А.* Система и несистема в естественном языке. — В кн.: Структурная и математическая лингвистика. Киев, 1974.
- Белолипецкий 1974 — *Белолипецкий В.К.* Методологическое значение принципа историзма. — В кн.: Методологические проблемы научного исследования. Ростов н/Д, 1974.
- Биршет 1940 — *Биршет А.Ф.* К вопросу о системе фонем английского литературного языка. — Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностранных языков, т. 1. Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку. М., 1940.
- Блауберг 1964 — *Блауберг И.В.* Проблема целостности в марксистской философии. М., 1964.
- Блауберг, Юдин 1972 — *Блауберг И.В., Юдин Б.Г.* Понятие целостности и его роль в научном познании. М., 1972.
- Блауберг, Юдин 1973 — *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
- Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бодуэн де Куртене 1963 — *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию, т. 1 а, 2. б. М., 1963.
- Брёндаль 1960 — *Брёндаль В.* Структурная лингвистика — В кн.: *Звегинцев.* История языкознания XIX и XX вв., т. 2. М., 1960.
- Будагов 1965 — *Будагов Р.А.* Проблемы развития языка. М., 1965.
- Булыгина 1964 — *Булыгина Т.В.* Пражская лингвистическая школа. — В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964.
- Булыгина 1977 — *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

- Веденов, Сачков 1971 – *Веденов М.В., Сачков Ю.В.* Проблема стилей мышления в естествознании. М., 1971.
- Верещагин 1968 – *Верещагин Е.М.* О проблеме заимствования фонем. – В кн.: *Язык и общество.* М., 1968.
- Виндельбанд 1904 – *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904.
- Виноградов 1964 – *Виноградов В.А.* Теория фонетических конвергенций Е.Д. Поливанова и принцип системности в фонологии. – В кн.: Черкасский 1964.
- Виноградов, Гинзбург 1972 – *Виноградов В.А., Гинзбург Е.Л.* Система, ее актуализация и описание. – В кн.: *Системные исследования.* М., 1972.
- Генисаретский 1970а – *Генисаретский О.И.* Опыт системного исследования социологического понятия культуры (машинопись) М., 1970.
- Генисаретский 1970б – *Генисаретский О.И.* О классе систем, в которых имеет место феномен "естественного" и "искусственного". – В кн.: *Труды III Всесоюзного симпозиума по кибернетике.* Тбилиси 1970.
- Генисаретский 1970в – *Генисаретский О.И.* Опыт методологического конструирования общественных систем. – В кн.: *Моделирование социальных процессов.* М., 1970.
- Генисаретский 1975 – *Генисаретский О.И.* Методологическая организация системной деятельности. – В кн.: *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология).* М., 1975.
- Герасимов 1962 – *Герасимов И.Г.* Процесс развития как предмет научного исследования. – В кн.: *Проблемы научного метода.* М., 1962.
- Глинский и др. 1965 – *Глинский Б.А.* и др. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965.
- Голованов 1970 – *Голованов В.Н.* Законы в системе научного знания. М., 1970.
- Горохов 1973 – *Горохов В.Г.* К проблеме рассмотрения науки как системы. – В кн.: *Системные исследования.* М., 1973.
- Горшкова 1963а – *Горшкова К.В.* О методах изучения письменных памятников как источников исторической фонетики русского языка. – *Вестн. МГУ. Филология, журналистика,* 1963, № 4.
- Горшкова 1963б – *Горшкова К.В.* Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка. – *Славянская филология,* 1963, вып. 5.
- Горшкова 1964 – *Горшкова К.В.* Основные тенденции развития фонетической системы русского языка. – *РЯШ,* 1964, № 5.
- Горшкова 1968 – *Горшкова К.В.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси по данным исторической фонологии. М., 1968.
- Готт, Надзельский 1975 – *Готт В.С., Надзельский Ф.В.* Диалектика прерывности и непрерывности в физической науке. М., 1975.
- Готт, Урсул 1975 – *Готт В.С., Урсул А.Д.* Общенаучные понятия и их роль в познании. М., 1975.
- Гринберг 1972 – *Гринберг Дж.* Фонологические универсалии в синхронии и диахронии. – В кн.: *Принципы типологического анализа языков различного строя.* М., 1972.
- Грушин 1960 – *Грушин Б.А.* Процесс обнаружения противоречия объекта. – *Вопросы философии,* 1960, № 1.
- Грушин 1961 – *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961.
- Грушин 1962 – *Грушин Б.А.* Процесс развития (логическая характеристика категории в свете задач исторической науки). – В кн.: *Проблемы методологии и логики науки.* Томск, 1962.
- Грязнов и др. 1973 – *Грязнов Б.С.* и др. Теория и ее объект. М., 1973.
- Гуссерль 1909 – *Гуссерль Э.* Логические исследования, ч. I. СПб., 1909.
- Гухман 1962 – *Гухман М.М.* Понятие системы в синхронии и диахронии. – *ВЯ,* 1962, № 4.
- Гухман 1964 – *Гухман М.М.* Исторические и методологические основы структурализма. – В кн.: *Основные направления структурализма.* М., 1964.
- Дмитриенко 1974 – *Дмитриенко В.А.* Соотношение системного и деятельностного подходов в научном познании. – В кн.: *Вопросы методологии науки.* Томск, 1974.

- Добродомов 1968 – Добродомов И.Г. Роль внутренних и внешних факторов в развитии фонологической системы языка. – В кн.: Фонологический сборник. Донецк, 1968.
- Евдошенко 1965 – Евдошенко А. Некоторые принципы диахронической фонологии. – В кн.: Omagiu lui A. Rosetti. București, 1965.
- Елизаренкова 1974 – Елизаренкова Т.Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
- Егорова 1975 – Егорова М.В. Категория "историческое время" и ее методологические функции. – В кн.: Вопросы методологии науки, вып. 5. Томск, 1975.
- Жбанкова 1974 – Жбанкова И.И. Философские принципы в научном познании. Минск, 1974.
- Жирмунский 1958 – Жирмунский В.М. О синхронии и диахронии в языкознании. – ВЯ, 1958, № 5.
- Журавлев 1963 – Журавлев В.К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Докл. на V Международном съезде славистов. Минск, 1963.
- Журавлев 1965 – Журавлев В.К. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. Докт. дис. М., 1965.
- Журавлев 1966а – Журавлев В.К. Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка. – В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
- Журавлев 1966б – Журавлев В.К. Двухступенчатая теория фонологии и методика моделирования фонологических процессов. – Там же.
- Журавлев 1967а – Журавлев В.К. Опыт фонологической интерпретации праславянских группофонов. – В кн.: Phonologie der Gegenwart (Vorträge und Diskussion anlässlich der Internationalen Phonologie-Tagung in Wien 30. VIII – 3.IX 1966). Graz-Köln-Wien. 1967.
- Журавлев 1967б – Журавлев В.К. Переразложение дифференциальных признаков как основной источник фонологических изменений. – Word, 1967, v. 23, N 1–3.
- Журавльов 1968 – Журавльов В.К. Предмет і метод діахронічної фонології української мови. – В кн.: Фонологический сборник. Донецк, 1968.
- Журавлев 1969 – Журавлев В.К. О внутренних причинах появления фонетических дублетов. – В кн.: Этимология 1967. М., 1969.
- Журавлев 1971 – Журавлев В.К. Понятие силы фонологической оппозиции. – В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.
- Журавлев 1972 – Журавлев В.К. К проблеме нейтрализации фонологических оппозиций. – ВЯ, 1972, № 3.
- Журавлев 1975 – Журавлев В.К. Праславянский язык. Эволюция идей и понятий (обзор). – В кн.: Уровни языка. Проблемы фонологии и морфологии (обзоры). М., 1975.
- Журавлев 1976 – Журавлев В.К. Введение в диахроническую морфологию. – Linguistique balkanique, 1976, t. 19, № 2–3.
- Задорожный 1975 – Задорожный Б.М. История языка и экстралингвистические факторы. – ВЯ, 1975, № 1.
- Зализняк 1964 – Зализняк А.А. О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией. – В кн.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1964.
- Звегинцев 1963 – Звегинцев В.А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений. – В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.
- Зиндер 1957 – Зиндер Л.Р. О звуковых изменениях. – ВЯ, 1957, № 1.
- Зотов 1973 – Зотов А.Ф. Структура научного мышления. М., 1973.
- Иванов 1968 – Иванов Вал. В. Историческая фонология русского языка. М., 1968.
- Иванов 1957 – Иванов Вяч.Вс. Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова. – ВЯ, 1957, № 3.
- Иванов 1958 – Иванов Вяч.Вс. Вероятностное определение лингвистического времени. – В кн.: Вопросы статистики речи. Л., 1958.
- Иванов 1974 – Иванов В.Г. Детерминизм в философии и физике. Л., 1974.
- Иванова 1963 – Иванова И.П. Система согласных и ее динамика в древнеанглийском языке. – Филол. науки. 1963, № 3.

- Иванова 1966 — *Иванова И.П.* О возможных фонологических и фонетических факторах "великого сдвига гласных" в английском языке. — В кн.: Семинар по диахронической фонологии германских языков. Тезисы докладов. М., 1966.
- Ивич 1958 — *Ивич П.* Основные пути развития сербохорватского вокализма. — ВЯ, 1958, № 1.
- Ивич 1970 — *Ивич П.* аширение инвентаря фонем и число дистинктивных возможностей. — ВЯ, 1970, № 3.
- Калнынь 1961 — *Калнынь Л.Э.* Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.
- Караулов 1970 — *Караулов Ю.Н.* Языковое время и языковое пространство (о понятии хроногlossы). — Вестн. МГУ. Филология, 1970, № 1.
- Карнап 1971 — *Карнап Р.* Философские основания физики. М., 1971.
- Касаткин 1966 — *Касаткин Л.Л.* Об условиях фонетических ассимилятивных изменений с точки зрения двухступенчатой теории фонологии. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
- Каспаранский 1971 — *Каспаранский Р.Р.* Об источниках и условиях изменения звукового состава языка. — Уч. зап. Горьковского пед. ин-та ин. языков, 1971, вып. 46.
- Кацнельсон 1960 — *Кацнельсон С.Д.* Вступительная статья. — В кн.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- Кацнельсон 1966 — *Кацнельсон С.Д.* Сравнительная акцентология германских языков. М.—Л., 1966.
- Квятковский 1966 — *Квятковский В.А.* Фонологические проблемы великого сдвига гласных в английском языке. — В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
- Климов 1967 — *Климов Г.А.* Фонема и морфема. М., 1967.
- Климов 1971 — *Климов Г.А.* Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.
- Клычков 1962 — *Клычков Г.С.* Развитие диахронической фонологии за последние годы (обзор литературы) — ВЯ, 1962, № 4.
- Клычков 1963 — *Клычков Г.С.* Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка. — ВЯ, 1963, № 5.
- Клычков 1971 — *Клычков Г.С.* Моделирование языка во времени: процесс и система — В кн.: Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego. Wrocław, 1971, sesz. 29.
- Колесов 1962 — *Колесов В.В.* [О] (о закрытое) в древненовгородском говоре. — Уч. зап. Ленинградского ун-та, серия филол. наук, 1962, вып. 61.
- Колесов 1964 — *Колесов В.В.* О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье. — ВЯ. 1964, № 4.
- Колесов 1965 — *Колесов В.В.* К фонологическому объяснению северно-русского цоканья. — В кн.: Тезисы докладов на X диалектологическом совещании. М., 1965.
- Колесов 1966 — *Колесов В.В.* Изменение фонемы /ѣ/ в древнерусском языке. — Slavica, 1966, год. 35, sez. 2.
- Колесов 1968 — *Колесов В.В.* Фонетические "стимуляторы" фонологического изменения. — В кн.: Фонологический сборник. Донецк, 1968.
- Колесов 1970 — *Колесов В.В.* Значение фонетической ситуации в синтагматическом фонемном окружении. — В кн.: Кузнецовские чтения. М., 1970.
- Колшанский 1962 — *Колшанский Г.В.* О функции языка. — Иностранные языки в высшей школе, 1962. М., вып. 2.
- Колшанский 1967 — *Колшанский Г.В.* Проблема стратификации структуры языка. — В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967.
- Косериу 1963 — *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.
- Крупаткин 1958 — *Крупаткин Я.Б.* Две проблемы исторической фонологии. — ВЯ, 1958, № 6.
- Крупаткин 1962а — *Крупаткин Я.Б.* Была ли англо-фризская палатализация кратко-го а "спонтанным" изменением. — Филол. науки, 1962, № 1.
- Крупаткин 1962б — *Крупаткин Я.Б.* К истории древнеанглийской системы гласных. — ВЯ, 1962, № 6.

- Крупаткин 1966 — *Крупаткин Я.Б.* Становление древнеанглийского вокализма (проблема ингвонского развития). Автореф. докт. дис. Л., 1966.
- Крымский 1974 — *Крымский С.Б.* Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974.
- Крысин 1964 — *Крысин Л.П.* Вопросы языковой эволюции в работах Е.Д. Поливанова. В кн.: Черкасский 1964.
- Кубрякова 1968 — *Кубрякова Е.С.* О понятиях синхронии и диахронии. — ВЯ, № 3. 1968.
- Кузнецов 1968 — *Кузнецов И.В.* Структура объекта и структура физической теории. — Вопросы философии, 1968, № 5.
- Кузнецов 1940 — *Кузнецов П.С.* Некоторые вопросы происхождения языка. — Уч. зап. Московского ин-та международных отношений. Вопросы языка и методики, 1940, вып. 5.
- Кузьменко 1964 — *Кузьменко Ю.К.* Диахроническая фонология аффрикат в германских языках. — ВЯ, 1964, № 4.
- Кун 1975 — *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
- Курилович 1965 — *Курилович Ю.* О методах внутренней реконструкции. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4, М., 1965.
- Лакатос 1967 — *Лакатос М.* Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы, М., 1967.
- Ланге 1969 — *Ланге О.* Целое и развитие в свете кибернетики. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М. 1969.
- Левин 1974 — *Левин А.Е.* Семиотический подход к анализу структуры физических теорий. — В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974.
- Ледников 1969 — *Ледников Е.Е.* Проблема конструкторов в анализе научных теорий. Киев, 1969.
- Леков 1960 — *Леков И.* Насоки в развоја на фонолошките системи на славјанските езици. София, 1960.
- Леков 1967 — *Леков И.* Структурна и фонолошката дистрибуција фонолошките измени. — В кн.: Phonologie der Gegenwart (Vorträge und Diskussion anlässlich der Internationale Phonologie-Tagung in Wien 30.VIII — 3.IX 1966), Graz — Wien — Köln, 1967.
- Леков 1973 — *Леков И.* Компенсацијата — развојен фактор во славјанските езици. — В кн.: VII Międzynarodowy kongres slawistów, Warszawa, 21–27 VIII 1973. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa, 1973.
- Лекомцева и др. 1963 — *Лекомцева М.И., Сегал Д.М., Судник Т.М., Шур С.М.* Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963.
- Лекторский 1967 — *Лекторский В.А.* Принципы воспроизведения объекта в знании. — Вопросы философии, 1967, № 4.
- Лекторский, Швырев 1971 — *Лекторский В.А., Швырев В.С.* Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода. — Вопросы философии, 1971, № 1.
- Лекторский, Швырев 1972 — *Лекторский В.А., Швырев В.С.* Методологический анализ науки. — В кн.: Философия. Методология. Наука. М., 1972.
- Лелекова 1975 — *Лелекова М.И.* Становление и развитие категории времени в историческом познании. Автореферат канд. философ. наук. Новосибирск, 1975.
- Леонтьев 1969 — *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Ломтев 1976 — *Ломтев Т.П.* Общее и русское языкознание. Избранные работы. М., 1976.
- Лооне 1975 — *Лооне Э.Н.* Проблема исторического объяснения. — Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1975, № 6.
- Лосев 1977 — *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
- Любинская 1966 — *Любинская Л.Н.* Категория времени и системный анализ. М., 1966.
- Макаев 1962 — *Макаев Э.А.* Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. — ВЯ, 1962, № 5.

- Макаев 1973 — Макаев Э.А. О некоторых проблемах диахронической лингвистики. — В кн.: *Philologica. Исследования по языку и литературе*. М., 1973.
- Макаров 1974 — Макаров М.Г. Категория "цель" в домарксистской философии. Л., 1974.
- Максимова 1974 — Максимова Д.А. Категория "историческое время", ее роль в исторической науке. — В кн.: Некоторые проблемы развитого социалистического общества и пути его формирования, вып. 2. Новосибирск, 1974.
- Мамардашвили 1968 — Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М., 1968.
- Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1972 — Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классики и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. — В кн.: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972.
- Мамчур 1975 — Мамчур Е.А. Проблема выбора теории. М., 1975.
- Марков 1964 — Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
- Мартине 1960 — Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- Мартине 1963 — Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.
- Мартине 1965 — Мартине А. Структурные вариации в языке. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965.
- Мартынов 1968 — Мартынов В.В. — Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968.
- Мельников 1965 — Мельников Г.П. Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем. Урало-алтайский вокализм и перебой башкирско-татарских гласных. М., 1965.
- Мельников 1968 — Мельников Г.П. Системный анализ причин своеобразия семитского консонантизма (методические разработки). М., 1968.
- Мельников 1970 — Мельников Г.П. Причины нарушения симметрии в системе киргизских гласных. — Советская тюркология, 1970, № 1.
- Мельников 1971 — Мельников Г.П. Онтология фонологических единиц с позиций системной лингвистики. — В кн.: Вопросы фонологии и фонетики. Тезисы докладов советских лингвистов на VII Международном конгрессе фонологических наук. Монреаль 1971 г., ч. 2. М., 1971.
- Мельников 1972 — Мельников Г.П. Системный подход в лингвистике. — В кн.: Системные исследования, т. 2. М., 1972.
- МСЛН 1966 — Материалы к симпозиуму по логике науки. Киев, 1966.
- ММЕ 1966 — Метод моделирования вестествознания. Тезисы докладов и выступлений на симпозиуме. Тарту, 1966.
- Метлов 1974 — Метлов В.И. Проблема основания как проблема философии и методологии наук. — В кн.: Философские вопросы логического анализа научного знания, вып. 3. Ереван, 1974.
- МПРН 1974 — Методологические проблемы развития науки, вып. 1 (Сборник переводов). Наукоеведение за рубежом. М., 1974.
- Москаева, Розин 1966 — Москаева А.С., Розин В.М. Анализ строения научной теории на материале "Начал" Евклида. Сообщения 1—2. — В кн.: Новые исследования в педагогических науках, вып. 8—9. М., 1966.
- Никитин 1970 — Никитин Е.П. Объяснения — функции науки. М., 1970.
- Новик 1965 — Новик И.Б. О моделировании сложных систем. М., 1965.
- Новик 1975 — Новик И.Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975.
- ОЯ 1970, 1972, 1973 — Общее языкознание, т. 1, 1970; т. 2, 1972, т. 3, 1973. М.
- Овчинников 1968 — Овчинников Н.Ф. Методологическая функция философии в естествознании. — В кн.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968.
- Огурцов 1971 — Огурцов А.П. Генезис. — БСЭ. М., 1971, т. 6.
- Ойзерман 1972 — Ойзерман Т.И. Философия, наука, идеология. — В кн.: Философия и наука. М., 1972.
- ОМ 1974 — Основания математики. — БСЭ, т. 18. М., 1974.

- ИССАИИ 1960 – О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960.
- Панов 1960 – *Панов М.В.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века (основные позиционные изменения в фонетике и морфологии). – ВЯ, 1963, № 1.
- Панфилов 1964 – *Панфилов В.З.* О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка. – В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
- Пауль 1960 – *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- ПИСС 1965 – Проблемы исследования систем и структур. М., 1965.
- ПЛ 1968 – Педагогика и логика. М., 1968.
- ПИСН 1967. – Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, 1967.
- Подкорытов 1967 – *Подкорытов Г.А.* Историзм как метод научного познания. М., 1967.
- Поливанов 1967 – *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Попов 1968 – *Попов Н.В.* Диалектические категории "внутреннее-внешнее" и их методологическая роль в молекулярной биологии. Автореф. канд. дис. Киев, 1968.
- Попович 1966 – *Попович М.В.* О философском анализе языка науки. Киев, 1966.
- ПИБСЯ 1972 – Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972.
- Ракитов 1969 – *Ракитов А.И.* Анатомия научного знания. М., 1969.
- Ракитов 1971 – *Ракитов А.И.* Курс лекций по логике науки. М., 1975.
- Ракитов 1975 – *Ракитов А.И.* Принципы научного мышления. М., 1975.
- Ракитов 1977 – *Ракитов А.И.* Философские проблемы науки. Системный подход. М., 1977.
- Рассел 1957 – *Рассел Б.* Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957.
- Рачков 1974 – *Рачков П.А.* Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М., 1974.
- Разумовский, Симанов 1972 – *Разумовский О.С., Симанов А.Д.* Категории "состояние" и "связь состояний" с точки зрения понятий "элемент" и "система". – В кн.: Системный подход и современная наука, вып. 2. Новосибирск, 1972.
- Реформатский 1970 – *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. ч. 1. Очерк. М., 1970.
- Рождественский 1965 – *Рождественский Ю.В.* О современном строении языкознания. – ВЯ, 1965, № 3.
- Родный 1975 – *Родный Н.И.* Очерки по истории и методологии естествознания. М., 1975.
- Розенцвейг 1967 – *Розенцвейг В.Ю.* "Влияние" или "механизм контактов" – В кн.: Проблемы языкознания, Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967.
- Розин 1964 – *Розин В.М.* К анализу знаковых средств геометрии. – Вопросы психологии, 1964, № 6.
- Розин 1965 – *Розин В.М.* Функции символических и модельных средств в точных науках. – В кн.: Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1965.
- Розин 1967 – *Розин В.М.* Методологическая характеристика языка как знаковой системы. – В кн.: Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". М., 1967.
- Розин 1968 – *Розин В.М.* Логический анализ математических знаний. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1968.
- Розов 1977 – *Розов М.А.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977.
- Руделев 1968 – *Руделев В.Г.* Диахроническая нейтрализация. – В кн.: Фонологический сборник. Донецк, 1968.
- Рузавин 1971 – *Рузавин Г.И.* Методы научного исследования. М., 1971.
- Садовский 1962 – *Садовский В.Н.* К вопросу о методологических принципах исследования предметов, представляющих собой системы. – В кн.: Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1962.
- Садовский 1974 – *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. М., 1974.
- Садовский, Юдин 1967 – *Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* О специфике методологического подхода к исследованию систем и структур. – В кн.: Логика и методология науки. М., 1967.

- Сачков 1974 — Сачков Ю.В. Проблема стиля мышления в естествознании. — В кн.: Философия и естествознание, М., 1974.
- Свидерский 1972 — Свидерский В.И. Движение. — БСЭ, т. 7, М., 1972.
- СВЯ 1967 — Семиотика и восточные языки, М., 1967.
- Серебренников 1952 — Серебренников Б.А. Дискуссия о внутренних законах развития языка в Ученом Совете Института языкознания АН СССР. — ВЯ, 1952, № 3.
- Серебренников 1967 — Серебренников Б.А. От относительной самостоятельности развития системы языка, М., 1967.
- Серебренников 1974 — Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике, М., 1974.
- Серов 1970 — Серов Н.К. О диахронической структуре процессов. — Вопросы филологии, 1970, № 7.
- СИ 1977 — Системные исследования, М., 1977.
- Ситковский 1975 — Ситковский Е.П. Проблемы возникновения новых категорий в диалектической логике. — Вопросы философии, 1975, № 10.
- Скрелина 1970 — Скрелина Л.М. Противоречие как источник развития языка. — Филолог. науки, М., 1970, № 1.
- Скрелина 1973 — Скрелина Л.М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования). Минск, 1973.
- Славенас 1975 — Славенас П.В. Структура науки. — В кн.: История науки и науковедение. Рига, 1975.
- СДН 1973, 1975 — Современный детерминизм и наука, т. 1-2. Новосибирск, 1973, 1975.
- Солнцев 1971 — Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование, М., 1971.
- Солопов 1974 — Солопов Е.Ф. Движение и развитие, М., 1974.
- Соссюр 1933 — де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, М., 1933.
- Спиркин, Юдин 1974 — Спиркин А.Г., Юдин Э.Г. Методология. — БСЭ, М., 1974, т. 16.
- Стеблин-Каменский 1961а — Стеблин-Каменский М.И. Доступны ли изучению причинные связи в истории языка? — Вестн. ЛГУ, 1961, № 8.
- Стеблин-Каменский 1961б — Стеблин-Каменский М.И. Сущность германских передвижений согласных. — Там же, 1961, № 20.
- Стеблин-Каменский 1962 — Стеблин-Каменский М.И. Умлаут в германских языках. — В кн.: Сравнительная грамматика германских языков, т. 2, М., 1962.
- Стеблин-Каменский 1964 — Стеблин-Каменский М.И. О симметрии в фонологических решениях и их неединственности. — ВЯ, 1964, № 2.
- Стеблин-Каменский 1966 — Стеблин-Каменский М.И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков, Л., 1966.
- Степанов 1976 — Степанов Г.В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой. — В кн.: Принципы описания языков мира, М., 1976.
- Степанов 1974 — Степанов Ю.С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции — ВЯ, 1974, № 5.
- Степанов 1975а — Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики, М., 1975.
- Степанов 1975б — Степанов Ю.С. Основы общего языкознания, М., 1975.
- Степин 1976 — Степин В.С. Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний в физике. Минск, 1976.
- Степонавичюс 1977 — Степонавичюс А.Ю. Диахроническая фонология и проблемы древнеанглийского вокализма, Л., 1977.
- Столяров 1966 — Столяров В.И. Процесс изменения и его познание, М., 1966.
- Столяров 1975 — Столяров В.И. Диалектика как логика и методология науки, М., 1975.
- Сычева 1970 — Сычева Л.С. Проблема предмета исследования как проблема научной рефлексии. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1970.
- Тарский 1948 — Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук, М., 1948.

- Топоров 1959 – *Топоров В.Н.* О введении вероятности в языкознание. – ВЯ, № 6. 1959.
- Топоров 1962 – *Топоров В.Н.* Ред. на кн. И. Лекова "Насоки в развоја на фоноло-
гичните системи на славјанските езици". – В кн.: Структурно-типологически
исследования". М., 1962.
- Тринив 1972 – *Тринив Д.Н.* Динамика изменения фонологической системы од-
ного языка под влиянием другого при контактировании (на материале ниж-
ненемецкого диалекта на территории СССР). Автореф. канд. дис. М., 1972.
- Трубников 1968 – *Трубников Н.Н.* О категориях "цель", "средство", "результат".
М., 1968.
- Тугаринов 1955 – *Тугаринов В.Л.* Законы объективного мира, их познание и ис-
пользование. Л., 1955.
- Уколова 1972 – *Уколова В.И.* Исторический факт как система. – В кн.: Систем-
ный метод и современная наука, вып. 2. Новосибирск, 1972.
- Успенский 1965 – *Успенский Б.А.* Структурная типология языков. М., 1965.
- Фerguson 1970 – *Фerguson Ч.Д.* Допущение относительно носовых: к вопросу о
фонологических универсалиях. – В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970.
- ФМН 1972 – Философия, методология, наука. М., 1972.
- ФМИ 1977 – Философия и методология истории. М., 1977.
- ФЭ – Философская энциклопедия, т. 2 (1962); т. 3 (1964); т. 4 (1967); т. 5 (1970).
- Франк 1960 – *Франк Ф.* Философия науки. М., 1960.
- Французова 1972 – *Французова Н.Л.* Исторический метод в научном познании (во-
просы методологии и логики научного исследования). М., 1972.
- Хабургаев 1965 – *Хабургаев Г.А.* О фонологических условиях развития русского
аканья. – ВЯ, 1965, № 6.
- Хёнигсвальд 1970 – *Хёнигсвальд Г.* Существуют ли универсалии языковых измене-
ний? – В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970.
- Хилькевич 1974 – *Хилькевич А.Л.* Гносеологическая природа гипотезы. Минск,
1974.
- Хлебникова 1969 – *Хлебникова И.Б.* О равновесии исторических изменений фо-
нологических и морфологических систем. – В кн.: Пятая научная сессия по
вопросам германского языкознания. Тезисы докладов. М., 1969.
- Чекман 1972 – *Чекман В.Н.* Фонетическая сущность и фонологические причины
мягкостных эпентез. – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics,
1972, v. 15.
- Черкасский 1964 – *Черкасский М.А.* К вопросу о движущих противоречиях язы-
ка. – В кн.: Материалы конференции "Актуальные вопросы современного язы-
кознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова", т. 1. Самарканд, 1964.
- Чолакян 1969 – *Чолакян Б.А.* Анализ законов науки. – В кн.: Философские вопро-
сы логического анализа научного знания, вып. 1. Ереван, 1969.
- Швырев 1959 – *Швырев В.С.* К вопросу о каузальной импlications – В кн.: Логиче-
ские исследования. М., 1959.
- Швырев 1966 – *Швырев В.С.* Неопозитивизм и проблемы эмпирического обосно-
вания науки. М., 1966.
- Широков 1967 – *Широков О.С.* Методика фонологического описания в диахронии.
Минск, 1967.
- Штейман 1974 – *Штейман Р.Я.* Проблема развития в истории естествознания. – В кн.:
Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974.
- Штофф 1966 – *Штофф В.А.* Моделирование и философия. М.-Л., 1966.
- Штофф 1972 – *Штофф В.А.* Введение в методологию научного познания. Л., 1972.
- Шухардт 1950 – *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
- Щедровицкий 1958, 1959, 1960 – *Щедровицкий Г.Л.* О строении атрибутивного зна-
ния. Сообщения I–V. – Докл. АПН РСФСР, № 1, 1958, 1, 2, 4, 1959, № 6, 1960.
- Щедровицкий 1963 – *Щедровицкий Г.Л.* Методологические замечания к проблеме
происхождения языка. – Филол. науки, 1963, № 2.
- Щедровицкий 1964а – *Щедровицкий Г.Л.* О принципах анализа объективной струк-
туры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетиче-
ской логики. – Вопросы психологии, 1964, № 2.

- Щедровицкий 1964б — *Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. Расширенный вариант: "General systems", Ann Arbor, 1966, v. 11.
- Щедровицкий 1965 — *Щедровицкий Г.П.* Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков. — В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965.
- Щедровицкий 1966а — *Щедровицкий Г.П.* "Естественное" и "искусственное" в развитии речи-языка. — В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка. Самарканд, ч. 1, 1966.
- Щедровицкий 1966б — *Щедровицкий Г.П.* Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности. — В кн.: Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966.
- Щедровицкий 1967 — *Щедровицкий Г.П.* Что значит рассматривать язык как знаковую систему? — В кн.: Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". М., 1967.
- Щедровицкий 1968. — *Щедровицкий Г.П.* Модели новых фактов для логики. — Вопросы философии, 1968, № 4.
- Щедровицкий 1969 — *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий. — В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
- Щедровицкий 1971 — *Щедровицкий Г.П.* О типах знаний, получаемых при описании сложного объекта, объединяющего "парадигматику" и "синтагматику". — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии, ч. 1. Томск, 1971.
- Щедровицкий 1974а — *Щедровицкий Г.П.* Смысл и значение. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.
- Щедровицкий 1974б — *Щедровицкий Г.П.* Два понятия системы. — В кн.: Труды XIII Международного конгресса по истории науки и техники. М., 1974.
- Щедровицкий 1975а — *Щедровицкий Г.П.* Проблемы исторического развития мышления. — В кн.: Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, 1975.
- Щедровицкий 1975б — *Щедровицкий Г.П.* Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности. — В кн.: Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975.
- Шерба 1956 — *Шерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — В кн.: *Звегинцев В.А.* Хрестоматия по истории языкознания XIX и XX вв. М., 1956.
- ЭПФ 1976 — Эвристическая и прогностическая функция философии в формировании научных теорий. Л., 1976.
- Эшби 1968 — *Эшби У.* Введение в кибернетику. М., 1958.
- Юдин 1970 — *Юдин Э.Г.* Понятие целостности в структуре научного знания. — Вопросы философии, 1970, № 12.
- Юдин 1973 — *Юдин Э.Г.* Методологическая природа системного подхода. — В кн.: Системные исследования. М., 1973.
- Юдин 1974 — *Юдин Э.Г.* Онтология. — БСЭ, т. 18. М., 1974.
- Якобсон 1969 — *Якобсон Р.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.
- Якобсон 1965а — *Якобсон Р.* Итоги Девятого конгресса лингвистов. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965.
- Якобсон 1965б — *Якобсон Р.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965.
- Яковишин 1969 — *Яковишин В.С.* К развитию системы прагерманского вокализма (Доумлаутный период). — ВЯ, 1969, № 4.
- Яковишин 1974 — *Яковишин В.С.* Реконструкция * и системная интерпретация праславянских гласных. — Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия обществ. наук. Ростов н/Д, 1974, № 1.
- Ярцева 1970 — *Ярцева В.Н.* Количественные и качественные изменения в языке. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.

- Ярцева, Колшанский, Степанов, Уфимцева 1974 – *Ярцева В.Н., Колшанский Г.В., Степанов Ю.С., Уфимцева А.А.* Основные проблемы марксистского языкознания. М., 1974.
- Abernathy 1956 – *Abernathy R.* The fall of the jers: a statistical interpretation. – In: For Roman Jakobson. The Hague, 1956.
- Abrahams 1949 – *Abrahams H.* Etudes phonétiques sur les tendances évolutives des occlusives germaniques. Aarhus, 1949.
- Afendras, Tzannes 1971 – *Afendras E., Tzannes N.S.* More on informational entropy, redundancy and sound change. – *Studia Anglica Posnaniensia*, 1971, v. 3, N 1–2.
- Afendras, Tzannes, Trepancier 1973 – *Afendras E., Tzannes N.H., Trepancier J.C.* Distance, variation and change in phonology. Stochastic aspects. – *Folia linguistica*, 1973, v. 6, N 1–2.
- Aitchison 1974 – *Aitchison J.* Phonological change. Some causes and constraints. – In: *Historical linguistics*, v. 2. Amsterdam – Oxford – N.Y., 1974.
- Allen 1953 – *Allen W.S.* Relationship in comparative linguistics. – In: *Transactions of the Philological Society*. Oxford, 1953.
- Allen 1957 – *Allen W.S.* On the linguistic study of languages. Cambridge, 1957.
- Allen 1958 – *Allen W.S.* Some problems in the phonetic development of the Indo-European voiced aspirates in Latin. – *Archivum Linguisticum*, 1958, t. 10.
- Allen 1959 – *Allen W.S.* Some remarks on the structure of Greek vowel systems. – *Word*, 1959, v. 15, N 2.
- Anderson 1973 – *Anderson J.M.* Structural aspects of language change. L., 1973.
- Antilla 1967 – *Antilla R.* The structure and domain of the panchronic method of establishing sound units. – In: *Congrès international des linguistes*. 10e. Bucarest, 1967. Actes, v. 4; Bucarest, 1970.
- Antilla 1972 – *Antilla R.* An introduction to historical and comparative linguistics. N.Y. – L., 1972.
- Austin 1957 – *Austin W.M.* Criteria for phonetic similarity. – *Language*, 1957, v. 33, N 4, pt. 1.
- Avram 1949 – *Avram A.* Tendances évolutives des consonnes occlusives du germanique, 1949.
- Avram 1971 – *Avram A.* Le principe de la continuité en phonologie diachronique. – In: *Recherches sur la philosophie des sciences*. Bucarest, 1971.
- Baldinger 1973 – *Baldinger K.* Diachronie et synchronie. Plaidoyer pour leur équivalence. – In: *Studii și cercetări lingvistice*. București, 1973, N 5.
- Bally 1937 – *Bally Ch.* Synchronie et diachronie. – *Vox Romanica*, 1937, t. 2.
- Bartsch, Venneman 1973 – *Bartsch R., Venneman Th.* Sprachtheorie. In: *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Studienausgabe 1, Tübingen, 1973.
- Bauer 1972 – *Bauer G.* Zu einer frühen Anwendung historisch – phonologischer Prinzipien. – *Sprache*. Wien, 1972, Bd. 18, H.1.
- Baumgärtner – 1969 – *Baumgärtner K.* Diachronie und Synchronie der Sprachstruktur – Faktum oder Idealisierung? – In: *Moser H.* Sprache der Gegenwart, Bd. 5. Sprache, Gegenwart und Geschichte. Probleme der Synchronie und Diachronie. Düsseldorf, 1969.
- Bazell 1957 – *Bazell Ch.E.* On the historical sources of some structural units. – In: *Estructuralismo e historia*. Miscelanea homenaje a André Martinet. Madrid, 1957.
- Beaujouan 1961 – *Beaujouan G.* Le temps historique. – In: *Historic et ses méthodes*. Paris, 1961 (*Encyclopedie de la Pléiade*).
- Benediktsson 1959 – *Benediktsson Hr.* The vowel system of Icelandic: a survey of its history. – *Word*, 1959, v. 15, N 2.
- Bennett 1967 – *Bennett W.H.* Merger and split in the Pre-Gothic Linguistics, 1967, v. 32.
- Bever, Langendoen 1971 – *Bever T.G., Langendoen D.T.* A dynamic model of the evolution of language. – *Linguistic inquiry*, 1971, v. 2, N 4.
- Bhat 1968 – *Bhat D.N.S.* Is sound change gradual? – *Linguistics*, 1968, v. 17.
- Bhat 1970 – *Bhat D.N.S.* Age-grading and sound-change. – *Word*, 1970, v. 26, N 2.
- Bhat 1972 – *Bhat D.N.S.* Sound change. – In: *Bhasha Prakashan*. Poona, 1972.
- Blanchard 1972 – *Blanchard J.* Phonemic analysis of speech development. The crucial fifth years. – In: *Proceedings of the 7th International Congress of Phonetic Sciences*. Montreal, 1971. The Hague – Paris, 1972.

- Bloom 1970 – *Bloom L.* Language development. Cambridge, 1970.
- Bloomfield 1928 – *Bloomfield L.* A note on sound change. – *Language*, 1928, v. 4.
- Braithwaite 1960 – *Braithwaite R.B.* Scientific explanation. A study of the function of theory, probability and law in science. N.Y., 1960.
- Brasington 1972 – *Brasington R.W.P.* The treatment of exceptions in phonology. – *Lingua*, 1972, v. 29, N 2.
- Brent 1973 – *Brent E.* Accounting for synchronic variation. – *Folia linguistica*, 1973, t. 6, N 3–4.
- Bright 1960 – *Bright W.* Social dialect and linguistic history. – *Current Anthropology*, 1960, 1.
- Bright, Ramanujan 1964 – *Bright W., Ramanujan A.K.* Sociolinguistic variation and language. – In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. The Hague, 1964.
- Brøndal 1943 – *Brøndal V.* Essais de linguistique générale. Copenhagen, 1943.
- Brosnahan 1960 – *Brosnahan L.F.* Language and evolution. – *Lingua*, 1960, v. 9, N 3.
- Brosnahan 1961 – *Brosnahan L.F.* The sounds of language: an inquiry into the role of genetic factors in the development of sound systems. Cambridge, 1961.
- o'Bryan 1974 – *o'Bryan M.* The interaction of morphological and phonological processes in historical change. – *Linguistics*, 1974.
- Büky 1970 – *Büky B.* Gibt es Entwicklungstendenzen in der Modellierung der Gesprächstätigkeit? – *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1970, Bd. 23.
- Burger 1964 – *Burger M.* La nasalisation spontanée dans les dialectes de la plaine Vaudoise et Fribourgeoise: conditions et extension du phénomène. – *Revue de linguistique romane*, 1964, t. 28.
- Buyssens 1965 – *Buyssens E.* Linguistique historique. Bruxelles–Paris, 1965.
- Callemann 1950 – *Callemann B.* Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung. – In: Publications de l'Institut Slave d'Uppsala, t. 3. Uppsala, 1950.
- Cambell 1977 – *Cambell L.* On conditions of sound change. – In: *Historical linguistics*, v. 2. Amsterdam–Oxford–N.Y., 1977.
- Canfield 1964 – *Canfield D.L.* The diachronic of "synchronic" Hispanic dialectology. – *Linguistics*, 1964, N 7.
- Carnap 1934 – *Carnap R.* Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934.
- Chao 1960 – *Chao Yuen Ren.* Some aspects of the relation between theory and method. – In: *Method and theory in linguistics* (ed. by P.L. Garvin), 1960.
- Chen, Hsin 1971 – *Chen M., Hsin-I Hsien.* The time variable in phonological change. – *Journal of linguistics*, 1971, v. 7, N 1.
- Chen M. 1972 – *Chen M.* The time dimension: contribution toward a theory of sound change. – In: *Foundations of language*, 1972, v. 8.
- Chevalier 1972 – *Chevalier J.-C.* Language et histoire. – *Langue française*, 1972, v. 15.
- Chochralski 1971 – *Chochralski J.A.* Zur sprachlichen Interferenz – *Linguistics*, 1971, N 67.
- Chomsky 1970 – *Chomsky N.* Problems of explanation in linguistics. – In: *Explanations in the behavioural sciences*. Cambridge, 1970.
- Christie 1974 – *Christie W.M.* A stratificational view of linguistic change. – In: *Historical linguistics*, v. 1. Amsterdam–Oxford–N.Y., 1974.
- van Coetsem 1964 – *van Coetsem F.* Structural linguistics and the study of Old Germanic. Some remarks and applications. – *Lingua*, 1964, v. 8, N 1.
- van Coetsem 1968 – *van Coetsem F.* A syntagmatic structure in development: "Umlaut" and "Consonantal Influence" in Germanic. – *Lingua*, 1968, v. 21.
- von Coetsem 1975 – *van Coetsem F.* Generality in language change. The case of the Old High German vowel shift. – *Lingua*, 1975, v. 35, N 1.
- Cohen 1950 – *Cohen M.* Le langage: structure et évolution. Paris, 1950.
- Collinder 1936 – *Collinder B.* Analytische Sprachentwicklung und linguistische Teleologie. – *Nyelvtudományi Közlemények*, 1936, t. 50.
- Collinge 1956 – *Collinge N.E.* The limitation of historical phonology. – *Archivum linguisticum*, 1956, v. 8.
- Collinge 1970 – *Collinge N.E.* Phonetic shifts and phonemic asymmetries. – In: *Collinge N.E. Collectanea linguistica*. The Hague, 1970.

- Cowan 1971 – *Cowan W.* Speculation about language change: the generation gap. – *Lingua*, 1971, v. 28, N 3.
- Dale 1972 – *Dale Ph.S.* Language development. Structure and function. Hindsdale, v. 3, 1972.
- Debrunner 1933 – *Debrunner A.* Lautgesetz und Analogie. – *Indogermanische Forschungen*, 1933, Bd. 51.
- Debrunner 1935 – *Debrunner A.* Soziologisches zur Lautgesetzfrage. – In: *Actes du 3ème Congres International des Linguistes*, 1935.
- Delattre 1971 – *Delattre P.* Système, structure, fonction, évolution. Essai d'analyse épistémologique. Paris, 1971.
- Delaveau, Huot, Kerleroux 1972 – *Delaveau A., Hout H., Kerleroux F.* Questions sur le changement linguistique. – *Langue française*, 1972, t. 15.
- Deroy 1956 – *Deroy L.* L'emprunt linguistique. Paris, 1956.
- Doroszewski 1939 – *Doroszewski W.* Le critère fonctionnel dans l'évolution du langage. – In: *Proceedings of the 3th Congress of Phonetic Sciences*, 1939.
- Dressler 1967 – *Dressler W.* Zur historischen Phonologie des neugriechischen Konsonantismus. In: *Phonologie der Gegenwart*. Graz–Wien–Köln, 1967.
- Dressler 1971 – *Dressler W.* Some constraints on phonological change. – *Chicago Linguistic Society*, 1971, v. 7.
- Dyen 1963 – *Dyen I.* Why phonetic change is regular. – *Language*, 1963, v. 39, N 4.
- Eckert 1971 – *Eckert R.* Zur Dialektik von Historischem und Logischem unter besonderer Berücksichtigung der Bedeutung der Geschichte der Sprache in der kommunistischen Gesellschaftsformation. – *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1971, t. 24, H. 3–4.
- Eckert 1972 – *Eckert R.* Zum Verhältnis von Diachronie und Synchronie bei August Schleicher und heute. – In: *Synchronischer und diachronischer Sprachvergleich*, Jena, 1972.
- Eliason, Davis 1939 – *Eliason N.E., Davis R.C.* The effect on stress upon quantity in dissyllables. An experimental and historical study. Bloomington, 1939.
- Engels 1956 – *Engels J.* Y a-t-il progrès dans le langage? – *Neophilologus*, 1956, t. 15.
- Erdmann 1972a – *Erdmann P.* Tiefenphonologische Lautgeschichte der englischen Vokale. Frankfurt, 1972.
- Erdmann 1972b – *Erdmann P.* Zur strukturalistischen Erklärung des i-Umlautes. – *Linguistics*, 1972, v. 78.
- Fischer 1958 – *Fischer J.L.* Social influences in the choice of a linguistic variant. – *Word*, 1958, t. 14.
- Fishman 1964 – *Fishman J.A.* Language maintenance and language shift as field of inquiry. – *Linguistics*, 1964, v. 9.
- Fodor 1965 – *Fodor I.* The rate of linguistic change. The Hague, 1965.
- Fonagy 1956 – *Fonagy J.* Über den Verlauf des Lautwandels. – *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1956, v. 6, f. 1–3.
- Fonagy 1964 – *Fonagy J.* A dynamic approach in phonetics. – In: *Revolution vs. continuity in the study of the Wenner – Gren Foundation for Anthropological Research*, 1964.
- Fonagy 1967 – *Fonagy J.* Variation und Lautwandel. – In: *Phonologie der Gegenwart (Vorträge und Diskussion anlässlich der Internationalen Phonologie-Tagung in Wien)*. Graz–Wien–Köln, 1967.
- Fonagy 1971 – *Fonagy J.* Double-coding in speech. – *Semiotica*. The Hague, v. 3, N 3, 1971.
- Fourquet 1948 – *Fourquet J.* Les mutations consonantiques du germanique. Essai de position des problèmes. Paris, 1948.
- Fourquet 1954 – *Fourquet J.* Die Nachwirkungen der ersten und zweiten Lautverschiebungen. – *Zeitschrift für Mundartforschung*, 1954, v. 22, H. 1.
- Fourquet 1964 – *Fourquet J.* Pourquoi les lois phonétiques sont sans exception. – In: *Proceedings of the 9th International Congress of Linguists (Cambridge, Mass., 1962)*. The Hague, 1964.
- Fourquet 1972 – *Fourquet J.* Linguistique et histoire. – *Journal de psychologie normale et pathologique*. Paris, 1972, N 1.

- Fowler 1963 — *Fowler M.* Indo-European [bh] > English /v/. — *Word*, 1963, 19, N 3.
- Frei 1969 — *Frei H.* De la linguistique comme science de lois. — In: *Geneva School reader in linguistics*. Bloomington — London, 1969.
- Furdal 1964 — *Furdal A.* O przyczynach zmian głosowych w języku polskim. Wrocław, 1964.
- Gaeng 1972 — *Gaeng P.A.* Introduction to the principles of language. N.Y., 1972.
- Galton 1954 — *Galton H.* Tendency in linguistic evolution. — *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*. 1954, H. 3/4; H. 5/6.
- van Ginneken 1956 — *van Ginneken J.* Roman Jakobson: pioneer of diachronic phonology. — In: *For Roman Jakobson*. The Hague, 1956.
- Glinz 1969 — *Glinz H.* Synchronie — Diachronie — Sprachgeschichte. — In: *Sprache — Gegenwart und Geschichte. Probleme der Synchronie und Diachronie*. Düsseldorf, 1969.
- Gougenheim 1939 — *Gougenheim G.* Réflexions sur la phonologie historique du français. — *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1939, t. 8.
- Grammont 1939 — *Grammont M.* Traité de phonétique. Paris, 1939.
- Graur 1971 — *Graur A.* Fréquence et évolution. — *Revue roumaine de ling.*, 1971, t. 16, N 1.
- Greenberg 1959 — *Greenberg J.* Language and evolution. — In: *Evolution and anthropology. A centennial appraisal*. Washington, 1959.
- Greenberg, Osgood, Sebeok 1965 — *Greenberg J., Osgood C.E., Sebeok T.* Language change. — In: *Psycholinguistics*, ed. by C. Osgood, T. Sebeok. Bloomington, 1965.
- Greisman 1966a — *Greisman A.J.* Les aspects quantitatifs en linguistique diachronique. In: *Statistique et analyse linguistique*. Paris, 1966.
- Greimas 1966b — *Greimas A.J.* Structure et histoire. — *Les temps modernes*, N 246, nov. 1966.
- Griffen 1974 — *Griffen T.D.* The development of Welsh affricates: a change through borrowing. — *Lingua*, 1974, v. 34.
- de Groot 1948 — *de Groot A.W.* Structural linguistics and phonetic law. — *Lingua*, 1948, v. 1, N 2.
- Hall 1960 — *Hall R.A., Jr.* On realism in reconstruction. — *Language*, 1960, v. 36.
- Haudricourt 1939 — *Haudricourt A.* Quelques principes de phonologie historique. — *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1939, t. 8.
- Haudricourt 1946a — *Haudricourt A.* Les systèmes vocaliques en gallo-roman du haut moyen-âge du point de vue de la phonologie diachronique. — In: *Bulletin de la Société de ling. de Paris*, t. 43, 1946.
- Haudricourt 1946b — *Haudricourt A.* Quelques phénomènes d'évolution phonologique et de contagion phonétique du chinois au mon-khmer. — *Bulletin de la Société de ling. de Paris*, 1946, t. 43.
- Haudricourt 1947–1948 — *Haudricourt A.* Exemple d'évolution phonologique dans le vocalisme du dialecte de Reggio. — *Bulletin de la Société de ling. de Paris*, 1947–1948, t. 19.
- Haudricourt 1948 — *Haudricourt A.* Problèmes de phonologie diachronique. — *Lingua*, 1948, t. 1, N 2.
- Haudricourt 1970 — *Haudricourt A.* Consonnes nasales et demi-nasales dans l'évolution des systèmes phonologiques. — In: *Actes du 10e Congrès International des linguistes*. Bucarest, 1967, t. 4, 1970.
- Haudricourt, Juilland 1970 — *Haudricourt A., Juilland A.* Essai pour une histoire structurale du phonétisme français. The Hague, Paris, 1970.
- Harms 1966 — *Harms R.T.* The measurement of phonological economy. — *Language*, 1966, v. 17, N 3, pt. 1.
- Haugen 1950 — *Haugen E.* Problems of bilingualism. — *Lingua*, 1950, t. 2, N 3.
- Havránek 1939 — *Havránek B.* Ein phonologischer Beitrag zur Entwicklung der slavischen Palatalreihen. In: *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1939, t. 8.
- Heller, Macris 1967 — *Heller L.G., Macris J.* Perspectives in functionalism. — *Word*, 1967, v. 23, N 1–3.
- Hermann 1931 — *Hermann E.* Lautgesetz und Analogie. — *Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philosophisch-historische Klasse*. N.F., Bd. 23, Abh. 3. Berlin. 1931.

- Hermann 1933 — *Hermann E.* Die Lautgesetze. — In: Actes du 2me Congrès des Linguistes. Paris, 1933.
- Hewson 1971 — *Hewson J.* Underlying forms. — *Lingua*, 1971, v. 27, N 2–3.
- Herrlitz 1970 — *Herrlitz W.* Historische Phonologie des Deutschen, t. 1, Vokalismus. Tübingen, 1970.
- Hill 1936 — *Hill A.* Phonetic and phonemic change. — *Language*, 1936, t. 12, pt. 1.
- Hjelmslev 1928 — *Hjelmslev L.* Principes de grammaire générale. Copenhagen, 1928.
- Hjelmslev 1947 — *Hjelmslev L.* Les méthodes structurales et leurs application éventuelle aux sciences historiques. — In: *Classical Philology*. Chicago, 1947.
- Hockett 1948 — *Hockett Ch.F.* Implications of Bloomfield's Algonquian Studies. — *Language*, v. 24, 1948, N 1.
- Hockett 1965 — *Hockett Ch.F.* Sound change. — *Language*, 1965, v. 16, N 2.
- Hockett 1966 — *Hockett Ch.F.* The quantification of functional load: a linguistic problem. — In: Memorandum RM-5168-PR, Santa Monica, Cal., 1966.
- Hodge 1972 — *Hodge C.J.* Sources of historical linguistic evidence. — In: *Studies in linguistics in honor of George L. Trager*. The Hague-Paris, 1972.
- Hoenigswald 1946 — *Hoenigswald H.M.* Sound change and linguistic structure. — *Language*, 1946, v. 22.
- Hoenigswald 1959 — *Hoenigswald H.M.* Sound change and internal reconstruction. Chicago, 1959.
- Hoenigswald 1960 — *Hoenigswald H.M.* Language change and linguistic reconstruction. Chicago, 1960.
- Hoenigswald 1964a — *Hoenigswald H.M.* Allophones, allomorphs and conditioned change. — In: *Proceedings of the 9th International Congress of Linguists*. The Hague, 1964.
- Hoenigswald 1964b — *Hoenigswald H.M.* Graduality, sporadicity, and the minor sound change processes. — *Phonetica*, 1964, v. 2, N 3–4.
- Hoenigswald 1968 — *Hoenigswald H.M.* Universals of linguistic change. — In: *Universals of language*. Cambridge, Mass., 1968.
- Isinberg 1965 — *Isinberg H.* Diachronische Syntax und die logische Struktur einer Theorie des Sprachwandels. — In: *Studia grammatica. V. Syntaktische Studien*. Berlin, 1965.
- Jacob 1967 — *Jacob A.* Temps et langage. Paris, 1967.
- Jakobson 1931 — *Jakobson R.* Prinzipien der historischen Phonologie. — In: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1931, t. 4.
- Jakobson 1962 — *Jakobson R.* Selected writings. vol. 1. 's-Gravenhague, 1962.
- Jakobson 1970 — *Jakobson R.* Linguistics. — In: *Main trends of research in the social and human sciences*. Paris-The Hague, 1970.
- Jankowsky 1972 — *Jankowsky K.R.* The Neogrammarians. A re-evaluation of their place in the development of linguistic science. The Hague-Paris, 1972.
- Jespersen 1922 — *Jespersen O.* Language, its nature, development, and origin. London, 1922.
- Jespersen 1933 — *Jespersen O.* Zur Lautgesetzfrage: letzte Worte. — In: *Linguistica. Selected papers in English, French, and German*. Copenhagen, 1933.
- Jespersen 1949 — *Jespersen O.* Efficiency in linguistic change. — In: *Selected writings*. Kobenhavn, 1949 (2nd ed.: London-Tokyo, 1962).
- Joos 1952 — *Joos M.* The medieval sibilants. — *Language*, 1952, v. 28, N 2 (pt. 1).
- Juilland 1953 — *Juilland A.G.* A bibliography of diachronic phonemics. — *Word*, 1953, t. 9.
- Juilland 1967 — *Juilland A.G.* Perspectives du structuralisme évolutif. — *Word*, 1967, t. 23.
- Juilland, Lieb 1968 — *Juilland A., Lieb H.H.* "Klasse" und Klassifikation in der Sprachwissenschaft. Den Haag, 1968.
- Jonesy 1971 — *Jonesy L.* Current solutions in the study of linguistic change in American linguistics. — *Revue roumaine de linguistique*, 1971, v. 16, N 4.
- Kanngiesser 1972 — *Kanngiesser S.* Aspekte der synchronen und diachronen Linguistik. Tübingen, 1972.
- Kanngiesser 1973 — *Kanngiesser S.* Ansätze zu einer Theorie von Synchronie und Diachronie. — *Linguistics*, 1973, v. 51.
- King 1967 — *King R.D.* Functional load and sound change. — *Language*, 1967, t. 18, N 4.
- Kiparsky 1970 — *Kiparsky P.* Historical linguistics. — In: *A survey of linguistic science* (Ed. by W.O. Dingwall). College Park, 1970.

- Kiparsky 1972 — *Kiparsky P.* Explanation in phonology. — In: Goals of linguistic theory. Englewood Cliffs, N.Y., 1972.
- Klaus 1960 — *Klaus G.* Das Verhältnis von Kausalität und Teleologie in kybernetischer Sicht. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1960, H. 10.
- Koch 1970 — *Koch W.A.* Zur Theorie des Lautwandels. Hildesheim, 1970.
- Komarek 1956 — *Komarek M.* Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems. — Zeitschrift für Slavistik, 1956, Bd. 1, H. 4.
- Koppelman 1939 — *Koppelman H.L.* Ursachen des Lautwandels. Leiden, 1939.
- Kovács 1971 — *Kovács F.* Linguistic structures and linguistic laws. Amsterdam, 1971.
- Krupatkin 1966 — *Krupatkin Y.B.* Towards a causal internal reconstruction. — Philol. prag., 1966, v. 9, N 4.
- Kufner 1960 — *Kufner H.L.* History of central Bavarian obstruents. — Word, 1960, v. 16, N 1.
- Kurath 1961 — *Kurath H.* Phonemics and phonics in historical phonology. — American Speech, 1961, v. 36, N 2.
- Kuryłowicz 1938 — *Kuryłowicz J.* Lois générales de changement phonétique. — In: Onzième Congrès International de psychologie. Rapports et comptes-rendus. Paris, 1938.
- Kuryłowicz 1945 — *Kuryłowicz J.* La nature des procès dits "analogiques". — Anthropological Linguistics, 1945, t. 5.
- Kuryłowicz 1947 — *Kuryłowicz J.* Le sens des mutations consonantiques. — Lingua, 1947, t. 1.
- Kuryłowicz 1956 — *Kuryłowicz J.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
- Labov 1963 — *Labov W.* The social motivation of a sound change. — Word, 1963, v. 19, N 3.
- Labov 1965 — *Labov W.* On the mechanism of linguistic change. — In: Report of the 16th Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Studies (= "Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics", 18). Washington, 1965.
- Labov 1966a — *Labov W.* Hypercorrection by the lower middle class as a factor in linguistic change. — In: Sociolinguistics (ed. by W. Bright). The Hague, 1966.
- Labov 1966b — *Labov W.* The linguistic variables as a structural unit. — Linguistic Review, 1966, N 3.
- Ladd 1962 — *Ladd Ch.A.* The nature of sound changes. — In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. Cambridge, Mass., 1962.
- de Laguna 1963 — *de Laguna G.A.* Speech, its function and development, Bloomington, 1963.
- Lakoff 1972 — *Lakoff R.* Another look at drift. — In: Linguistic change and generative theory (ed. by R.P. Stockwell), R. Macauley, Bloomington, 1972.
- Lass 1974 — *Lass R.* Strategic design as the motivation for a sound shift: the rational of Grimm's law. — Acta linguistica Hafniensia, 1974, v. 15, N 1.
- Lauffer 1959 — *Lauffer R.* An attempt to explain the tendency toward the disappearance of the /œ/ phoneme on Modern French. — Journal of the Australian University Modern Languages Association, 1959, v. 12.
- Lawrence 1972 — *Lawrence T.L.* A description of certain phonetic tendencies as etiological factors in functional voice disorders. — In: International Congress of Phonetic Sciences, 7th, Montreal, 1971. The Hague — Paris, 1972.
- Lecointre, le Galliot 1973 — *Lecointre S., Le Galliot J.* Le changement linguistique: problèmes nouvelles. — Langages, 1973, N 32.
- Lehmann 1952 — *Lehmann W.P.* Proto-Indo-European phonology. Austin, 1952.
- Lehmann 1962 — *Lehmann W.P.* Historical linguistics: an introduction. N.Y., 1962.
- Lehmann 1964 — *Lehmann W.P.* Types of sound change. — In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists (Cambridge, Mass., 1962). The Hague, 1964.
- Lehmann 1968 — *Lehmann W.P.* Saussure's dichotomy between descriptive and historical linguistics. — In: Directions for historical linguistics (ed. by W.P. Lehmann and Y. Malkiel). London, 1968.

- Lehmann 1970 – *Lehmann W.P.* Phonological systems as units in change. – In: Actes du 10 me Congrès International des Linguistes (Bucarest, 1967), t. 4. Bucarest, 1970.
- Lehnert 1950 – *Lehnert M.* Zum Problem des Lautwandels. – Zeitschrift für Phonetik, 1950, v. 4.
- Lenneberg, 1970 – *Lenneberg F.H.* On explaining language. – In: Language and reading. Washington, 1970.
- Lerchner 1973 – *Lerchner G.* Die Anwendbarkeit der Kausalitätsrelation in der diachronischen Sprachwissenschaft. – Linguistische Studien, 1973, N 3.
- Leroy 1949 – *Leroy M.* Sur le concept d'évolution en linguistique. – Revue de l'Institut de Sociologie, 1949, t. 3.
- Lieb 1967 – *Lieb H.H.* Synchronic versus diachronic linguistics. A historical note. – Linguistics, 1967, v. 36.
- Locke 1972 – *Locke I.L.* Ease of articulation. – Journal of Speech and Hearing Research, 1972, v. 15, N 1.
- Lomax 1973 – *Lomax A.* Cross cultural factors on phonological change. – Language in Society, 1973, t. 2, N 2.
- Lüdtk 1956 – *Lüdtk H.* Die strukturelle Entwicklung des romanischen Vokalismus. Bonn, 1956.
- Lüdtk 1959 – *Lüdtk H.* Deutsche /x/ und /ç/ in diachronisch-phonologischer Betrachtung. – Phonetica, 1959, v. 4, N 4.
- Lund 1935 – *Lund A.* On the development of sounds in their unstable position in the sound system. – In: Actes du Congrès des philologues scandinaves, 1935, v. 8.
- Lunt 1956 – *Lunt H.G.* On the origins of phonemic palatalization in Slavic. – In: For Roman Jakobson. The Hague, 1956.
- Maack 1969 – *Maack A.* Über den Verlauf des Lautwandels. – Phonetica, 1959, v. 3.
- Magnusson 1973 – *Magnusson W.L.* Stages of linguistic change in French. – Linguistics, 1973, v. 114.
- Malkiel 1957 – *Malkiel Y.* Diachronic hypercharacterization in Romance. – Archivum linguisticum, 1957, t. 9, 1958, t. 10.
- Malkiel 1962 – *Malkiel Y.* Paradigmatic resistance to sound change. – Language 1962, t. 36, N 3, pt 1.
- Malkiel 1961 – *Malkiel Y.* From diachronic phonology to general linguistics. – Romance Philology, 1961, v. 15, N 2.
- Malkiel 1964 – *Malkiel Y.* Initial points versus initial segments of linguistics trajectories. – In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists (Cambridge, Mass., 1962). The Hague, 1964.
- Malkiel 1967 – *Malkiel Y.* Multiple versus simple causation in linguistic change. – In: To honor Roman Jakobson, v. 2, The Hague, 1967.
- Malmberg 1945 – *Malmberg B.* Synchronie et diachronie. In: Système et méthode. Trois études de linguistique générale. Årsbok. 1945.
- Malmberg 1956 – *Malmberg B.* Question de méthode en phonétique synchronique. – Studia Linguistica, 1956, t. 10.
- Malmberg 1962 – *Malmberg B.* La notion de "force" et les changements phonétiques. – Studia linguistica, 1962, t. 16, N 1.
- Malmberg 1970 – *Malmberg B.* Changement de perspectives en phonétique. – In: Nouvelles perspectives en phonétique. Bruxelles, 1970.
- Manczak 1957–1958 – *Manczak W.* Tendances générales des changements analogiques. 1–2. – Lingua, 1957–1958, v. 7.
- Manczak 1966 – *Manczak W.* Fréquence et évolution. – In: Statistique et analyse linguistique. Paris, 1966.
- Manczak 1969 – *Manczak W.* Le développement phonétique des langues romanes et la fréquence. Kraków, 1969.
- Manczak 1970 a – *Manczak W.* Cases vides. – In: *Manczak W.* Z zagadnień językoznawstwa ogólnego. Wrocław, Warszawa–Kraków, 1970.
- Manczak 1970 b – *Manczak W.* Évolution phonétique et "rendement fonctionnel". – Revue roumaine de ling., 1970, t. 6.
- Marchand 1956 – *Marchand J.W.* Internal reconstruction of phonemic split. – Language, 1956, v. 32, N 2.

- Marc-Wogau 1962 – *Marc-Wogau K.* On historical explanation. – *Theoria*, 1962, v. 28 (reprinted. In: *Marc-Wogau K.* Philosophical essays. Lund, 1967).
- Mareš 1965 – *Mareš F.V.* Die Entstehung des slavischen phonologischen Systems und seine Entwicklung bis zum Ende der Periode der slavischen Spracheinheit. München, 1965.
- Martinet 1938 – *Martinet A.* La phonologie. – *Le Français moderne*, 1938, t. 6.
- Martinet 1939 a – *Martinet A.* Équilibre et instabilité des systèmes phonologiques. – *Proceedings of the 3-d Congress of Phonetic Sciences*, 1939, v. 3.
- Martinet 1939 b – *Martinet A.* Rôle de la corrélation dans la phonologie diachronique. – *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1939, t. 8.
- Martinet 1952 – *Martinet A.* Fonction, structure and sound change. – *Word*, 1952, v. 8.
- Martinet 1955 – *Martinet A.* Économie des changements phonétiques. *Traité de phonologie diachronique*. Berne, 1955.
- Martinet 1959 – *Martinet A.* La palatalisation "spontanée" de G en arabe. – *Bulletin de la Société de ling. de Paris*, 1959, t. 57.
- Martinet 1964 – *Martinet A.* Les problèmes de la phonétique évolutive. – In: *Proceedings of the 5 th International Congress of Phonetic Sciences*. Münster, 1964.
- Martinet 1967 – *Martinet A.* La phonologie synchronique et diachronique. – In: *Phonologie der Gegenwart (Vorträge und Diskussion anlässlich der Internationalen Phonologie – Tagung in Wien, 30. VIII – 3. IX 1966)*. Graz–Wien–Köln, 1967.
- Martinet 1968 – *Martinet A.* La linguistique synchronique. Paris, 1968.
- Mathesius 1931 – *Mathesius V.* Zum Problem der Belastungs- und Kombinationsfähigkeit der Phoneme. – *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1931, t. 4.
- Matthews 1960 – *Matthews W. K.* Russian historical grammar. London, 1960.
- Meillet 1936 – *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. 2me éd. Paris, 1936.
- Melchert 1975 – *Melchert H.C.* "Exceptions" to exceptionless sound laws. – *Lingua*, 1975, v. 35, N 2.
- Meyerstein 1970 – *Meyerstein R.S.* Functional load. The Hague – Paris, 1970.
- Milewski 1967 – *Milewski T.* The evolution of the Common Slavic system. – In: *To honor Roman Jakobson*, v. 2. The Hague, 1967.
- Miller 1973 – *Miller D.G.* On the motivation of phonological change. – In: *Issues in linguistics. Papers in honor of Henry and René Kahane*. Urbana, 1973.
- Morag 1959 – *Morag Sh.* Planned and unplanned development in Modern Hebrew. – *Lingua*, 1959, v. 8, N 3.
- Moulton 1954 – *Moulton W.G.* The stops and spirants of Early Germanic. – *Language*, 1954, v. 30, N 1, pt. 1.
- Moulton 1961a – *Moulton W.G.* Lautwandel durch innere Kausalität: die ostschweizerische Vokalspaltung. – *Zeitschrift für Mundartforschung*, 1961, v. 28.
- Moulton 1961b – *Moulton W.G.* Zur Geschichte des deutschen Vokalismus. – *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* (Tübingen), 1961, v. 58, N 15.
- Moulton 1967 – *Moulton W.G.* Types of phonemic change. – In: *To honor Roman Jakobson*, v. 2. The Hague, 1967.
- Newton 1963 – *Newton B.E.* Patterns of sound change in Greek. – *Lingua*, 1963, v. 12, N 2.
- Nilson 1971 – *Nilson S.* On the logic of historical explanation. – *Theoria*, 1971, v. 36.
- Nist 1966 – *Nist J.* A structural history of English. N.Y., 1966.
- Nöth 1974 – *Nöth W.* Perspektiven der diachronen Linguistik. – *Lingua*, 1974, v. 33.
- Ohala 1974 – *Ohala J.J.* Experimental historical phonology. – In: *Historical linguistics*, v. 2. Amsterdam–Oxford. – N.Y. 1974.
- Ohmann 1947 – *Ohmann E.* Über Unregelmäßigkeit in der Lautentwicklung. – *Neuphilologische Mitteilungen*, 1947, v. 53.
- Pak 1972 – *Pak Tac-Yong.* The economy of distinctive features in phonology. – *Linguistics*, 1972, N 78.
- Palmer 1972. – *Palmer L.R.* Descriptive and historical linguistics. A critical introduction. London, 1972.
- Passy 1890 – *Passy P.* Études sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux. Paris, 1890.

- Peeters 1974 – *Peeters Ch.* Saussure néogrammairien et l'antinomie synchronie /diachronie. – *Linguistics*. The Hague, 1974, N 133.
- Pellowe, Nixon, Strang, Mc Neany, 1972 – *Pellowe J., Nixon G., Strang B., McNeany V. A* dynamic modelling of linguistic variation: the urban (Tyneside) linguistic survey. – *Lingua*, 1972, 30.
- Penzl 1947a – *Penzl H.* The development of Germanic *ai* and *au* in Old High German. – *Germanic Review*, 1947, v. 22.
- Penzl 1941b – *Penzl H.* The phonemic split of Germanic *k* in Old English. – *Language*, 1947, v. 23, N 1.
- Penzl 1957 – *Penzl H.* The evidence for phonemic change. – In: *Studies presented to Joshua Whatmough on his 60th birthday*, 's-Gravenhage, 1957.
- Penzl 1969 – *Penzl H.* Geschichtliche deutsche Lautlehre. München, 1969.
- Penzl 1971 – *Penzl H.* Lautsystem und Lautwandel in den althochdeutschen Dialekten. München, 1971.
- Petrovici 1957 – *Petrovici E.* Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremden Einfluß umgestaltet werden? (Zum slavischen Einfluß auf das rumänische Lautsystem). Haag, 1957.
- Petrovici 1964 – *Petrovici E.* Résistance du système phonologique à une forte influence phonétique étrangère. A propos des sonantes "syllabiques" istro-roumaines *r, n, et m.* – *Zeitschrift für Phonetik und Kommunikationsforschung*, 1964, v. 17, H. 2–4.
- Pike 1954 – *Pike E.V.* Phonetic rank and subordination in consonant patterning and historical change. – *Miscellanea Phonetica*, 1954, v. 2.
- Pike 1957 – *Pike K.L.* Axioms and procedures for reconstructions in comparative linguistics. Rev. ed. Glendale, 1957.
- Pike 1960 – *Pike K. L.* Toward a theory of change and bilingualism. – *Studies in Linguistics*, 1960, v. 15, N 1–7.
- Plotkin 1965 – *Plotkin V.Y.* Phonological statistics and diachronic phonology. – *Philol. Prag.*, 1965, v. 8, N 2–3.
- Polleyblank 1972 – *Polleyblank F.G.* How rapidly do languages change? – In: *Languages et techniques*. Nature et Société, t. 1. Paris, 1972.
- Popper 1959 – *Popper K.* The logic of scientific discovery. London, 1959.
- Prins 1958 – *Prins A.A.* The application of structural principles in the historical study of English. – In: *Proceedings of 8th International Congress of Linguistics (Oslo)*, 1958.
- Pulgram 1955 – *Pulgram E.* Neogrammarians and sound laws. – *Orbis*, t. 5, 1955.
- Pulgram 1961 – *Pulgram E.* French [ə]: statics and dynamics of linguistic subcodes. – *Lingua*, 1961, v. 10.
- Pușcariu 1937 – *Pușcariu S.* Sur les lois phonologiques. Études de linguistique roumaine. Cluj – Bucuresti, 1937.
- van Raad, Voorwinden 1973 – *van Raad A.A., Voorwinden N. Th. J.* Die historische Entwicklung des Deutschen. I. Einführung und Phonologie. Culemborg/Köln, 1973.
- Ramischvili 1967 – *Ramischvili G.* Zum Verständnis des Begriffes der Sprachform bei Wilhelm von Humboldt. – *Wissenschaftliche Zeitschrift der F. Schiller-Universität, Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*, Jg. 16, H. 5, 1967.
- Rauch 1967 – *Rauch I.* Phonological causality and Early Germanic consonantal conditioners of primary stressed vowels. – In: *Approaches in linguistic methodology* (ed. I. Rauch, Ch. T. Scott). Madison – London, 1967.
- Raun 1967 – *Raun A.* On the use of distinctive feature analysis in comparative historical linguistic. – In: *Martinet* 1967.
- Reid 1960 – *Reid T.B.W.* Historical phonology and linguistic science. Oxford., 1960.
- Rensch 1966 – *Rensch R.H.* Ferdinand de Saussure and Georg von der Gabelentz. Über -einstimmungen und Gemeinsamkeiten dargestellt and der langue – parole Dichotomie sowie der diachronischen und synchronischen Sprachbetrachtung. – *Phonetica*, v. 15, N 1, 1966.
- Rey 1973 – *Rey A.* Langage et temporalités. – *Langages*, 1973, v. 32.
- Ritchie 1968 – *Ritchie W.* On the explanation of phonic interference. – *Language Learning*, v. 18, 1968,...

- Robinson 1972 – *Robinson B.* A note on "hole on the system" and "phonological space". – In: Proceedings of the 7th International Congress of phonetic sciences. The Hague – Paris, 1972.
- Rogger 1934 – *Rogger K.* Vom Wesen des Lautwandels. – Leipziger Romanistische Studien. I. Reihe, H. 6, 1934.
- Rosetti 1948 – *Rosetti A.* Les changements phonétiques. Aperçu général. Copenhague, 1948.
- Rosetti 1961 – *Rosetti A.* Emprunt ou développement. – Revue de ling. romane, 1961, v. 25, N 99–100.
- Rosetti 1964 – *Rosetti A.* Remarques sur la phonologie historique du romane. – Revue de linguistique romane, 1964, t. 28, N 109–110.
- Rosettj 1965–1966 – *Rosetti A.* Sur les changements phonétiques. Aperçu général. – Acta linguistica Hafniensia. Copenhague, t. 9. 1965–1966.
- Ruiperez 1956 – *Ruipérez M.S.* Esquisse d'une histoire du vocalisme grec. – Word, 1956, v. 12, N 1.
- Ružicka 1962 – *Ružicka R.* Korrelationswandel als Erklärungsmodell in der diachronischen Grammatik. – Zeitschrift für Slavistik, 1962, v. 7.
- Samilov 1964 – *Samilov M.* The phoneme jat' in Slavic. The Hague, 1964.
- Samuels 1972 – *Samuels M.L.* Linguistic evolution. Cambridge, 1972.
- Sapir 1925 – *Sapir E.* The sound pattern in language. – Language, 1925, v. 1, N 2.
- Saporta 1965 – *Saporta S.* Ordered rules, dialect differences, and historical processes. – Language, 1965, t. 41, N 2.
- Sauvageot 1970 – *Sauvageot A.* Évolution linguistique et changement pronétique. – In: Linguistique contemporaine. Hommage à Eric Buyssens. Bruxelles, 1970.
- Schedrovitsky 1971 – *Schedrovitsky G.* Configuration as a Method of Construction of Complex Knowledge. – Systematics, 1971, v. 8, N 4.
- Schneider 1973 – *Schneider G.* Zum Begriff des Lautgesetzes in der Sprachwissenschaft seit den Junggrammatikern. Tübingen, 1973.
- Schogt 1961 – *Schogt H.G.* La notion de loi dans la phonétique historique. – Lingua, 1961, t. 10.
- Secheyhay 1969a – *Secheyhay A.* Les transformations de sons. – In: A Geneva School reader in linguistics. Bloomington – London, 1969.
- Secheyhay 1969b – *Secheyhay A.* Les trois linguistiques saussuriennes. – In: A Geneva School reader in linguistics. Bloomington – London, 1969.
- Seidelmann 1971 – *Seidelmann E.* Lautwandel und Systemwandel im der Wiener Stadtmundart. Ein strukturgeschichtlicher Abriß. – Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Wiesbaden, 1971, H. 2.
- Serebrennikov 1966 – *Serebrennikov B.A.* Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen v und j im Tschuwachischen. – Acta Orientalia Acad. Scientiarum Hungaricae, 1966, v. 19.
- Serech 1954 – *Serech Y.* Toward a historical dialectology: its delimitation of the history of literary language. – Orbis, 1954, v. 3, N 1.
- Sgall 1972 – *Sgall P.* A note on typology and development of languages. – Linguistics, 1972, N 85.
- Shevelov 1967 – *Shevelov G.V.* On predicaments, predictability and futurism in phonology. – In: Martinet 1967.
- Sieberer 1958 – *Sieberer A.* Lautwandel und seine Triebkräfte. Eine Studie über den Zusammenhang der Lautänderungen. Wien, 1958.
- Sigurd 1958 – *Sigurd B.* Tendencies in the combination of prevocal and postvocal consonants in Swedish monosyllables. – Studia linguistica, 1958, v. 12.
- Solta 1965 – *Solta G.R.* Palatalisierung und Labialisierung. – Indogermanische Forschungen, 1965, v. 70, H. 3.
- Sommerfelt 1962 – *Sommerfelt A.* Diachronic and synchronic aspects of language. Selected articles. The Hague, 1962.
- Stati 1971 – *Stati S.* De l'explication en linguistique historique. Questions de métalangage. – In: Recherches sur la philosophie des sciences. Bucarest, 1971.
- Stati Wald 1971 – *Stati S., Wald L.* Metodologie. – In: Tractat de lingvistică generală. București, 1971.

- Steblin-Kamenskij 1957 – *Steblin-Kamenskij M.I.* Scandinavian breaking from a phonemic point of view. – *Studia linguistica*. Copenhagen, v. 11, N 2.
- Steblin-Kamenskij 1960 – *Steblin-Kamenskij M.I.* Three types of sound change. – *Philol. prag.*, 1960, v. 3, N 4.
- Steblin-Kamenskij 1963 – *Steblin-Kamenskij M.I.* On Scandinavian rhotacism and laws governing the change of distinctive features. – *Philol. prag.*, 1963, 6, N 4.
- Stefanini 1972 – *Stefanini J.* Modèle transformationnelle de linguistique historique. – In: *The formal analysis of natural languages*. The Hague-Paris, 1973.
- Stevick 1963 – *Stevick R.D.* The biological model and historical linguistics. – *Language*, 1963, v. 39, N 2.
- Stieber 1946 – *Stieber L.* Uwagi o przyczynach zmian fonologicznych. – *Spraw. czyn. i pos. Polskiej Akademii. Umiejętności*, 1964, v. 47.
- Stockwell 1964 – *Stockwell R.P.* On the utility of an overall pattern in historical English phonology; In: *Lehmann 1964*.
- Stockwell 1964 – *Stockwell R.P.* Realism in historical English phonology. Paper at the meeting of the Linguistic Society of America, December, 1964.
- Stopa 1965 – *Stopa R.* Die Entwicklung der Sprachlaute. – *Phonetica*, 1965. Bd. 13.
- Sturtevant 1917 – *Sturtevant E.H.* Linguistic change. An introduction to the historical study of language. Chicago-London, 1917.
- Sturtevant 1934 – *Sturtevant A.M.* Certain phonetic tendencies in Old Norse. – *Language*, 1934, v. 10, N 1.
- Szulc 1974 – *Szulc A.* Die Haupttypen der phonetischen Interferenz. – In: *Wissenschaftliche Zeitschrift (Karl-Marx-Univ. Leipzig)*, Ges. – und Sprachwiss. Reihe, Jg. 23, H. 1, 1974.
- Tauli 1958 – *Tauli V.* The structural tendencies of languages. Helsinki, 1958.
- Tauli 1963 – *Tauli V.* Trend of the structural changes of languages. – *Orbis*, 1963, v. 12, N 1.
- Togebly 1957 – *Togebly K.* Désorganisation et reorganisation dans l'histoire des langues romanes. – In: *Estructuralismo e historia*. t. 1. Madrid, 1957.
- Togebly 1960 – *Togebly K.* Les explications phonologiques historiques sont-elles possibles? – *Romance Philology*, 1960, t. 13, N 4.
- Trim 1959 – *Trim J.L.M.* Historical, descriptive, and dynamic linguistics. – *Language and Speech*, 1959, N 1.
- Trnka 1936 – *Trnka B.* On the phonological development of spirants in English. – In: *The Proceedings of the 2th International Congress of Phonetic Sciences*. Cambridge, 1936.
- Trnka 1939 – *Trnka B.* On the combinatory variants and neutralization of phonemes. – In: *Proceedings of the 3th International Congress of Phonetic Sciences*, Chent, 1939.
- Trnka 1959 – *Trnka B.* A phonemic aspect to the Great Vowel Shift. – In: *Melanges de ling. et de philol. Ferdinand Mosse*. Paris, 1959.
- Trost 1958 – *Trost P.* K příčinám jazykových změn. – In: *O vědeckém poznání soudobých jazyků*. Praha, 1958.
- Troubetzkoy 1925 – *Troubetzkoy N.S.* Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. – *Zeitschrift für slavische Philol.* 1925, 1, H. 3–4.
- Troubetzkoy 1933a – *Troubetzkoy N.S.* Die Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. – In: *Hommage Miletic*, Sofia, 1933.
- Troubetzkoy 1933b – *Troubetzkoy N.S.* La phonologie actuelle. – *Journal de psychologie normale et pathologique*. 1933, t. 30.
- Twaddell 1938 – *Twaddell W.F.* A note of Old High German umlaut. – *Monatshefte für deutsche Unterricht, deutsche Sprache und Literatur*, 1938, v. 30, N 1–4.
- Twaddell 1948 – *Twaddell W.F.* The prehistoric Germanic short syllabics. – *Language*, 1948, v. 24, N 2.
- Twaddell 1956 – *Twaddell W.F.* Pre-OHG */t/, – In: *For Roman Jakobson*, 1956, (ed. M. Halle).
- Ungeheuer 1969 – *Ungeheuer G.* Über den arbiträren Charakter des sprachlichen Zeichens. Ein Beitrag zum Verhältniss von synchroner und ahistorischer Betrachtungsweise in der Linguistik. – In: *Sprache – Gegenwart und Geschichte. Probleme der Synchronie und Diachronie*, Jb. 1968. Düsseldorf, 1969.

- Vachek 1933 – *Vachek J.* Prof. Karl Luick and the problems of historical phonology. – *Casopis pro moderni filologii*, 1933, ročn. 19, číslo 3–4.
- Vachek 1957 – *Vachek J.* On the interplay of quantitative and qualitative aspects in phonemic development. A contribution to the history of some English consonant phonemes. – *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 1957, v. 5, H. 1.
- Vachek 1958 – *Vachek J.* Notes on the development of language seen as a system of systems. – *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university*, 1958, v. 7, A 6.
- Vachek 1959 – *Vachek J.* Notes on the quantitative correlation of vowels in the phonemic development of English. – In: *Mélanges linguistiques et de philologie Ferdinand Mossé*. Paris, 1959.
- Vachek 1962 – *Vachek J.* On the interplay of external and internal factors in the development of language. – *Lingua*, 1962, v. 11.
- Vachek 1964 – *Vachek J.* On some basic principles of "Classical Phonology". – *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1964, 17.
- Vachek 1966 – *Vachek J.* The linguistic school of Prague. Bloomington–London, 1966.
- Vachek 1968 – *Vachek J.* A note of future prospects of diachronistic language research. – *Lingua*, 1968, v. 21.
- Vachek 1969 – *Vachek J.* On the explanatory power of the functional load of phonemes. – *Slavica Pragensia*, 1969, v. 11.
- Vennemann 1972 – *Vennemann T.* Sound change and markedness theory. On the history of the German consonant system. – In: *Linguistic change and generative theory* (ed. by R.P. Stockwell and R.K.S. Macaulay). Bloomington – London, 1972.
- Vinay 1958 – *Vinay J.P.* Note sur le caractère cyclique de certains faits d'évolution. – In: *Miscelanea homenaje a André Martinet*. Madrid, 1958, t. 2.
- Vogt 1954 – *Vogt H.* Phoneme classes and phoneme classification. – *Word*, 1954, v. 10.
- Walter 1974 – *Walter H.* Rendement fonctionnel et coefficient dynamique. – *Linguistique*, Paris, 1974, t. 10, fasc. 2.
- Wang 1967 – *Wang W.S.Y.* The measurement of functional load. – *Phonetica*, 1967, v. 16.
- Wang 1968 – *Wang W.S.Y.* Vowel features, paired variables, and the English Vowel. – *Language*, 1968, v. 44.
- v. Wartburg 1939 – *v. Wartburg W.* Betrachtungen über das Verhältnis von historischer und deskriptiver Sprachwissenschaft. – In: *Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*. Geneva, 1939.
- v. Wartburg 1946a – *v. Wartburg W.* Problèmes et méthodes de linguistique. Paris, 1945.
- v. Wartburg 1946b – *v. Wartburg W.* Évolution et structure de la langue française – In: *Bibliotheca Romanica. Manualia et Commentationes*, 1, Berne, 1946.
- Weinreich 1952 – *Weinreich U.* Is a structural dialectology possible? – *Word*, 1952, v. 10, N 2–3.
- Weinreich 1953 – *Weinreich U.* Languages in contact. N.Y., 1953.
- Weinreich 1957 – *Weinreich U.* On the description of phonic interference. – *Word*, 1957, v. 13.
- Weinreich 1958a – *Weinreich U.* On the compatibility of genetic relationship and convergent development. – *Word*, 1958, v. 14, N 2–3.
- Weinreich 1958b – *Weinreich U.* A retrograde sound shift in the guise of a survival. – In: *Miscelanea homenaje a André Martinet*, Madrid, v. 2, 1958.
- Weinreich, Labov, Herzog 1968 – *Weinreich U., Labov W., Herzog M.* Empirical foundations for a theory of language change. – In: *Directions for historical linguistics* (ed. by W.P. Lehmann and Y. Malkiel), London, 1968.
- Wells 1958 – *Wells R.* Non-phonological factors in linguistic change: a speculative essay. – In: *Miscelanea homenaje a André Martinet*, v. 2. Canarias, 1958.
- van Wijk 1937a – *van Wijk N.* Ist der slavische Lautwandel $ky > ki$, $gy > gi$, $hv > hi$ phonologisch oder nur phonetisch? – *Indogermanische Forschungen*, 1937, v. 55.
- van Wijk 1937d – *van Wijk N.* Umfang und Aufgaben der diachronischen Phonologie. – In: *Mélanges de linguistique en de philologie offerts à J. van Ginneken*. Paris, 1937.
- van Wijk 1937b – *van Wijk N.* L'étude diachronique des phénomènes phonologiques et extraphonologiques. – *Travaux du Cercle Ling. de Prague*, 1939, t. 8.

- van Wijk 1939–1940 – *van Wijk N.* Ein phonetisch-phonologisches Problem: die sogenannte Entpalatalisierung vor harten Dentalen im Slavischen und Niederländischen. – *Slavia*, 1939–1940, v. 17.
- Wilden 1972 – *Wilden A.* Structuralism, communication, and evolution. – *Semiotica*. The Hague, 1972, v. 6, N 3.
- Wittmann 1971 – *Wittmann H.* Recent development in diachronic linguistics. – *Linguistics*, The Hague, 1971, v. 65.
- Wolfe 1972 – *Wolfe P.M.* Linguistic change and the Great Vowel Shift in English. Berkeley – e.a. Univ. of California Press, 1972.
- Zabrocki 1962 – *Zabrocki L.* Zur diachronischen strukturellen Phonetik. – In: *Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague, 1962.
- Zdrengea 1960 – *Zdrengea M.* Quelques considérations sur l'évolution du système vocalique de la langue roumaine. – *Revue de ling.*, 1960, t. 5.
- Zengel 1962 – *Zengel M.S.* Literacy as a factor in language change. – *American Anthropologist*, 1962, v. 64.
- Zipf 1929 – *Zipf G.K.* Relative frequency as a determinant of phonetic change. – In: *Harvard Studies in Classical Philology*, 1929, v. 40.
- Zipf 1949 – *Zipf G.* Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, Mass., 1949.
- de Zwart 1973 – *de Zwart H.S.* L'explication en linguistique. – In: *L'explication dans les sciences*. Paris, 1973.
- Zwirner 1969 – *Zwirner E.* Zur Herkunft und Funktion des Begriffspaares Synchronie – Diachronie. – In: *Sprache – Gegenwart und Geschichte. Probleme der Synchronie und Diachronie*. Düsseldorf, 1969.
- Zwirner 1971 – *Zwirner E.* Strukturwechsel und Realisierungswandel. Ein Beitrag zur Geschichte und Theorie der Sprachwissenschaft. – In: *Form and Substance*. København, 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	3
Глава 1. КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЕ СРЕДСТВА, ПРИНЦИПЫ И ПРОЦЕДУРЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА	7
Глава 2. СОДЕРЖАНИЕ, ПРИНЦИПЫ И ТЕХНИКА ЛОГИКО-МЕТО- ДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНОГО ПРЕДМЕТА. . . .	22
Исходные идеи, лежащие в основе модели научного предмета.	22
Структурно-функциональная и морфологическая характеристика под- систем научного предмета.	25
Процессуальное представление научного предмета	40
Задачи и техника логико-методологического анализа научного предмета	45
Глава 3. ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРОЕНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ДИС- ЦИПЛИНЫ	50
Область исследования, исходные принципы и допущения, основные онто- логические представления исторической фонологии.	50
Предмет исторической фонологии и средства его задания	50
Предпосылки возникновения исторической фонологии.	54
Обоснование возможности существования исторической фонологии . .	57
Место исторической фонологии в пространстве лингвистических дис- циплин.	66
Проблемы, задачи и категориально-понятийные средства исторической фо- нологии	80
Эмпирический материал и модели исторической фонологии.	94
Общая характеристика эмпирического материала	94
Единицы описания.	95
Основные процессы изменения в фонологической системе и их модели- рование	98
Классификация звуковых изменений.	98
Характеристика основных типов процессов звуковых изменений . .	107
Проблема объяснений в исторической фонологии	120
Логико-гносеологическая характеристика научного объяснения	120
Общая характеристика экспланаторных средств исторической фоно- логии.	123
Типы объяснений в исторической фонологии	136
Состав экспланаторных средств исторической фонологии (факторы, тенденции, законы)	144
Методологические проблемы построения объяснений в исторической фонологии	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	173
ЛИТЕРАТУРА	179

Валентина Ивановна

Постовалова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ
И ЕЕ ОСНОВАНИЯ

(Опыт
логико-методологического
анализа)

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
АН СССР*

Редактор издательства

Е.В. Фурманова

Художественный редактор

Т.А. Поленова

Технический редактор

Л.А. Куликова

ИБ № 5107

Подписано к печати 3. 08. 78
Усл.печ.л. 12,8. Уч.-изд.л. 16,2
Формат 60 х 90 1/16. Бумага офс. № 1
Тираж 2150 экз. Тип. зак. 177.
Цена 1 р. 70 к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука",
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94^а
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
11	25 св.	материалом	материал
128	10 св.	Шлейхтеру	Шлейхеру
203	1 св.	Ивановна	Ильинична

Зак. 177. В.И. Постовалова

1 р. 70 к.